ПИСЬМА

ИЗЪ

ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ

ИСКАНДЕРЪ

[illegible]

[illegible]

ЛОНДОНЪ.

[illegible]

РЮБНЕРА И К-НІЙ.

—o—

Вольная русская типографія была заведена въ Лондонѣ Александромъ Герценомъ въ 1853. Она начала свои изданія съ летучихъ листовъ. (Юрьевъ День, Видѣніе Св. Кондратія) — вслѣдъ за тѣмъ вышли: "Крещеная Собственнось" "Прерванные разсказы" "Тюрьма и Ссылка" "Письма изъ Франціи и Италіи" "Съ того Берега" и наконецъ въ 1855 году вышла первая книжка "Полярной Звѣзды". Сбытъ этихъ книгъ былъ ничтоженъ до выхода второй книжки Полярной Звѣзды въ 1856. Но въ теченіи 1856 и въ первой половинѣ 57, всѣ изданія вольной русской типографіи въ Лондонѣ разошлись. Тогда мы предложили Г. Герцену предоставить намъ право втораго изданія его сочиненій и Полярной Звѣзды. Съ своей стороны З. Свентославскій — завелъ при Universal Printing Office, 178 & 179 High Holborn, русскій станокъ и изъ него-то вышли новыя изданія сочиненій Искандера трехъ первыхъ книжекъ Полярной Звѣзды, переводъ писемъ Искандера къ Линтону (Старый міръ и Россія). 14. Декабря и Императоръ Николай.

Въ вольной типографіи Г. Герцена печатались въ это время прибавочные листы къ Полярной Звѣздѣ подъ заглавіемъ Колоколъ и IV книжка Полярной Звѣзды.

Въ то время какъ въ Россіи при возбужденной новой жизни, съ такою быстротою покупались книги и изданія Г. Герцена, Прусское правительство и за нимъ Саксонское стали брать всевозможныя полицейскія мѣры чтобъ останавливать не только циркуляцію русскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Лондонѣ, но и самый транспортъ ихъ.

Эти беззаконныя и притѣснительныя мѣры нисколько не пугаютъ насъ. Наше перепечатываніе будетъ продолжаться и вслѣдъ за изданіемъ "Съ Того Берега" выйдетъ переводъ съ французскаго письма Герцена къ Мишле (Русскій Народъ и Соціализмъ).

TRÜBNER AND CO.,

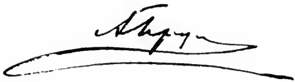
AMERICAN, CONTINENTAL, AND ENGLISH BOOKSELLERS,

60, PATERNOSTER ROW, LONDON.

Universal Printing Establishment, 178 & 179, High Holborn.

Elisa Gehel

ПИСЬМА

ИЗ

ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

LONDON,

[illegible]

[illegible]

ПИСЬМА

ИЗЪ

ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ

ИСКАНДЕРА. Герцен

(1847—1852)

—

Изданіе Второе Н. Трюбнера

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858

V Ruskost arakov

Можетъ я не во время издаю мои старыя письма объ Италіи и Франціи.

Я издаю ихъ потому, что у меня много досугу. Русскому нечего теперь здѣсь говорить и нельзя. Война пьянитъ, кровь невинныхъ подымается багровымъ туманомъ и не позволяетъ просто смотрѣть. Скрѣпя сердце приношу я на жертву войнѣ свободную рѣчь, которую купилъ дорогой цѣной изгнанія и потерь.

Я молчу, потому что не хочу смѣшивать петербуржское правительство съ рускимъ народомъ. Я никогда не скрывалъ моей ненависти къ первому, и никогда не скрою моей любви ко второму.

Мои брошюры, статьи въ журналѣ Прудона, мои письма къ Маццини и къ Мишле, были приняты съ живымъ участіемъ радикальною прессой въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ. Я сдѣлалъ опытъ продолжать

туже рѣчь въ началѣ нынѣшняго года (*) и заслужилъ вопль негодованія, грязь неблагородныхъ обвиненій и подлыхъ намековъ. Имъ теперь не до правды; до поры, до времени надобно молчать или говорить о другомъ.

— Письма эти не имѣютъ прямаго отношенія къ настоящимъ событіямъ. Они остались какъ были писаны (1847—1852), я только выбросилъ нѣкоторыя подробности ,скучныя теперь, но не коснулся ни до тона, ни до сущности.

Писавши эти письма подъ шумъ и громъ событій, я часто увлекался, но былъ откровененъ — за это я ручаюсь и потому думаю, что они не будутъ лишены для русскихъ читателей той занимательности, которую имѣли въ Германіи (**).

Твикнемъ, 9 Ноября 1854 г.

(*) Letters to W. Linton Esq. Въ его журналѣ "*thé English Republic*"—въ первыхъ книжкахъ 1854.

(**) Четыре первыхъ письма были напечатаны въ Современникѣ за 1847 подъ заглавіемъ "Письма изъ *Avenue Marigny*", разумѣется, что красный призракъ цензурныхъ чернилъ постоянно былъ у меня передъ глазами, когда я ихъ писалъ. Слѣдующія семь были изданы въ началѣ 1850 г. въ Гамбургѣ Гофманомъ и Кампе (*Briefe aus Italien und Frankreich v. einem Russen*). Остальныя письма не были въ печати. Мнѣ предлагали ихъ помѣстить въ журналѣ французскихъ изгнанниковъ въ Англіи, я писалъ даже объ этомъ письмо къ редактору, (см. *L'Homme* 22 февраля 1854)—но отложилъ, не желая ничѣмъ вызывать на новую полемику.

Письма эти въ расплохъ остановленныя и на скоро закрѣпленныя впечатленія времени—не Богъ знаетъ какъ давно прошедшаго — но преданію о которомъ уже "вѣрится съ трудомъ". Можетъ поэтому они и имѣютъ для меня особую цѣну.

Въ нихъ первая встрѣча съ Европой, веселая сначала—да и какъ же было не веселиться вырвавшись изъ николаевской Россіи, послѣ двухъ ссылокъ и однаго полицейскаго надзора. Веселый тонъ писемъ скоро тускнетъ—начинается зловѣщее раздуміе и патологическій разборъ. Пестрыя декораціи конституціонной Франціи не на долго могли скрыть — внутреннюю болѣзнь глубоко разъѣдавшую ее. Чѣмъ пристальнѣе я всматривался, тѣмъ яснѣе видѣлъ что Францію можетъ воскресить

только коренной экономическій переворотъ—93 годъ соціализма. Но гдѣ силы на него?...... гдѣ люди?.......а пуще всего гдѣ мозгъ? Съ горькимъ сомнѣніемъ и не рѣшенными вопросами покинулъ я Францію и съ разу наткнулся въ Италіи на первые, свѣтлые дни ея пробужденія...Я шелъ отъ одной народной побѣды къ другой—я видѣлъ только восторженные лица, ликующіе взоры, вдругъ громовой ударъ 24 Февраля и вслѣдъ за нимъ, разсыпались троны — цари пускались въ бѣгство, подобравши порфиру и толкая другъ друга по большимъ дорогамъ. Ироническій духъ революціи, снова привелъ западнаго человѣка на гору, показалъ ему республику во Франціи, баррикады въ Вѣнѣ, Италію въ Ломбардіи—и снова столкнулъ его въ тюрьму, гдѣ ему за дерзкій сонъ прибавили новый обручь. Я слышалъ какъ его заклепывали — и опять письма мои отразившія увлеченіе 1848 становятся мрачны, и этотъ мракъ растетъ и растетъ до тѣхъ поръ пока 2 Декабря 1851 года вырываетъ крикъ Viva la mort! Когда послѣдняя надежда изчезла, когда оставалось самоотверженно склонить голову и молча принимать, довершающіе удары, какъ послѣдствія страшныхъ событій, вмѣсто

отчаянія — въ груди моей возвратилась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью обернулся назадъ.

Такимъ образомъ эти письма вмѣстѣ съ книжкой изданной мною въ Швейцаріи (Vom andern Ufern) составляютъ цѣлый циклъ моего путешествія, мою странническую Одиссею. Начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину.

Вѣра въ Россію — спасла меня на краю нравственной гибели.

Вѣровать теперь въ развитіе Россіи неудивительно, когда Николай въ Петропавловской крѣпости да и тамъ подъ спудомъ — а его преемникъ освобождаетъ крестьянъ. Тогда было не такъ. Но въ самый темный часъ, холодной и непривѣтной ночи, стоя середь падшаго и разваливающагося міра и вслушиваясь въ ужасы которые дѣлались у насъ —внутренній голосъ говорилъ все громче и громче что не все еще для насъ погибло—и я снова повторялъ Гетевскій стихъ который мы такъ часто повторяли юношами Nein, es sind keine leere Træume!

За эту вѣру въ нее, за это изцѣленіе ею—благодарю я мою родину. Увидимся ли, нѣтъ ли—но чувство любви къ ней проводитъ меня до могилы.

Пріемъ этихъ писемъ, напечатанныхъ долею въ Современникѣ (Письма изъ Avenue Marigny) долею въ нѣмецкомъ изданіи (Briefe aus Frankreich und Italien, Hoffmann & Campe) и потомъ по русски въ нашей типографіи — былъ розенъ рядомъ съ горячимъ сочувствіемъ, они встрѣтили сильныхъ порицателей. Русскія возраженія и упреки сводятся на три главные пункта: Зачѣмъ я смѣясь говорю объ Европѣ, зачѣмъ я разрушаю вѣру въ нее, зачѣмъ проповѣдую Соціализмъ—который пугаетъ и до котораго теперь въ Россіи дѣла нѣтъ.

На два первыя замѣчанія, я уже отвѣчалъ и не одинъ разъ (*) на третье скажу нѣсколько словъ.

Оно меня всего больше поражаетъ своимъ не русскимъ характеромъ, у насъ прежде не было этой хозяйственной расчетливости, этой нравственной гигіены, которая бы боялась истины, потому

(*) Въ концѣ V письма, въ письмѣ къ Риберолю, въ западныхъ Арабескахъ, въ новой варіяціи на старую тему.

что до нее не дошелъ чередъ, потому что ее не выгодно говорить. Если у насъ молчали о многомъ —то это просто отъ того что запрещали говорить. Намъ не къ лицу эта старческая воздержность, ни эта хитрая дипломація. Мы проще, мы здоровѣе, больничная разборчивость пищи намъ нейдетъ; мы не адвокаты, не мещане — зачѣмъ же намъ, какъ только опустили не много поводья самимъ накупаться на мартингалъ и обрекать себя на діэту предписанную худосочнымъ старикамъ?

У насъ можетъ быть и образуется теперь слегка либеральная, парная опозиція — она даже будетъ не безъ пользы для нравовъ чтобъ обчистить помѣщичью грязь и кавалерійскую солому занесенную изъ конюшень во всѣ жизненныя отношенія. Мы должны пройти въ нашей школѣ исторіи и черезъ этотъ классъ—но рядомъ съ другими. Многосторонность наша великое дѣло—замѣна, выкупъ горькаго, бѣднаго прошедшаго — не будемъ же по Оригену сами себя уродовать, чтобъ не согрѣшить.

Къ тому же вопросъ соціальный совсѣмъ нетакъ далекъ отъ насъ, какъ думаютъ, мы середь него. Освобожденіе крестьянъ съ землею—начало вели-

каго экономическаго переворота въ который Россія вступаетъ.

Экономическаго или соціальнаго? — Это уже рѣшайте сами.

А я пока вамъ раскажу, анекдотъ слышанный мною отъ Н. А. Полеваго, въ тѣ времена когда онъ смѣялся въ Телеграфѣ и вовсе не плакалъ съ Парашей Сибирячкой. Какой то сидѣлецъ, начетчикъ газетъ и патріотъ будто бы спросилъ разъ его "Позвольте освѣдомиться храбрый Генералъ-Маіоръ Кульневъ палъ на полѣ брани или на полѣ чести?"—Я не помню что отвѣчалъ Полевой, но я бы ему очень учтиво сказалъ — "А вамъ что пріятнѣе? — и утѣшилъ бы его подтвердивъ его мнѣніе.

Западъ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи относительно кореннаго, экономическаго переворота—чѣмъ мы. Наша боязнь—подражаніе, чувство заимствованное, лунное и потому неоправданное не истинное.

Современное государственное состояніе Европы—гавань, до которой она достигла труднымъ плаваніемъ, путемъ сложнымъ, à fur et à mesure, забѣгая и отставая. Оно не представляетъ стройно

выработанный быть, а быть туго сложившійся по возможностямъ; осѣдая онъ захватилъ въ себя величайшія противурѣчія, историческія привычки и теоретическія идеалы, обломки античныхъ капитолей, церковныхъ утварей, топоры ликторовъ, рыцарскія копья, доски временныхъ балагановъ, клочья царскихъ одеждъ и скрижали законовъ во имя свободы, равенства и братства.

Внизу среднія вѣка — народныхъ массъ надъ ними вольноотпущенные горожане, еще выше кондотьеры и философы, попы безумія и попы разума, живые представители всѣхъ варварствъ отъ Герцога Альбы до Каваньяка и всѣхъ цивилизацій отъ Гуго Гроція до Прудона, отъ Лойолы до Бланки.

"Святый Отецъ прислалъ по электрическому телеграфу свое благословеніе новорожденному императорскому принцу,—черезъ два часа послѣ разрѣшенія Императрицы Французовъ".

Въ этой фразѣ изъ газетъ есть что то безумное, подумайте объ ней, она объяснитъ лучше всякихъ коментарій то, что я хочу сказать о Западѣ.

Можетъ въ будущемъ и наше развитіе спутается, но въ отношеніи къ идеи ближняго будущаго, мы поставлены свободнѣе Запада, воспользуемтесь

этимъ. Долгія битвы и трудно доставшіяся побѣды связываютъ его, ограничиваютъ его завоеваннымъ, многое ему дорого, не смотря на то что оно уже не въ пору. Мы ничего не побѣдили, намъ нечего отстаивать и нечего держать пограничныя крѣпости на военную ногу. У насъ все еще такъ шатко, неопредѣленно, насильственно, безъ нашего спроса, не по нашей мѣркѣ... что мы должны радоваться если чужая одежда рвется и свободно искать болѣе удобную, гдѣ бы она ни нашлась и въ чемъ бы она ни нашлась. Мы въ нѣкоторыхъ вопросахъ—потому дальше Европы и своднѣе ея—что такъ отстали отъ нея; чтобъ объяснить это, вотъ вамъ примѣръ. Кто не знаетъ какой огромный шагъ сдѣлали народы перейдя въ протестантизмъ; но въ наше время нѣтъ странъ, въ которыхъ бы религіозная нетерпимость больше взошла въ нравы, была бы притѣснительнѣе и неизлечимѣе какъ въ земляхъ протестанскихъ. Было время когда ихъ теперичняя нравственная неволя, была для нихъ освобожденіемъ, когда они за свое право скучать по воскресеніямъ и пѣть псалмы —платили головой. Оттого то религія вкоренена гораздо прочнѣе и глубже въ Англіи нежели въ Италіи.

Въ Италіи послѣ революціи 1848 дѣлали опыты противудѣйствовать Папѣ, какимъ то протестантизмомъ; но Саванаролы XIX столѣтія, проповѣдывали въ пустынѣ. Нѣту настолько вѣры въ Папу — чтобъ невѣріе въ него могло двинуть умы, нѣту на столько интереса религіознаго — чтобъ нападеніе на религію обратило вниманіе массъ. Католицизмъ — вымретъ въ Романьи (*) вмѣстѣ съ христіянствомъ, безъ всякого протестантизма.

Либералы — эти протестанты въ политикѣ — въ свою очередь страшнѣйшіе консерваторы, они за перемѣной хартій и конституцій — блѣднѣя разглядѣли призракъ соціализма и перепугались; удивляться нечему, имъ тоже есть что терять, есть чего боятся. Но мы то совсѣмъ не въ этомъ положеніи, мы относимся ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ гораздо проще и наивнѣе.

Либералы боятся потерять свободу, у насъ нѣтъ свободы, они боятся правительственнаго вмѣшатель-

(*) И не въ одной Романьи. Я жилъ въ Піэмонтѣ, въ то время какъ попы крамольничали противъ Сиккарди, Король рѣшился наконецъ арестовать Архіерея въ Кальяри и выслать его за границу. Народонаселеніе на островѣ отсталое, боялись что оно вступится за своего пастыря; вслѣдствіе чего министръ и послалъ двѣ, три роты берсальеровъ съ чиновникомъ которому поручено арестовать Архіерея. Но берсальерамъ, пришлось всю дорогу — защищать бѣднаго архипастыря — отъ народнаго негодованья, отъ его насмѣшекъ, сопровождаемыхъ иной разъ каменьями.

ства въ дѣла промышленности — правительство у насъ и такъ мѣшается во все; они боятся утраты личныхъ правъ—намъ ихъ еще надобно пріобрѣтать.

Чрезвычайныя противурѣчія нашей несложившейся жизни, шаткость всѣхъ юридическихъ и государственныхъ понятій, дѣлаетъ съ одной стороны возможнымъ самый безграничный деспотизмъ, крѣпостное состояніе, военныя поселенія, съ другой обусловливаетъ легкость переворотовъ Петра I, Александра II. Человѣкъ живущій en garni, гораздо легче переѣзжаетъ, нежели тотъ кто обзавелся домомъ.

Европа идетъ ко дну отъ того, что не можетъ отдѣлатся отъ своего груза, въ немъ бездна драгоценностей набранныхъ въ дальнемъ опасномъ плаваніи—у насъ это искуственный баластъ, за бортъ его—и на всѣхъ парусахъ въ широкое море!

Мы входимъ въ исторію, дѣятельно и полные силъ, именно въ то время когда всѣ политическія партіи поблекли стали анахронизмомъ, и всѣ указываютъ — съ упованіемъ одни, съ отчаяніемъ другіе—на приближающуюся тучу экономическаго переворота. Вотъ и мы глядя на сосѣдей перепу-

гались грозы, и какъ они, не находимъ лучше средства—какъ молчать объ опасности.

Я видалъ дѣйствительно барынь, которыя во время грозы закрывали ставни чтобъ не видѣть молніи; но не знаю насколько это отвращаетъ удары

Полноте боятся, успокойтесь, на нашемъ поле есть громоотводъ—общинное владѣніе землею!

И-ръ.

1 Февраля 1858.
Путней.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

—

Парижъ, 12 мая 1847 г.

Кажется, четыре мѣсяца не Богъ знаетъ что, а сколько верстъ, миль и льё проѣхалъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами на бѣломъ снѣгу въ Черной Грязи...да что версты! сколько впечатлѣній, станцій, готическихъ соборовъ, новыхъ мыслей, старыхъ картинъ, дебаркадеровъ, — просто удивляешься, какъ это всё можетъ помѣститься въ душѣ. Надобно признаться, для празднаго человѣка нѣтъ лучше жизни, какъ жизнь туриста: занятій тьма, все надобно видѣть, всюду успѣть,—подумаешь, что дѣло дѣлаешь: бездна заботъ, бездна хлопотъ...За то ничего неможетъ быть печальнѣе для путника, вошедшаго во вкусъ, какъ пріѣздъ въ Парижъ: ему становится неловко и страшно, онъ чувствуетъ, что пріѣхалъ, что ѣхать далѣе некуда, и не бѣжитъ онъ

на другой день съ коммиссіонеромъ изъ галлереи въ галлерею, усталый и озабоченный, и не осматриваетъ рѣдкостей и не лазитъ на колонны, а скромно идетъ къ Юману заказывать платье,..''dans une semaine, Monsieur, dans une semaine..."и онъ не удивляется этому отвѣту, пройдутъ не одна и не двѣ недѣли..... Очень грустно!.....

Парижъ столичный городъ Франціи, на Сенѣ...мнѣ хотѣлось только испугать васъ; не стану описывать видѣннаго мною я слишкомъ порядочный человѣкъ, слишкомъ учтивый человѣкъ, чтобы не зналъ что Европу всѣ знаютъ, что всякой образованный человѣкъ, по-крайней-мѣрѣ состоитъ въ подозрѣніи знанія Европы, а если ее не знаетъ, то невѣжливо ему напоминать это. Да и что сказать о предметѣ битомъ и перебитомъ—о Европѣ?

Съ легкой руки Фонъ-Визина и особенно съ карамзинскихъ писемъ рускаго путешественника у насъ все разсказали о Европѣ въ замѣчательныхъ письмахъ рускаго офицера, сухопутнаго офицера, морскаго офицера, оберъ-офицера и унтеръ-офицера; наконецъ гражданскія дѣловыя письма его превосходительства Н, И. Греча и приходо-расходный дневникъ М. П. Погодина договорили послѣднее слово. Для того, чтобы описывать путешествія, надобно по-крайней мѣрѣ съѣздить въ пампы южной Америки, какъ Гумбольдтъ, или въ вологодскую губернію какъ Блазіусъ, спуститься осенью по ніагарскому водопаду или весною проѣхать по костромской дорогѣ. Впрочемъ судьба путешественниковъ по Европѣ, имѣющихъ слабость писать, скоро улучшится. Теперь

уже трудно и почти не возможно видѣть Европу, но черезъ нѣсколько лѣтъ она совсѣмъ изгладится изъ памяти людской, для этого собственно и учреждаются желѣзныя дороги. Европа для путешественника превратится въ нѣсколько точекъ, освѣщенныхъ фонарями, въ нѣсколько буфетовъ, украшенныхъ рюмками. Тогда новые Куки и Дюмонъ-Дюрвили выйдутъ изъ вагоновъ (еслибъ и прежній Дюмонъ-Дюрвиль вышелъ изъ вагона, не сгорѣлъ бы онъ на версальской дорогѣ) и пойдутъ во внутренность Европы и разскажутъ намъ о нравахъ и жизни людей, не на желѣзной дорогѣ живущихъ. Сколько разъ я мечталъ о томъ, когда окончатъ кенигсберскую дорогу, — какъ славно и полезно будетъ путешествовать! доплелся до Кенигсберга, сѣлъ въ вагонъ — и не выходи пожалуй; машина свистнула и пошла постукивать: Берлинъ — 4 минуты для наливки воды; Кельнъ — 3 минуты для смазки колесъ; Брюссель 5 минутъ для завоеванія буттерброда съ ветчиной; Валансьенъ — 4 минуты, для того, чтобъ доказать французскому правительству, что оно неумѣетъ отыскивать спрятанныхъ сигаръ; Парижъ—15 минутъ для переѣзда въ омнибусѣ изъ однаго дебаркадера въ другой; Гавръ — 3 минуты для перегрузки на пароходъ..... а тамъ въ Нью-Іоркъ и, словомъ, неуспѣешъ опомнится и опять въ Ситкѣ, въ Сибири, т. е. опять дома.

А впрочемъ бѣды большой нѣтъ, если до Рейна ничего не увидишь. Комфортабельная обитаемость Европы начинается съ Рейна; это знали давно; двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Римляне поживали

себѣ въ Майнцѣ да Кельнѣ, а въ Гановеръ и Берлинъ не ѣздили. Въ Германіи нечего смотрѣть. Германію надобно читать, обдумывать, играть на фортепіанахъ — и проѣзжать въ вагонахъ однимъ днемъ съ конца на конецъ. Вы помните, какъ Василій Ивановичъ съ негодованіемъ возражалъ Ивану Васильичу, что онъ не путешествуетъ, а просто ѣдетъ къ себѣ въ село Мордасы. Василій Ивановичъ тутъ, какъ вездѣ, побѣдилъ близорукаго Ивана Васильича: кто же поѣдетъ для путешествія въ село Мордасы? Германія также негодится au jour d'aujourd'hui (будущее завѣсою покрыто!) для путешествія; туристу жить въ Германіи значитъ отклонять ее отъ естественнаго назначенія, такъ какъ — ну я не знаю — такъ какъ ѣсть напримѣръ картину; можетъ попадется и вкусная, въ которой масло еще свѣжо, все же это натяжка, и кто не предпочтетъ всякой салатъ лучшей картинѣ дюсельдорфской школы, разумѣется если этотъ салатъ приготовляла не Нѣмка.

Не могу не пріостановиться здѣсь и не вступить по поводу салата въ нѣкоторыя подробности. Лейбницъ и Гейне, Погодинъ и Шевыревъ, Гете и Гегель и другіе великіе люди попарно и въ разбивку согласны, что германскій умъ при всей теоретической силѣ имѣетъ какую-то практическую несостоятельность; что Нѣмцы велики въ наукѣ и являются самыми тяжелыми, и, что еще хуже, самыми тупыми, и, что всего хуже, самыми смѣшными филистерами. Должна-же быть на это какая-нибудь общая причина. Отчего нѣмѣцъ всегда наклоненъ къ золотухѣ, слезамъ и романтизму, къ платонической любви и мѣ-

щанскому довольству? отчего Нѣмки не умѣютъ одѣваться и могутъ только жить въ двухъ средахъ — въ надзвѣздномъ эѳирѣ или въ кухонномъ чаду? отчего нѣмцы умѣютъ слушать Генгстенберта, Гёреса?.... оттого и тысячу разъ оттого, что у нихъ фибринъ плохъ, рыхлъ, дряблъ...... Томы писали объ этомъ, но истинная причина ускользнула отъ вниманія; она такъ близка, такъ подъ носомъ, что ее и не разглядѣли; толковали о реформаціи, о тридцатилѣтней войнѣ, о бефреюнгскригѣ, въ которомъ мы ихъ освободили отъ Французовъ; все это причины второстепенныя, — общая главная причина одна — нѣмецкая кухня.

Вамъ смѣшно, вы еще на столько идеалисты, что вамъ все нужны причины безтѣлесныя, невещественныя, — а не то, что вареныя и жареныя. Полноте презирать тѣло, полноте шутить съ нимъ! оно мозолью придавитъ весь вашъ бодрый умъ и на смѣхъ гордому вашему духу докажетъ его зависимость отъ узкаго сапога.

Знаете-ли вы что такое питаніе? какъ оно важно? Грантъ въ началѣ своей сравнительной анатоміи опредѣляетъ животное удобопереносимымъ мѣшкомъ, назначеннымъ для претворенія пищи. Изъ этого вы видите, (а еще болѣе изъ того, что человѣкъ безъ ума все человѣкъ, а безъ желудка не преживетъ двухъ дней), что всѣ органы роскошь желудка, внѣшнія украшенія его, его орудія. Пора возстать противъ аристократическихъ частей тѣла, питающихся на счетъ желудка и кичащихся на его счетъ. Есть они — хорошо, нѣтъ — недурно; устрица живетъ себѣ безъ головы и безъ

ногъ, а вкусна; безъ желудка-же никто не живетъ, даже у растеній есть желудокъ, не совсѣмъ на мѣстѣ, но есть же. Вѣрный своему антиромантическому призванію, желудокъ у растеній уцѣпился за землю, чтобъ растеніе не ушло къ солнцу.

Теперь позвольте васъ спросить при всемъ германскомъ усердіи и преданности, что можетъ выработать желудокъ нѣмца изъ пресно-пряно-мучнисто-сладко-травяной массы съ корицей, гвоздикой и шафраномъ, которую ѣстъ нѣмецъ? Еслибъ вы знали весь трудъ пищеваренія, вы увидѣли бы, что за отчаянную борьбу съ мукой и картофелемъ, что за мужественное противудѣйствіе душамъ изъ баварскаго пива, каждый нѣмецкій желудокъ давно заслужилъ медаль для ношенія на дуоденумѣ съ надписью: pour la digestion. Гдѣ тутъ выработывать какой-нибудь упругій, самобытный англійскій, или дѣятельный, безпокойный французскій фибринъ! тутъ не до силы воли, не до расторопности, а чтобъ человѣкъ на ногахъ держался да не совсѣмъ бы отсырѣлъ. Перемѣните нѣмецкую кухню, и вы увидите, что Арминій не даромъ спасъ въ "тейтобургской грязи" германскую народность. Такіе перевороты, разумѣется, не дѣлаются разомъ, но я вѣрю въ прогрессъ, вѣрю въ Германію... Трудно будетъ—это правда. Когда Гегель жилъ въ Парижѣ у Кузеня, то писалъ къ Гегельшѣ: здѣсь обѣдаютъ въ 6 часовъ (это его такъ поразило, какъ если бы Французы ушами читали); я не могъ къ этому привыкнуть и мнѣ готовятъ обѣдъ особо въ два часа, — что прикажете дѣлать противъ такой упорной натуры? Но—tempora mutantur—Гегель, Гёте—

все это послѣдніе могикане. А когда совсѣмъ вымреть старая "юная Германія", вы увидите, кухня не устоитъ.

Разумѣется, еслибъ германская діэта занялась діэтой Германіи и приказала бы, пока можно, отвести, ну, хоть въ Техасъ, благо онъ еще въ модѣ, всѣхъ нѣмецкихъ кухарокъ и замѣнить ихъ парижскими cordon bleu, успѣхъ былъ бы невѣроятный.

Шутить нечего этимъ; органическая химія гораздо важнѣе въ политическомъ отношеніи, нежели думаютъ. Собственно вопросъ о пролетаріатѣ, — вопросъ кухонный, вопросъ соціализма — вопросъ пищеваренія.

Понимая такимъ образомъ важность питанія, скажемъ смѣло, скажемъ со всей высоты сильнаго убѣжденія: проклятіе вамъ, густые супы, какъ наша весенняя грязь; пресные соусы, какъ драмы Бирхъ-Пфейферъ; проклятіе пяти тарелочкамъ, па которыхъ подаютъ (между вторымъ и третьимъ блюдомъ!) селедку съ вареньемъ, ветчину съ черносливомъ, колбасы съ апельсинами! проклятіе курамъ вареннымъ съ шафраномъ, дамфнуделямъ, шарлотамъ, пудингамъ переложеннымъ на нѣмецкіе нравы, картофелю являющемуся во всѣхъ видахъ! проклятіе наконецъ корицѣ, гвоздикѣ и лавровому листу, который такъ не присталъ къ челу этихъ москательныхъ кушаній! . . . . Вы, Мартинъ Лютеръ и филологія, сдѣлали много вреда Германіи.

Не даромъ я сказалъ, что комфортабельная обитаемость Европы начинается съ Рейна: именно тамъ нѣмецкая кухня приближается къ единой и нераз-

дѣльной кухнѣ; нѣтъ худа безъ добра; въ печальное время отъ 1793 до 1814 рейнская кухня подвергалась сильному вліянію французскихъ поваровъ, ниспровергнувшихъ во многомъ нравственно-безвкусный и семейно-пресный характеръ германскихъ яствъ. Двадцать одинъ годъ не шутка, много французскихъ блюдъ приняла нѣмецкая кухня на свои рейнскіе очаги и плиты, и они остались на нихъ вмѣстѣ съ наполеоновскимъ кодексомъ. Я въ Кёльнѣ пообѣдалъ первый разъ послѣ Москвы, и за это его полюбилъ, —вотъ какъ потребность любви развивается, когда человѣкъ сытъ..... И Рейнъ славная рѣка! глядя на нее, забываешь, что она была несчастнымъ поводомъ конечно прекрасной по чувствамъ и трогательной по патріотизму, но скучной и нѣсколько насмѣшливой пѣсни:

Sie sollen ihn nicht haben.....

Оно конечно, Рейнъ жаль отдать хоть кому,— посторонные люди не умѣли никогда пройти неостановившись передъ нимъ, представители всѣхъ эпохъ европейской жизни приходили на рейнскіе берега и осѣдали на нихъ; слѣды этихъ людей, этихъ эпохъ такъ и наслоились по тѣченію рѣки. Пройдитесь по одному Кельну, чего тутъ нѣтъ: несокрушимыя стѣны, тяжелыя романскія церкви, колоссальный образчикъ готическаго собора, домъ тампліеровъ— мрачныхъ войновъ-монаховъ, угрюмо стоящихъ на предѣлахъ феодализма и централизаціи; коллегіумъ іезуитовъ, мрачныхъ монаховъ-войновъ, угрюмо стоящихъ на предѣлахъ папизма и реформаціи; церкви временъ возрожденія; присутственныя мѣста,

устроенныя во время владычества единой и нераздѣльной республики; новыя фортификаціи, напоминающія наполеоновскую эру, и наконецъ лѣса около собора, свидѣтельствующія о теперешней Германіи мѣдленнымъ производствомъ средневѣковой работы современными руками. Вездѣ воспоминанія, вездѣ легенды,— взгляните на верхъ: изъ четвертаго этажа выглядываютъ двѣ лошадиныя головы изъ бѣлаго мрамора,—тутъ было чудо; взгляните внизъ: вотъ мѣсто, гдѣ Христосъ явился нѣсколько столѣтій тому назадъ молившемуся отроку и взялъ у него яблоко.

Много жилъ этотъ край! много жила вообще Европа. Десятки столѣтій выглядываютъ изъ-за каждаго обтесаннаго камня, изъ-за каждаго ограниченнаго сужденія; за плечами европейца виденъ длинный преемственный рядъ величавыхъ лицъ, въ родѣ процессіи царственныхъ тѣней въ Макбетѣ.

Чего и чего не было па Рейнѣ между тѣмъ временемъ, когда Карлъ Великій на закатѣ своихъ дней сиживалъ на извѣстномъ ахенскомъ стулѣ, и тѣмъ, когда на томъ-же стулѣ отдыхала послѣ прогулки женщина съ огненными глазами, смуглая креолка— императрица Французовъ? А прежде? А съ тѣхъ поръ? Сѣдые, почернѣлые памятники; даютъ Европѣ слишкомъ аристократическую физіономію, оскорбительную для того, кто не имѣетъ столько блестящихъ предковъ и столько великихъ преданій. Иногда какъ -то не по себѣ нашему брату, скиѳу, среди этихъ наслѣдственныхъ богатствъ и завѣщанныхъ развалинъ; странно положеніе чужаго въ семейной залѣ, гдѣ каждый портретъ, каждая вещь дороги потом-

камъ, но чужды ему; онъ смотритъ съ любопытствомъ тамъ, гдѣ свои вспоминаютъ съ любовью; ему надобно разказать то, что тѣ знаютъ съ колыбели.

А съ другой стороны, развѣ родина нашей мысли, нашего образованія не здѣсь? развѣ привѣнчивая насъ къ Европѣ, Петръ I не упрочилъ намъ права наслѣдія? развѣ мы не взяли ихъ сами, усвоивая ея вопросы, ея скорби, ея страданія вмѣстѣ съ ее нажитымъ опытомъ и съ ее нажитой мудростью? Мы не съ пергаментомъ въ рукѣ являемся доказывать наши права.....да мы ихъ и не доказываемъ, потому-что они не отъемлемы; завоеванное сознаніемъ законно завоевано, его не исторгнешь никакимъ безуміемъ. Былое наше бѣдно; мы не хотимъ выдумывать геральдическихъ сказокъ, у насъ мало своихъ воспоминаній,—что за бѣда, когда воспоминанія Европы, ея былое сдѣлались нашимъ былымъ и нашимъ прошедшимъ. Да сверхъ того Европеецъ подъ вліяніемъ своего прошедшаго не можетъ отъ него отдѣлаться. Для него современность—крыша много-этажнаго дома, для насъ, да для сѣверной Америки — высокая терраса, фундаментъ; его чердакъ—нашъ rez de chaussée. Мы съ этого конца начинаемъ. Какъ не вспомнить опять:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit!

...И вотъ у меня въ головѣ не Кельнъ, не его соборъ, а длинный рядъ избъ да хрустящій снѣгъ...,

Мы выѣзжали изъ Россіи зимою снѣжной, холодной, съ коротенькими днями и со всѣми неудобствами зимняго ухабистаго пути, который выдаютъ за дарованную намъ природой желѣзную дорогу; небольшой почтовой трактъ, по которому мы ѣхали, соединяетъ два шоссе и идетъ частію по псковской губерніи, частію по лифляндской; этотъ путь сообщенія бѣденъ; двѣ сосѣдтсвенныя полосы не пришли черезъ него къ одному уровню и каждая осталась при всѣхъ особенностяхъ, какъ-будто между ними тысячи верстъ. Ни по одной дорогѣ нельзя встрѣтить такую рѣзкую перемѣну, какъ переѣзжая отъ псковитянъ къ остзейцамъ. Псковской крестьянинъ дичѣе подмосковныхъ; онъ кажется не попалъ ни правой, ни лѣвой ногой на тотъ путь, который ведетъ отъ патріархальности къ гражданскому развитію,—путь, который называютъ прогрессомъ, воспитаніемъ, разсказъ о которомъ называютъ исторіей. Онъ живетъ возлѣ полуразвалившихся бойницъ и ничего не знаетъ о нихъ..... сомнѣваюсь, слыхалъ-ли онъ объ осадѣ Пскова... Событія послѣднихъ полутора вѣковъ прошли надъ его головою, не возбудивши даже любопытства. Поколѣнія черезъ два-три мужичекъ перестроиваетъ свои бревенчатыя избы, безслѣдно гніющія, старѣетъ въ нихъ, передаетъ свой лугъ въ руки сына, внука, полежитъ годъ, два, три на теплой печи, потомъ незамѣтно переходитъ въ мерзлую землю; иногда вспомянутъ его дѣти или внучата гречневыми блинами въ родительскую субботу; при новой ревизіи его имя исключатъ изъ числа живыхъ, потомъ и внуки посѣдѣютъ, и не будь рекрутской

повинности, они бы также, какъ предки ихъ, ничего не знали о томъ, что дѣлается въ Питерѣ, въ Россіи.

А развѣ жизнь привязанныхъ къ землѣ крестьянъ во всей Европѣ не такъ-же проходила и изчезала, изнуренная работой безслѣдно и невесело? развѣ они не выработывали матеріяльныхъ условій для исторической жизни другихъ сословій? Оно несовсѣмъ такъ, но если и такъ, то не забудемъ, что другія-то сословія жили. Когда вы въ Гентѣ останавливаетесь передъ ратушей, когда смотрите на этотъ бефруа, сзывавшій такъ часто своими колоколами гражданъ, вы понимаете, вы чувствуете, что за муниципальная жизнь кипѣла тутъ, и понимаете, что ей были необходимы и этотъ домъ, поражающій величіемъ и поэзіей постройки, и эта башня, и эти соборы, и эти рынки съ фронтонами, и что даже амбаръ, гдѣ приставали рыбаки, по праву украсился барельефами; такія декораціи шли къ внутреннему содержанію. Таковы рыцарскіе замки, эти соколиныя гнѣзда па скалахъ и горахъ. Рыцарская жизнь—жизнь вампира внизъ, была пышна, страстна, благородна вверхъ. Но кому выработывалъ жизнь нашъ мужичекъ? гдѣ у насъ память другой жизни? Какъ жили помѣщики до-петровскаго времени — кто ихъ знаетъ? для этого надобно рыться въ архивахъ, это вопросъ антикварской. Господскіе домы сгнили, какъ избы, и исчезли вмѣстѣ съ памятью строителей, имѣнья переходили изъ рукъ въ руки, дробились, составлялись случайно, ненужно; помѣщики пили, ѣли, спали послѣ обѣда, парились, держали дворню и псарню...

Городская жизнь не восходитъ далѣе Петра, она вовсе не продолженіе прежней; отъ былаго остались

только имена. Жизнь современнаго Новгорода, Владиміра, Твери началась съ утвержденія провинцій, съ введенія коллегіяльнаго порядка и опредѣленія штата чиновниковъ. Если что - нибудь осталось прежняго, такъ это у купцовъ, они по праву могутъ назваться представителями городской жизни до - петровскихъ временъ и пока они сохранятъ хоть блѣдную тѣнь прежнихъ нравовъ, реформа Петра будетъ оправдана; лучшаго обвинителя старому быту не нужно. Воспоминанія помѣщиковъ, ихъ легенды примыкаютъ къ царствованію Екатерины II, къ великимъ событіямъ 1812 года; о прежней жизни они ничего не знаютъ; ихъ настоящая жизнь однообразна, скучна, они какъ будто краснѣютъ отъ нея, и хранятъ въ памяти и любятъ разсказывать свои поѣздки въ Москву и Петербургъ и военную службу въ молодыхъ лѣтахъ.

Жизнь, которая не оставляетъ прочныхъ слѣдовъ, стирается при всякомъ шагѣ впередъ и упорно пребываетъ въ одномъ и томъ-же положенія.

На Востокѣ, напримѣръ, мѣняются только лица, поколѣнія; настоящій бытъ — сотое повтореніе одной и той - же темы съ маленькими варіяціями, приносимыми случайностью—урожаемъ, голодомъ, моромъ, падежомъ, характеромъ шаха и его сатраповъ. У такой жизни нѣтъ выжитаго, keine Erlebnisse, — бытъ азіятскихъ народовъ можетъ быть очень занимателенъ, но исторія—скучна. Мы имѣли противъ Азіи великій шагъ впередъ; возможность, понявши свое положеніе, отречься отъ него; невозможность влачить скучную жизнь кошихинскихъ временъ—и кто, гдѣ такъ отрекался, какъ мы? Въ неполнотѣ, въ бѣдности, въ неудовлетворительности

прошедшаго и въ темномъ сознанiи силъ, которыхъ некуда было дѣвать, — вотъ гдѣ надобно искать легость съ которой по великой командѣ Петра I: "На европейскую дорогу, маршъ!" — Русь пошла своими подвижными частями и такъ рѣзко отдѣлилась въ пятьдесятъ лѣтъ отъ прежняго быта, что ей несравненно было бы труднѣе при Екатеринѣ II возвращаться къ оставленнымъ нравамъ, нежели догонять европейскiе. Сколько ни декламировали о нашей подражательности, она вся сводится на готовность принять и усвоить формы, вовсе не теряя своего характера, усвоить ихъ потому, что въ нихъ шире, лучше, удобнѣе можетъ развиваться все то, что бродитъ въ умѣ и въ душѣ, что толчется тамъ и требуетъ выхода, обнаруженiя.

Еслибъ хотѣли хорошенько всматриваться въ событiя, скорѣе могли бы обвинить Русь петровскую въ нашемъ себѣ на умѣ, которое готово обриться, переодѣться, но выдержать себя и въ этой перемѣнѣ. Развѣ вельможи Екатерины оттого, что они прiобрѣли все изящество, всю утонченность версальскихъ формъ (до чего никогда не могли дойти нѣмецкiе гранды) неостались по всему русскими барами, со всею удалью нацiональнаго характера, съ его недостатками и съ его разметистостью? въ нихъ иностраннаго ничего не было, кромѣ выработанной формы, и они овладѣли этой формой en maitre. Развѣ дѣти ихъ, герои 1812, не были русскiе, вполнѣ русскiе? Кто будетъ возражать, — тому я пальцемъ покажу черезъ улицу Elysée Bourbon, гдѣ жилъ императоръ Александръ.

А вѣдь вся эта екатерининская эпоха, о которой вспоминали покачивая головой дѣды наши, и все время

Александра, о которомъ вспоминали покачивая головой наши отцы, принадлежатъ "къ иностранному періоду," какъ говорятъ славянофилы, считающіе все общечеловѣческое иностраннымъ, все образованное чужеземнымъ. Они не понимаютъ, что новая Русь—была Русь-же, они не понимаютъ, что съ петровскаго разрыва на двѣ Руси начинается наша настоящая исторія; при многомъ скорбномъ этого разъѣдиненія, отсюда все что у насъ есть— смѣлое государственное развитіе, выступленіе на сцену Руси какъ политической личности и выступленіе русскихъ личностей въ народѣ; русская мысль пріучается высказываться, является литература, является разномысліе, тревожатъ вопросы, народная поэзія выростаетъ изъ пѣсней Кирши Данилова въ Пушкина.... Наконецъ самое сознаніе разрыва идетъ изъ той-же возбужденности мысли; близость съ Европой ободряетъ, развиваетъ вѣру въ нашу національность, вѣру въ то, что народъ отставшій, за котораго мы отбываемъ теперь историческую тягу и котораго миновали и наша скорбь и наше благо, что онъ не только выступитъ изъ своего древняго быта, но встрѣтится съ нами перешагнувши петровскій періодъ. Исторія этого народа въ будущемъ; онъ доказалъ свою способность тѣмъ меньшинствомъ, которое истинно пошло по указаніямъ Петра,—онъ нами это доказалъ!..

И одного часа ѣзды достаточно, чтобъ очутиться совсѣмъ въ другомъ мірѣ, въ мірѣ прошедшаго, въ мірѣ утратъ, воспоминаній, вдовства. Все перемѣняется, какъ декорація въ театрѣ. Мѣста становятся гористы, дорога извилиста, не тѣ виды, не тѣ ланд-

шафты къ которымъ мы привыкли, съ ихъ луговою далью, съ стелящимися полями, съ синей полосой у небосклона, которая провожаетъ васъ десять верстъ, пока все небо почерпѣетъ.....Къ станціонному дому трудно подъѣхать отъ крутизны, на которой онъ стоитъ. Passagierstube вымыта, вычищена, столъ покрытъ толстой, но чрезвычайно бѣлой скатертью; въ яркомъ, какъ солдатская пуговица, мѣдномъ шандалѣ стоитъ бѣлая свѣча, на окнахъ тощіе цвѣты, полъ посыпанъ пѣскомъ. Чистота и опрятность свидѣтельствуютъ о длинной цивилизаціи; человѣку надобно долго и много жить, чтобъ любить чистое бѣлье и свѣтлую комнату. Черезъ минуту вошелъ старичекъ съ добродушнымъ видомъ, исключительно свойственнымъ нѣмцамъ, въ сѣромъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами; называя меня при каждомъ словѣ то Herr Baron, то Herr Freiherr, то Hochwohlgeboren—онъ очень учтиво совѣтовалъ подождать разсвѣта, основываясь на начинающейся мятели и на опасныхъ обвалахъ, возлѣ которыхъ надобно было ѣхать.

Я вышелъ въ сѣни, страшный вѣтеръ свистѣлъ между голыми сучьями деревьевъ, изрѣдка немного и на минуту выглядывалъ мѣсяцъ и освѣщалъ полуразвалившуюся башню совсѣмъ развалившагося замка; на крошечныхъ санкахъ бѣлокурый нѣмецъ съ длинными усами и бичемъ въ рукѣ, въ венгеркѣ, опушенной мѣхомъ, съ ружьемъ за плечами, промелькнулъ и исчезъ на узенькой дорогѣ; лошадь его была безъ дуги и звѣнела десяткомъ маленькихъ колокольчиковъ; лягавая собака бѣжала за нимъ, обнюхивая мерзлыя кочки. На воротахъ сарая былъ

прибитъ орелъ съ развернутыми крыльями. Все это дышало чѣмъ-то средневѣковымъ. Въ Лифляндіи нѣтъ нашихъ деревень, а есть хутора у подножія замковъ; въ хуторахъ этихъ живетъ племя жалкое, зашибеное, бѣдное средствами, бѣдное способностями и чуждое ритерамъ, разбросавшимъ нѣкогда ихъ лачуги и не позволявшимъ имъ селиться деревнями.

Остзейцы сложились, замкнулись, остались при выработанномъ и впередъ нейдутъ. У насъ во всемъ неопредѣленность, у нихъ мѣра; мы не установились, мы ищемъ, они остановились, они утратили. Мы внутри смѣемся надъ внѣшними формами и безъ угрызенія совѣсти переступаемъ ихъ, у нихъ форма прежде всего, выше всего; мы грудью ремся къ новому, они грудью стоятъ за старое. Мы имѣемъ передъ ними преимущество свѣжихъ силъ и упованій,—они имѣютъ преимущество выработанныхъ и прочныхъ правилъ; мы способны, они воспитаны; первоначальный гражданскій катехизисъ знакомъ имъ какъ всякому европейцу, у насъ tabula rasa въ этомъ отношеніи. Намъ съ ними скука смертная, потому что мы не можемъ войти въ ихъ мѣстные интересы. У нихъ человѣкъ проживающій двѣ трети дохода—мотъ, мы называемъ скупымъ того, который не проживаетъ вдвое болѣе своего дохода. (*) Но вспомнимъ однако, что какъ псковскіе мужики неполные представители Руси, такъ и Лифляндія неполная представительница Европы. Лифляндія представляетъ одинъ элементъ европейской жизни

(*) Я изъ этого мѣста сдѣлалъ въ 1853 году предисловіе къ новому изданію Du Développement des Idées Révolutionnaires en Russie.

и только одинъ. Европу въ первый разъ встрѣчаетъ рускій путникъ въ Кенигсбергѣ; это нетолько памятникъ прошлой жизни, но жилой домъ для современности, здѣсь памятники и воспоминанія идутъ обнявшись съ юной жизнію. Славный городокъ, онъ оставилъ въ моей памяти самое милое, свѣтлое впечатлѣніе.

Я пріѣхалъ въ Кенигсбергъ усталый отъ дороги, отъ заботъ, отъ многаго; выспавшись въ пуховой пропасти, я на другой день пошелъ посмотрѣть городъ; на дворѣ былъ теплый зимній день, солнце свѣтило, съ крышъ каналъ талый снѣгъ, и я вдругъ помолодѣлъ, точно нѣсколько лѣтъ съ костей долой; мнѣ показалось, что всѣ встрѣчные смотрятъ весело и прямо въ глаза, и я сталъ смотрѣть весело и прямо въ глаза, потомъ отправился за table d'hôte и за бутылкой разсказывалъ, какъ изъ Тильзита скверно везли и какая дорога гадкая. И кельнеръ тутъ и нѣмцы слушаютъ .... пускай себѣ, мнѣ что за дѣло! зачѣмъ дурно возятъ!...развѣ я не могу имѣть своего мнѣнія? Noch eine Flasche, Kellner!....

.....До того заболтался, что не помню, на чемъ мы остановились и къ чему слѣдуетъ теперь возвратиться ..... да, къ другому берегу Рейна. Ну, по ту сторону Рейна какъ-то привольнѣе, красивѣе; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ тамъ было хорошо. Вездѣ скучно, будьте увѣрены. А если вамъ будетъ нескучно гдѣ-нибудь, такъ я васъ поздравляю отъ души, вы полны мудрости, которой не достаетъ во мнѣ и во многихъ другихъ. Странное дѣло, отъ испареній подземныхъ что-ли, или отъ вліянія планетъ, но какая-то давящая тоска провожаетъ современнаго

человѣка отъ Чухотскаго Носа до Финистерре, даже такого человѣка, который всегда смѣется. Эта болѣзнь особенно развилась во время трехъ-іюньскихъ дней и трехъ-мѣсячной холеры. Разумѣется, разныя скуки въ разныхъ мѣстахъ; но основа, по которой снуетъ челнокъ нашей жизни (это выраженіе я счелъ бы самъ натянутымъ, еслибъ незналъ навѣрное, что оно краденое, именно у Гёте) скучна, тягостна на разные лады. Въ Парижѣ—весело-скучно, въ Лондонѣ—безопасно-скучно, въ Римѣ—величаво-скучно, въ Мадритѣ—душная скука, въ Вѣнѣ—скука душная. Что тутъ прикажете дѣлать! Видно, образованный человѣкъ можетъ только нескучать между дикими людьми и ручными звѣрями, въ Африкѣ и въ Jardin des Plantes; тамъ люди похожи на обезьянъ, здѣсь обезьяны похожи на людей. Вотъ время какое пришло!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Парижъ, 3 Іюня 1847 г.

Въ прошломъ письмѣ мы говорили о томъ, что въ нашемъ вѣкѣ скука страшная, нынче я прибавлю къ обвиненію нашего вѣка, что нетолько въ немъ скучно, но что ни о чемъ ни о скучномъ, ни о веселымъ, говорить нельзя—Богъ знаетъ куда утянетъ. Всѣ понятія перепутались, сплелись, зацѣпили другъ друга, связались круговой порукой безъ всякаго уваженія къ полицейскимъ и схоластическимъ раздѣленіямъ, къ пограничнымъ правиламъ школьно-таможеннаго благоустройства.

Слѣдствія этой запутанности самыя плачевныя, все что прежде знали хорошо и ясно, знаютъ скверно и смутно, людскія званія и сословія, звѣриные признаки и отличія царствъ природы—все перемѣшали, вездѣ потѣряны предѣлы.

Прежде могло-ли это быть? Все было легко. "Есть междучелюстная кость"?—Есть.—"Скотъ. — Нѣтъ.—"Человѣкъ".—Есть душа?—"Есть".—Чело-

вѣкъ.—"Нѣтъ"—Скотъ. Были признаки нѣсколько щекотливые, но вѣрные въ отношеніи къ прекрасному полу животныхъ и людей. Все ниспровергнули вмѣстѣ съ незыблемыми авторитетами, благочестивымъ послушаніемъ и послушнымъ благочестіемъ! Какое кажется дѣло было Гете, поэту и консерватору, найти междучелюстную кость у человѣка, а нашелъ. Другіе ученые жившіе въ большой близости съ орангъ-утангами и жоко, нашли у нихъ признаки отрицаемые прежней наукой—и разболтали...... Весь этотъ безпорядокъ произошелъ отъ нѣмецкихъ теорій и французскихъ практикъ; онѣ подняли всѣ дрожжи со дна общественнаго быта и со дна сознанія человѣческаго; все и пошло бродить, міръ очутился hors des gonds. Возьмешъ предметъ и не знаешъ потомъ, откуда и какъ начать.

Мнѣ захотѣлось напримѣръ, сказать нѣсколько словъ о здѣшнихъ театрахъ. Кажется дѣло простое. Въ прежнее время, не говоря худаго слова, я началъ бы съ того, что въ Парижѣ театровъ двадцать три, что Терпсихора цвѣтетъ тамъ-то, но что истинные поклонники Таліи тамъ-то, хотя великая жрица Мельпомены увлекаетъ туда-то — и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. А теперь, чтобъ сказать со смысломъ пять словъ о Фредерикѣ Леметрѣ и Левассорѣ, мнѣ нужно начать чуть не съ Фредерика Барбароссы, и по-крайней-мѣрѣ съ того Левассера, который сидѣлъ въ Конвентѣ.

Нельзя понять парижскихъ театровъ, непустившись въ глубокомысленныя разсужденія à la Сіэсъ о томъ, ce que c'est que le tiers-état? Вы идете сегодня въ одинъ театръ — спектакль не удачный (то

есть не удачный выборъ пьесъ, играютъ здѣсь вездѣ хорошо); вы идете на другой день въ другой театръ — та-же бѣда, тоже въ десятый день, въ двадцатый. Только изрѣдка мелькнетъ изящный водевиль, милая шутка или старикъ Корнель со старикомъ Расиномъ величаво пройдутъ, опираясь на молодую Рашель и свидѣтельствуя въ пользу своего времени. — Между тѣмъ театры полны, длинные "хвосты" тянутся съ пяти часовъ у входа. Стало парижане поглупѣли, потеряли вкусъ и образованіе; заключеніе основательное, пріятное и которое, я увѣренъ, многимъ очень понравится; остается узнать, такъ-ли на самомъ дѣлѣ; остается узнать, весь-ли Парижъ выражаютъ театры, и какой Парижъ — Парижъ стоящій за ценсъ или Парижъ стоящій за ценсомъ; это различіе первой важности.

— Знаете-ли, что всего болѣе меня удивило въ Парижѣ? — "Иподромъ? Гизо?" — Нѣтъ! — "Елисейскія поля? депутаты?" — Нѣтъ! — Работники, швеи даже слуги, — всѣ эти люди толпы до такой степени въ Парижѣ избаловались, что не были бы ни-на-что похожи, еслибъ дѣйствительно не походили на порядочныхъ людей. Здѣсь трудно найти слугу, который бы вѣровалъ въ свое призваніе, слугу безотвѣтнаго и безвыходнаго, для котораго высшая роскошь сонъ и высшая нравственность ваши капризы, слугу, который бы "не разсуждалъ". Если вы желаете имѣть слугу иностранца, берите Нѣмца: — Нѣмцы охотники служить; берите пожалуй Англичанина, Англичане привыкли къ службѣ, давайте имъ денегъ и будете довольны; но Француза не совѣтую братъ.

Французъ тоже любитъ деньги до лихорадочнаго, судорожнаго стремленія ихъ пріобрѣсти; и онъ совершенно правъ: безъ денегъ въ Парижѣ можно меньше жить нежели гдѣ-нибудь, безъ денегъ вообще нѣтъ свободнаго человѣка, развѣ въ Австраліи. Пора-бы перестать разглагольствовать о корыстолюбіи бѣдныхъ, пора простить что голоднымъ хочется ѣсть, что бѣднякъ работаетъ изъ-за денегъ, изъ-"за презрѣннаго метала".. Вы не любите денегъ? однакожъ — сознайтесь, немножко — деньги хорошая вещь; я ихъ очень люблю. Дѣло совсѣмъ не въ ненависти къ деньгамъ, а въ томъ, что порядочный человѣкъ не подчиняетъ всего имъ, что у него въ груди не все продажное. Французъ-слуга будетъ неутомимъ, станетъ работать за троихъ, но не продастъ ни всѣхъ удовольствій своихъ, ни нѣкотораго комфорта въ жизни, ни права разсуждать, ни своего point d'honneur; дѣлайте требованія, онъ будетъ исполнять, но не дѣлайте грубости; впрочемъ здѣсь никто не грубитъ съ прислугой. Портье не потянетъ шнурка по грубому крику cordon! ему непремѣнно надобно s'il vous plait; до полиціи доходили подобныя дѣла, и полиція, вмѣнивъ въ обязанность дворникамъ отпирать цѣлую ночь дверь, присовокупила совѣтъ: шнурокъ требовать учтиво. О суетные Галлы!

Французъ-слуга, милый въ своемъ отсутствіи логики, хочетъ служить какъ человѣкъ (т. е. въ прямомъ значеніи, у насъ въ словѣ человѣкъ заключается каламбуръ, но я говорю серьезно). Онъ не обманываетъ васъ своею привязанностію, а съ беззаботной откровенностью говоритъ, что онъ служитъ изъ де-

негъ, и что будь у него другія средства, онъ бы васъ покинулъ завтра; у него до того душа суха и полна эгоизма, что онъ не можетъ предаться съ любовью незнакомому человѣку франковъ за пятьдесятъ въ мѣсяцъ. Здѣшніе слуги расторопны до невѣроятности и учтивы какъ маркизы; эта самая учтивость можетъ показаться оскорбительною, ея тонъ ставитъ васъ на одну доску съ ними; они вѣжливы, но не любятъ ни стоять на вытяжкѣ ни вскочить съ испугомъ, когда вы идете мимо, а вѣдь это своего рода грубость. Иногда они бываютъ очень забавны; поваръ занимающійся у меня, смотритъ за буфетомъ подаетъ кушанье, убираетъ комнаты, чиститъ платье, —стало не лѣнивъ, какъ видите, но по вечерамъ отъ 8 часовъ и до 10 читаетъ журналы въ ближнемъ café, и это conditio sine qua non.

Журналы составляютъ необходимость парижанина. Сколько разъ я съ улыбкой смотрѣлъ на оторопѣлый взглядъ ново-пріѣзжаго помѣщика, когда garçon, подавши ему блюдо, торопливо хваталъ листъ журнала и садился читать въ той-же залѣ.

Слуги впрочемъ еще не составляютъ типа парижскаго пролетарія ихъ типъ это ouvrier, работникъ, въ слуги идетъ бездарнѣйшая, худшая часть населенія. Порядочный работникъ, если не имѣетъ внѣшнихъ формъ слуги, то по развитію и выше и нравственнѣе.

"Избалованность" о которой мы говорили, одно изъ послѣдствій прошлаго переворота; на него мало обращали вниманія, потому что оно вертится около кухни и передней, а оно не лишено важности. Большая часть парижскихъ слугъ и работниковъ

дѣти и внучата солдатъ "великой арміи", дѣти и внучата угомонившихся крикуновъ предмѣстій св. Антонія и Марсо, состарившихся трибуновъ des sections. Несмотря на отеческія старанія іезуитовъ и вообще духовныхъ во время реставраціи воспитать юное поколеніе въ духѣ смиренія и глубокаго невѣдѣнія своего прошедшаго, это было невозможно. Напрасно издавали они для школъ книжки, въ которыхъ говорили о фельдмаршалѣ войскъ Людовика XVIII Буонапарте и о кроткомъ царствованіи Людовика XVII, перенесшаго столицу и дворъ въ Кобленцъ по случаю чуть-ли не продѣлки половъ въ Тюльери. Дѣды, отцы и матери —матери всемогущія въ дѣлѣ воспитанія во Франціи, совращали постоянно юное поколеніе съ скромной тропинки, по которой вели его признанные учители, т. е. les frères ignorantins, своими умѣренными правилами, почерпнутыми изъ скромнаго "Друга народа", почтеннаго "отца Дюшена" и смиреннаго "стараго Корделье"; вмѣсто доказательствъ присовокуплялись разсказы. Такое воспитаніе должно было сдѣлать новое поколѣніе состарившихся gamins de Paris—грубыми, дерзкими, наглыми—неправда-ли? А вышло совсѣмъ на оборотъ молодое поколѣніе гуманно, вѣжливо, даже нѣжно, вообще мягко до тѣхъ поръ пока не затронуто. Что за уваженіе къ женщинѣ, что за трогательное вниманіе къ дѣтямъ!

Есть бѣдные, маленькіе балы, куда по воскресеньямъ ходятъ за десять су работники, ихъ жены, прачки, служанки; нѣсколько фонарей освѣщаютъ небольшую залу и садикъ; тамъ танцуютъ подъ звуки двухъ-трехъ скрипокъ. Это не знаменитый

Mabile, и не Ranelagh, не канканной памяти "хижина", гдѣ освѣщенье, деревья, трава—все пропитано сладострастіемъ, гдѣ пульсъ бьется какъ-то не по-людски, и гдѣ шалость иногда бы зашла далеко, еслибъ.....не угрызенія совѣсти, думаете вы?....нѣтъ, еслибъ не рука муниципала, готовая ежеминутно схватить за воротъ....На этихъ бѣдныхъ балахъ все идетъ благопристойно; поношенныя блузы, полинялыя платья изъ холстинки почувствовали, что тутъ канканъ не на мѣстѣ, что онъ оскорбитъ бѣдность, отдастъ ее на позоръ, отниметъ послѣднее уваженіе, и они танцуютъ весело, но скромно, и правительство не поставило муниципала, въ надеждѣ на деликатность,—учениковъ слесарей и сапожниковъ!

Въ праздникъ на елисейскихъ поляхъ ребенокъ тянется увидѣть комедію на открытомъ воздухѣ, но какъ-же ему видѣть изъ-за толпы?...не безпокойтесь, какой-нибудь блузникъ посадитъ его себя на плечо; устанетъ — передастъ другому, тотъ третьему, и малютка, переходя съ рукъ на руки, преспокойно досмотритъ удивительное представленіе взятія Константины съ пальбой и пожаромъ, съ какимъ - то алжирскимъ деемъ, котораго тамбуръ-мажоръ водитъ на веревкѣ.—Дѣти играютъ на тротуарѣ, и сотни прохожихъ обойдутъ ихъ, чтобъ имъ не помѣшать. На дняхъ мальчикъ лѣтъ девяти несъ по улицѣ Helder мѣшокъ размѣнной серебряной монеты; мѣшокъ прорвался и деньги разсыпались; мальчикъ разревѣлся, но въ одну миниту блузники составили около денегъ кругъ, другіе бросились подбирать, подобрали, сосчитали (деньги были всѣ на лицо), завернули и отдали мальчику.

Это все Парижъ, за ценсомъ стоящій.

Но не таковъ буржуа, пропріетеръ, лавочникъ, рантье и весь Парижъ за ценсъ стоящій. А этотъ-то Парижъ и выражается театромъ и въ этомъ онъ дѣлитъ судьбу своего товарища du Palais Bourbon — Камеры. Театры держатся тѣми, кто платитъ наибольше; расходы на двадцать три театра страшные; кто-же покрываетъ ихъ, да еще съ избыткомъ (министръ внутреннихъ дѣлъ въ прошедшемъ году продалъ въ пользу "Эпохи" привиллегію на театръ за 100,000 франковъ)? Конечно все это выкупается, не дюжиною иностранцевъ: богатая буржуазія платитъ за все, и театръ всего болѣе выражаетъ потребности, интересы мѣщанства. А развѣ прежде это было не такъ т. е. когда прежде? Нѣкогда театръ былъ аристократиченъ, потомъ безцвѣтенъ и оффиціаленъ, какъ все литературное, во время Наполеона. Во время реставраціи онъ сталъ склоняться къ буржуазіи, но буржуазія была тогда національнѣе, она была зла, остра, умна, считала себя обиженною и не выступала такъ толсто и тупорельефно на первый планъ, какъ теперь.

Буржуазія явилась на сценѣ самымъ блестящимъ образомъ въ лицѣ хитраго, увертливаго, шипучаго, какъ шампанское, цирюльника и дворецкаго, словомъ въ лицѣ Фигаро; а теперь она на сцѣнѣ въ видѣ чувствительнаго фабриканта, покровителя бѣдныхъ и защитника притѣсненныхъ. Во время Бомарше, Фигаро былъ внѣ закона, въ наше время Фигаро законодатель; тогда онъ былъ бѣденъ, униженъ, стягивалъ по немногу съ барскаго стола и оттого

сочувствовалъ голоду и въ смѣхѣ его скрывалось много злобы; теперь его Богъ благословилъ всѣми дарами земными, онъ обрюзгъ, отяжелѣлъ, ненавидитъ голодныхъ и не вѣритъ въ бѣдность, называя ее лѣнью и бродяжничествомъ. У обоихъ Фигаро общее собственно одно лакейство, но изъ-подъ ливреи Фигаро стараго виденъ человѣкъ, а изъ-подъ чернаго фрака Фигаро новаго проглядываетъ ливрея, и, что хуже всего, онъ не можетъ сбросить ее, какъ его предшественникъ, она приросла къ нему такъ, что ее нельзя снять безъ его кожи. У насъ это сословіе не такъ на виду, въ Германіи оно одно и есть съ прибавкою теологовъ и ученыхъ, но какъ-то смиренно, мелко и изъ рукъ вонъ смѣшно; здѣсь оно дерзко и высокомѣрно, корчитъ аристократовъ, филантроповъ и людей правительственныхъ.

Вспомните всѣхъ Бриколеней, Галюше и др. въ романахъ Ж. Санда — вотъ буржуа. Впрочемъ, позвольте, справедливость прежде всего, Ж. Сандъ выставляетъ дурную сторону буржуазіи; добрые буржуа читаютъ ея романы со скрежетомъ зубовъ и запрещаютъ ихъ брать въ руки своимъ мѣщаночкамъ ...въ сторону ее! Я рекомендую лучшій источникъ, патентованный, breveté de par la bourgeosie — Скриба. Скрибъ—геній, писатель буржуази, онъ ее любитъ, онъ любимъ ею, онъ подладился къ ея понятіямъ и ея вкусамъ такъ, что самъ потерялъ всѣ другіе; Скрибъ царедворецъ, ласкатель, проповѣдникъ, гаеръ, учитель, шутъ и поэтъ буржуазіи. Буржуа плачутъ въ театрѣ, тронутые собственной добродѣтелью, живописанной Скрибомъ, тронутые

конторскимъ героизмомъ и поэзіей прилавка. Они узнаютъ себя и свои идеалы въ скрибовскихъ героляхъ, они улыбаются себѣ въ нихъ, перемигиваются съ ними,—словомъ, признаютъ ихъ столько, сколько отвергаютъ портреты Ж. Сандъ. Ну, если послѣ этого скрибовскіе герои отвратительнѣе, тупѣе, мелче всѣхъ Бриколеней и Галюше вмѣстѣ, то нельзя несознаться, что для буржуазіи не на мѣстѣ быть казовымъ концомъ Франціи.

Буржуазія не имѣетъ великаго прошедшаго и никакой будущности. Она была минутно хороша, какъ отрицаніе, какъ переходъ, какъ противуположность, какъ отстаиваніе себя. Ея силъ стало на борьбу и на побѣду; но сладить съ побѣдою она не могла: не такъ воспитана. Дворянство имѣло свою общественную религію; правилами политической экономіи нельзя замѣнить догматы патріотизма, преданія мужества, святыню чести; есть, правда, религія противоположная феодализму, но буржуа поставленъ между этими двумя религіями.

Наслѣдникъ блестящаго дворянства и грубаго плебеизма, буржуа соединилъ въ себѣ самые рѣзкіе недостатки обоихъ, утративъ достоинства ихъ. Онъ богатъ какъ вельможа, но скупъ какъ лавочникъ. Онъ вольноотпущенный. Французское дворянство погибло величественно и прекрасно; оно какъ могучій гладіаторъ, видя неминуемую смерть, хотѣло пасть со славою; памятникъ этого героизма—4 августа 1789 г.; что ни толкуй, а въ добровольномъ отреченіи отъ феодальныхъ правъ есть много величественнаго.

Въ то время вы уже встрѣчаете во Франціи классъ людей, который при общей потерѣ пріобрѣтаетъ; дворянство лишается правъ—они усугубляютъ свои; народъ умираетъ съ голоду—они сыты; народъ вооружается и идетъ громить враговъ—они выгоднѣ поставляютъ сукна, провіантъ. Народъ завоевываетъ всю Европу, по всей Европѣ течетъ рѣками его кровь —они пользуются континентальной системой. Во время ужасовъ втораго террора, terreur blanche, какъ говорятъ Французы, буржуа дѣлается избирателемъ и депутатомъ, и тутъ, какъ мы сказали, начинается его вторая lune de miel, лучшее время его жизни послѣ jeu de pommes. Но осторожныхъ правилъ своихъ Фигаро не оставилъ: его начали обижать,— онъ подбилъ чернь вступиться за себя и ждалъ за угломъ, чѣмъ все это кончится; чернь побѣдила— и Фигаро выгналъ ее въ три шеи съ площади и поставилъ національную гвардію съ полиціей у всѣхъ дверей, чтобъ не впускать сволочь. Добыча досталась ему и Фигаро сталъ аристократомъ—графъ Фигаро-Альмавива, канцлеръ Фигаро, герцогъ Фигаро, перъ Фигаро. А религіи общественной все нѣтъ; она была, если хотите, у ихъ прадѣдовъ, у непреклонныхъ и настойчивыхъ горожанъ и легистовъ, но она потухла, когда миновала въ ней историческая необходимость. Буржуа это знаютъ очень хорошо; чтобъ помочь горю, они выдумали себѣ нравственность, основанную на ариѳметикѣ, на силѣ денегъ, на любви къ порядку. Одинъ лавочникъ разсказывалъ, что онъ во время барбесовскаго дѣла лишь только услышалъ, что что-то есть, взялъ свое ружье и цѣлый день ходилъ возлѣ дома. "Да съ которой же стороны

вы были?" спросилъ его одинъ молодой человѣкъ. —О, я не мѣшаюсь въ политику, отвѣчалъ онъ, мнѣ все равно, лишь бы общественный порядокъ былъ сохраненъ; я защищалъ порядокъ.

Недаромъ Ж. П. Рихтеръ смѣется надъ тѣми людьми, которые изъ любви къ порядку десять разъ кладутъ вещь на одно и тоже мѣсто, ни разу не давши себѣ отчета, почему эта вещь должна лежать именно на томъ мѣстѣ. Любовь къ порядку и самосохраненіе много способствовали къ тому, чтобъ буржуазія изъ класса неопредѣленнаго перешла въ замкнутое сословіе, которому границы—электоральный ценсъ внизъ и баронъ Ротшильдъ вверхъ. Малѣйшіе изгибы этого сословія изучилъ Скрибъ и на все далъ отвѣтъ.

Онъ наругался надъ мечтами юноши, чувствующаго художественное призваніе, и окружилъ его уваженіемъ и счастіемъ, когда онъ сдѣлался честнымъ конторщикомъ; онъ къ землѣ преклонилъ голову бѣднаго и отдалъ его во власть хозяина, котораго воспѣлъ за то, что онъ любилъ чтобъ работникъ повеселился въ воскресный день. Онъ даже вора умѣлъ поднять за то, что онъ разбогатѣвши даетъ кусокъ хлѣба сыну того, котораго ограбилъ,—и такъ это ловко представилъ, что хочется пожурить сына за то, что его отецъ былъ неостороженъ и плохо деньги берегъ. Казалось бы, воровство страшнѣйшее изъ всѣхъ преступленій въ глазахъ буржуази....но Скрибъ и тутъ зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло: воръ уже негоціантъ, умѣнье нажиться и хорошо вести свой домъ смываетъ всѣ пятна. А какъ позорно всякой разъ наказывается у Скриба женщина за капризъ,

за минуту увлеченья, даже за шалость! какъ она всякой разъ одурачена, осмѣяна, и какъ мужъ торжествуетъ, исправляетъ, прощаетъ! Буржуа—деспотъ въ семьѣ, тиранъ дѣтей, тиранъ жены. Не судите о положенiи Француженки по bal de l'Opéra, по амазонкамъ булонскаго лѣса, по гризеткамъ играющимъ на бильярдѣ въ луксанбургскомъ саду, по жительницамъ квартала Notre-Dame de Lorette...или лучше судите по этимъ живымъ, беззаботнымъ, веселымъ, полькирующимъ, смѣющимся образцамъ: какая потребность веселья, игры, шутки, блеска, наслажденiй въ Француженкѣ! Ей надобно проститься со всѣмъ этимъ, идучи къ меру съ своимъ женихомъ. Для того, чтобъ принимать участiе въ веселостяхъ, ей надобно отказаться быть женой.

Въ Парижѣ, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ, а потомъ въ Италiи, почти нѣтъ выбора между двумя крайностями — или быть куртизаной, или скучать и гибнуть въ пошлости и безвыходныхъ хлопотахъ. Вы помните что рѣчь идетъ о буржуазiи; сказанное мною не будетъ вѣрно относительно аристократiи, но вѣдь ея почти нѣтъ.

Кто наряжается, веселится, танцуетъ?—la femme entretenue, двусмысленная репутацiя, актриса, любовница студента....Я не говорю о несчастныхъ жертвахъ "общественнаго темперамента", какъ ихъ назвалъ Прудонъ; тѣ мало наслаждаются имъ недосугъ. Вмѣстѣ съ бракомъ Француженка средняго состоянiя лишается всей атмосферы, окружающей женщину любовью, улыбкой, вниманiемъ. Мужъ свозитъ ее въ дребезжащей ситадинѣ на тощей клячѣ въ Père Lachaise или, пользуясь дешевизной, отъѣ-

деть по желѣзной дорогѣ станцію, свозить въ Версаль, когда "бьють фонтаны", да раза два-три въ театръ,—вотъ ей на годъ и довольно. За эту жизнь современную буржуазію прославили семейно-счастливой, нравственной. Но такой почетной репутаціи мало для буржуазіи, она имѣетъ сильное поползновеніе аристократничать, хотя терпѣть не можетъ аристократовъ, потому-что боится ихъ превосходства въ формахъ, слону смерть хочется иной разъ пробѣжать газелью,—да гдѣ-же научиться?—А Скрибъ на-что?—Скрибъ надѣваетъ на себя ливрею швейцара и отворяетъ двери въ аристократическія залы временъ регенства и Людовика XV; но хитрый царедворецъ умѣлъ вездѣ выказать суетность обитателей этихъ залъ рококо, передъ вальяжностью зрителей: вы лучше — говоритъ онъ имъ — этихъ пустыхъ людей, у нихъ была только манера, ce quelque chose.—"Отчего-же и намъ не имѣть ce quelque chose?" думаетъ слонъ - газель и весело тащитъ изъ ложи свой животъ и улыбаясь ложится спать. Онъ же вѣдь лучше!

Страсть къ шуткѣ, къ веселости, къ каламбуру составляетъ одинъ изъ существенныхъ и прекрасныхъ элементовъ французскаго характера; ей отвѣчаетъ на сценѣ водевиль. Водевиль такое-же народное произведеніе Французовъ, какъ трансцендентальный идеализмъ Нѣмцевъ.

Но вы знаете пристрастіе людей не совсѣмъ воспитанныхъ ко всему неприличному; для нихъ только сальное остро, только циническое смѣшно. Буржуа, строгій блюститель нравовъ у себя въ домѣ, любитъ отпустить полновѣсную шутку, заставить по-

краснѣть двусмысленнымъ намекомъ дѣвушку; онъ и дальше идетъ—онъ любитъ и поволочиться, вообще любитъ развратикъ втихомолку, такой развратикъ, который не можетъ никогда его поставить лицемъ къ лицу съ его обличенной совѣстью въ треуголвной шляпѣ, называемой полицейскимъ служителемъ; онъ развратенъ включительно до статей кодекса о дурномъ поведеніи гражданъ. На сценѣ все это отразилось, какъ слѣдовало ожидать; водевиль (изъ десяти девять) принялъ въ основу не легкую веселость, не искрящуюся остротами шутку, а сальные намеки. Такъ какъ въ классическихъ трагедіяхъ, боясь потрясти нервы, убивали за сценой, такъ во многихъ пьесахъ новой школы, васъ заставляютъ предпологать за кулисами.....не убійство, нѣтъ, — совсѣмъ противоположное. Терпѣть не могу пуританской строгости, люблю смотрѣть и на свирѣпый канканъ, и на отчаянную польку; но, воля ваша, есть нѣчто грустное и оскорбительное въ зрѣлищѣ двадцати залъ въ которыхъ набились биткомъ люди съ шести часовъ вечера, для того, чтобъ до двѣнадцати восхищаться глупыми пьесами, сальными фарсами, и это всякій вечеръ. Пристрастіе къ двусмысленностямъ и непристойностямъ испортило великія сценическія дарованія; художники увлекаемые громомъ рукоплесканій (на которыя здѣсь очень скупы) такъ избаловались, что они каждому слову каждому движенію умѣютъ придать нѣчто.....нѣчто кантаридное. Ни Дежазе ни Левассеръ не изъяты этого недостатка.

Было время, когда острая и сметливая публика умѣла ловко поднять всякой политическій намекъ, всякую смѣлую мысль; это было во время беранже-

ровскихъ пѣсень и памфлетовъ Курье; нынче она охладѣла къ идеямъ, къ "словамъ"; да и къ тому-же хорошо было фрондерствовать во время реставраціи, а теперь мы сами стали консерваторами и боимся слишкомъ зацѣплять политику.

За то, что касается героизма, до высокой отваги —буржуа безпримѣренъ; недаромъ онъ съ себя снялъ историческій мундиръ той національной гвардіи—первой. Людовику Филипу стало жаль мундиръ, который онъ нашивалъ въ грозную годину; онъ разрѣшилъ другимъ носить тунику и кепи, а самъ остался по прежнему въ старомъ мундирѣ. Надобно видѣть что дѣлается, когда въ оперѣ поютъ: "L'Anglais ne régnera," вопль, шумъ, трескъ,—буржуа, внѣ себѣ отъ патріотизма, кричитъ: "ne régnera! ne régnera!" и смотритъ съ гордымъ видомъ на какого-нибудь секретаря лорда Норменби, который не двигаясь ни однимъ мускуломъ, какъ гибралтарская скала, сидитъ въ ложѣ, въ бѣломъ галстухѣ изъ крашеной стали и съ одной венозной кровью въ лицѣ. Пріѣзжій изъ-далека могъ бы подумать, что война между Англіей и Франціей во всемъ разгарѣ, что англійскій флотъ сталъ на якорѣ въ Булонскомъ лѣсу и что Маѳусаилъ-Веллингтонъ дерется съ Маѳусаиломъ-Сультомъ въ Батиньоляхъ — а это еще entente cordiale!

Послѣ этого введенія можно бы поговорить о театрѣ, но отчего-же непоговорить о немъ въ слѣдующемъ письмѣ?....

P. S. Перечитывая письмо, мнѣ захотѣлось прибавить еще нѣсколько словъ о прислугѣ. О тяго-

сти, несправедливости, взаимномъ стѣсненіи и взаимномъ развратѣ, происходящемъ отъ лакейства говорятъ давно; но, не будучи дикимъ или Жанъ Жакомъ, какъ-же обойтись безъ частной прислуги? Въ Парижѣ частная прислуга со всякимъ днемъ становится менѣе нужною. Люди ограниченнаго состоянія не имѣютъ своихъ слугъ — и живутъ очень удобно. Необходимость дѣлаетъ въ этомъ отношеніи какъ и во всѣхъ, то, о чемъ убѣжденіе краснорѣчиво разглагольствуетъ. Всѣ мы страшные теоретики, а на приложенія смотримъ свысока, мы носимся на воздушномъ шарѣ по воскресеньямъ—а въ будни наша жизнь течетъ себѣ и утекаетъ по грязной и глинистой почвѣ.

Проложеніе вовсе нелегко, оно-то и трудно. Въ теоріи можно понять всякую истину, всякую мысль, а на практикѣ не устроишь свой домашній бытъ. Нравственные перевороты тогда совершаются дѣйствительно, когда они дѣлаются истиной около очага, когда они становятся поведеніемъ, образомъ дѣйствія, привычкой, если хотите. Вотъ почему я придаю чрезвычайную важность тому, что здѣсь устроилась, осуществилась возможность до нѣкоторой степени обходиться безъ частной прислуги .... Но какъ-же и чѣмъ замѣняется эта третья рука, этотъ соподчиненный членъ, дѣлающій для васъ все, что вамъ не хочется для себя дѣлать? Я вамъ сейчасъ разскажу.

Парижскія квартиры чрезвычайно удобны, въ какую цѣну ни возьмите—отъ 1,000 фр. въ мѣсяцъ до 500 въ годъ. Вездѣ зеркала, занавѣски, мебель, посуда, мраморный каминъ, столовые часы, кровати съ пологомъ, ковры, туалеты, —вездѣ завоеваны у

самаго небольшаго пространства всѣ его возможности и на все наброшено это нѣчто, ce fion, придающее маленькимъ комнатамъ свѣтлый, веселый видъ; въ каждой комнатѣ виситъ непремѣнно шнурокъ. До него-то я и добираюсь. Шнурокъ идетъ въ ложу консьержа или портье. Портье и вся семья его вѣчно готовы къ услугамъ постояльцевъ; въ большихъ домахъ у нихъ есть помощники. Портье чиститъ вамъ платье и сапоги, портье натираетъ парке, обтираетъ пыль, моетъ окна, портье ходитъ за табакомъ, за виномъ, за бифстекомъ и котлетами; портье получаетъ ваши письма, въ его ложу бросаютъ ваши журналы, ему отдаютъ визитныя карточки; портье освѣщаетъ лѣстницу въ началѣ вечера и запираетъ наружную дверь, портье отпираетъ ее въ какое бы время вы ни пришли, у него горитъ свѣча, вы берете свой ключь, зажигаете ночникъ и идете спокойно, зная что васъ не ждутъ. Какъ портье успѣваетъ?— Это труднѣе сказать нежели какъ Пинети дѣлалъ изъ мыши пятакъ и изъ пятака птицу—я не знаю какъ; гдѣ онъ спитъ, когда отдыхаетъ — это тайна; дѣло въ томъ, что онъ съ своей семьей или съ помощникомъ такъ ловко улаживаетъ свою службу, что онъ вездѣ, и при томъ ложа никогда пуста не бываетъ. Но не опасно-ли ему отдать ключь, можно-ли положиться на него?—Какъ на каменную стѣну! Да отчего-же это? Причины есть. Во-первыхъ, пропріетеръ или общій наемщикъ съ большой осторожностью нанимаетъ портье, а во-вторыхъ, онъ въ большомъ домѣ, въ центрѣ Парижа получитъ въ годъ отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ франковъ (*).

(*) Полагая въ домѣ 25 наемщиковъ, мы можемъ считать 5,

На него можно положиться, потому-что онъ не нищій; само собою разумѣется, онъ имѣетъ свои счеты и съ винопродавцемъ и съ мелочнымъ торговцемъ, имѣетъ свой revenant bon, какъ министры имѣютъ свой.

Утромъ, прежде нежели вы проснулись (я предполагаю, что вы нормальный человѣкъ и слѣдственно просыпаетесь во-время, т. е. никакъ неранѣе 8 часовъ), платье ваше готово, вода принесена (особымъ водоносомъ); стоитъ одѣться и итти въ Café, который въ двухъ шагахъ, читать журналы. Но вы не любите можетъ быть (такъ какъ я) рано выходить изъ дому, это отъ васъ зависитъ, только за лѣнь съ васъ надобно взять 20 фр. въ мѣсяцъ лишняго, и въ назначенный часъ garçon de café принесетъ вамъ кофейникъ и дѣвочка изъ ближняго литературнаго бюро десятокъ журналовъ. Теперь къ обѣду. Дома готовить кушанье дорого, гораздо дороже нежели ходить въ лучшій ресторанъ; за два франка вы будете сыты вездѣ, прибавьте франкъ — и васъ жажда томить не будетъ, вамъ дадутъ полъбутылки медока (возможнаго). Прибавьте еще франкъ все это принесутъ на домъ. Шутка, 5 франковъ! Ну, а денегъ нѣтъ, такъ ходите за общій столъ и обѣдайте за 2 фр. и даже за 1 ф. 50 сан. съ виномъ. Держать своихъ лошадей нелѣпо; превосходные voiture de remise и прескромные ситадины и кабріолеты къ вашимъ услугамъ; цѣна назначена. Пріѣхали на балъ, въ театръ мальчикъ отворяетъ карету и кла-

которые ему платятъ по 15 фр. въ мѣсяцъ, 5 по 5, 5 по 2 ф. 50 с. — сверхъ того онъ получаетъ что-нибудь отъ проприіетра.

детъ подъ ноги доску если грязно за одинъ су. Шинель ваша или пальто отдается при входѣ за пять су; на-что-же вамъ лакей? А кто-же приведетъ карету? здѣсь нѣтъ жандармовъ, громко взывающихъ и повторяющихъ вашу фамилію; такой-же мальчикъ въ блузѣ за су отыщетъ карету. Когда-же крайность въ частной прислугѣ? Вы всегда можете за дѣломъ позвать портье, затопить-ли каминъ, бросить-ли письмо въ ящикъ; но разумѣется онъ померъ бы со смѣху или разразился бы ругательствами, еслибъ вы его позвали на пятой этажъ за тѣмъ, чтобъ онъ набилъ вамъ трубку или подалъ платокъ изъ другой комнаты; да въ этомъ-то и состоитъ нравственная выгода образованной жизни, что она отъучаетъ отъ дикихъ привычекъ. Женатому горничная также не нужна: жена портье, его дочь, сестра будетъ и одѣвать, и раздѣвать, и шнуровать, и сплетничать, словомъ, дѣлать все необходимое. Дѣти требуютъ кухарку или повара, за ними нужна нянька: но нѣтъ необходимости ихъ не отдавать въ пансіонъ; для большинства дѣтей разумѣется лучше, чтобъ они были въ пансіонахъ, нежели свидѣтелями всего, что дѣлается подъ родительскимъ кровомъ.

Изъ этого вы видите, что безъ частной прислуги обойтись можно..... Вообразите теперь спокойствіе такой жизни; она становится мужественнѣе, чище; вообразите удовольствіе, приносимое отсутствіемъ лишняго человѣка, чуждаго, посторонняго, безстрастнаго свидѣтеля всѣхъ вашихъ дѣлъ.

Постскриптумъ мой я бы посвятилъ М. П. Погодину, такъ много въ немъ франковъ и сантимовъ; но

вѣдь я со стороны дороговизны, я радъ ей, я со стороны payez, Messieurs, si vous êtes assez riches, а утопія М. П. жизнь безсребренная, т. е. нетратящая серебра; онъ не навидитъ алчность ближняго къ деньгамъ, онъ и дальнему Лондону загнулъ: "Марѳа, Марѳа, печешеся о мнозе!"

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

—

Парижъ, Іюня 20 1847 г.

Если я васъ огорчилъ въ прошломъ письмѣ моими замѣчаніями о парижскихъ театрахъ, то постараюсь нѣсколько утѣшить теперь; на дворѣ идетъ мелкій дождь, мокрый солдатъ, въ красныхъ панталонахъ, съ прекислой рожей, прижался къ будочкѣ у стѣны Elysée Bourbon, и на сердце что-то тяжело—самыя счастливыя условія для критики доброй, все видящей въ розовомъ свѣтѣ.

Само собою разумѣется, что не все-же пошло на парижскихъ сценахъ, какъ васъ увѣряетъ второе письмо; я рѣшительно не согласенъ со вторымъ письмомъ. Въ семьѣ не безъ урода, говаривалъ часто одинъ добрый чиновникъ, разсказывая, что его племянникъ до того пристрастился къ наукамъ, что вышелъ въ отставку. Вотъ для примѣра хоть бы и

"Парижскій Вѣтошникъ" Ф. Піа, котораго даютъ безпрестанно и все-таки желающихъ больше, нежели мѣстъ въ театрѣ Porte-St.-Martin. Конечно многіе ходятъ для Фредерика Леметра, но въ пошлой пьесѣ Фредрикъ не могъ бы такъ играть. Онъ безпощаденъ въ ролѣ "вѣтошника" иначе я не умѣю выразить его, игры; онъ вырываетъ изъ груди какой-то стонъ, какой-то упрекъ, похожій на угрызеніе совѣсти. — Королева Викторія спросила Леметра, послѣ нѣсколькихъ сценъ, съигранныхъ имъ изъ драмы Піа на Виндзорскомъ театрѣ, глубоко тронутая и со слезами на глазахъ: "неужели въ Парижѣ много такихъ бѣдняковъ?"—Много в. в., отвѣчалъ Леметръ со вздохомъ: "это парижскіе Ирландцы!"

Съ перваго явленія пьеса настроиваетъ васъ особенно пріятно. Зимняя ночь, съ боку Аустерлицкій мостъ, каменная набережная Сены тянется передъ глазами, два фонаря слабо освѣщаютъ берегъ, за рѣкой видны домы, лѣсъ трубъ, которыя придаютъ Парижу его оригинальный видъ, кой-гдѣ мелькаютъ огоньки. На скамьѣ сидитъ оборванный человѣкъ; изъ его словъ видно, что онъ совершенно раззорился, принялся было за промыселъ вѣтошника, но и это не идетъ. Непривычный къ нищетѣ, онъ рѣшается броситься въ Сену. Но является другой вѣтошникъ съ своимъ фонаремъ и сильно выпивши (Леметръ); онъ въ нищетѣ какъ рыба въ водѣ, поетъ пѣсни, покачивается и уговориваетъ своего товарища небросаться въ воду. "Въ газетахъ будутъ говорить, и имя напечатаютъ, съ разными непріятными разсужденіями"; то-ли дѣло съ горя придерживаться синяго и горькаго, trois-six, fil-en-quatre и ходить

къ Paul Niquet. По несчастію тотъ невосхищается заведеніемъ Paul Niquet и предпочитаетъ смерть водою, смерти спиртомъ. Пьяница сердится и уходитъ, говоря ему, что если ему очень хочется, пусть себѣ топится. Тотъ бы и утопился безъ этой встрѣчи, но развлеченный ею онъ подумалъ, подумалъ — да и остался. Но что-же онъ будетъ дѣлать, съ мрачной злобой, съ отчаяніемъ, съ недостаткомъ мужества? Онъ самъ не знаетъ; но вотъ идетъ comis de bureau, съ портфелемъ ..... чего тутъ думать ..... хвать его дубиной по головѣ, тотъ растянулся, бѣднякъ его доконьчилъ, взялъ деньги и давай Богъ ноги. Тишина. Фонари также горятъ, трупъ валяется на тротуарѣ чёрезъ минуту идетъ молча, мѣрными шагами рундъ, видитъ мертвое тѣло и останавливается.—Вотъ каннибальскій прологъ, которымъ авторъ вводитъ васъ въ міръ голода и нищеты, роющійся подъ ногами, конающійся надъ головой, міръ подваловъ и чердаковъ, міръ грустнаго самоотверженія и свирѣпыхъ преступленій.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Сцена представляетъ верхній этажъ, нѣчто въ родѣ чердака, съ одной стороны каморка, въ которой при тоненькой свѣчѣ шьетъ бѣдно одѣтая дѣвушка платье; съ другой надъ лѣстницей догадливый пропріетеръ выгадалъ нѣчто въ родѣ палатей, въ родѣ балкона, клѣтки, большаго короба, — старикъ вѣтошникъ спитъ совсѣмъ одѣтый на койкѣ; это его компата. Дѣвушкѣ грустно и тяжело, бѣдность ее гнететъ, она сирота... работа, работа и вѣчная работа изъ-за куска хлѣба, никакой радости, никакаго утѣшенія! Она кончила платье, платье пы-

шное, богатое; счастливица какая-то будетъ его носить, поѣдетъ въ немъ въ театръ, въ оперу, а она будетъ шить что-нибудь другое въ той-же каморкѣ, въ печальномъ уголку своемъ, — и будто можно такъ жить въ 18 лѣтъ и съ французкой кровью въ жилахъ! Марія примѣриваетъ платье, чтобъ узнать нѣтъ-ли складокъ.....дитя, она хитритъ съ собою: ей просто хочется увидѣть на себѣ такой нарядъ; одѣлась — къ лицу ей платье, и она чуть неплачетъ; вдругъ раздается карнавальная музыка, шумъ, хохотъ, маски идутъ мимо, потомъ шумъ на лѣстницѣ и нѣсколько швей одѣтыхъ дебардерами и гусарами врываются въ ея комнату. Марія въ прекрасномъ платьѣ..... вотъ чудо, вотъ прелесть, въ оперу, въ оперу!.... Она не хочетъ, то есть, она хочетъ, но что-то страшно, она никогда не бывала... "онѣ будутъ потомъ ужинать, ихъ звали, будутъ ѣсть омара и мороженое"—она ѣдетъ. А вѣтошникъ въ это время встаетъ, зажигаетъ свой фонарь и идетъ кряхтя на работу — подбирать остатки, обглодки жизни, пронесшейся на канунѣ; ночь его юбилейный день.

Сцена мѣняется, одинъ изъ кабинетовъ Maison-d'or; каминъ горитъ, лампы, свѣчи, зеркала — блескъ такой, посѣтителей много; кто воротился изъ оперы еще въ маскарадномъ платьѣ безъ маски, кто сидѣлъ тутъ цѣлый вечеръ, одни заказываютъ ужинъ, спорятъ о блюдахъ, другіе требуютъ вина; какой-то молодой человѣкъ, развалясь съ сигарой на креслѣ, философствуетъ, всѣ ждутъ дебардеровъ; вотъ и онѣ—веселыя, живыя, кто садится на столъ, кто полькируетъ, кто пьетъ. Ихъ обнимаютъ, ихъ угощаютъ, съ ними любезничаютъ—такъ какъ вы, mio

саго, знаете очень хорошо, и такъ какъ вы, cara mia, никогда не узнаете. Но наша бѣдная дѣвушка, въ первый разъ попавшаяся въ такую компанію, перепуганная, не знаетъ что дѣлать, она инстинктомъ поняла оскорбленіе, поняла что-то неловкое, дурное во всемъ этомъ, она взволнована. Сначала ее не замѣчаютъ, потомъ добрались и до нея, начинаютъ преслѣдовать, интриговать, требуютъ, чтобъ она сняла маску; она не снимаетъ; маску срываютъ, робкая и пугливая она не знаетъ, что дѣлать. По счастію философъ съ сигарой защитилъ ее отъ дикихъ выходокъ своихъ товарищей; его поразилъ невинный и страждущій видъ дѣвушки, онъ даже взялся проводить ее до дому. И вотъ опять ея комната на сценѣ; она еще не возвращалась, какая-то женщина въ салопѣ приходила тайкомъ, пошныряла въ комнатѣ, потомъ ушла. Является и Марія, расплаканная и огорченная; сверхъ всего остальнаго, платье залито, изодрано. Ну, вотъ ей и опера и этотъ шумъ свѣта, о которомъ она мечтала; раскаяніе, стыдъ и горе,— вотъ что осталось отъ всего. Въ порывахъ негодованья и досады она рѣшается лишить себя жизни, у ней никого нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ стараго вѣтошника, друга-сосѣда, сосѣда-отца. Она пишетъ къ нему записку, кладетъ ее ему на столъ и приготовляетъ все нужное для угара; но вдругъ раздается крикъ новорожденнаго...она смотритъ на ея кровати подброшенное дитя. Вы знаете великую физіологическую связь между женщиной и ребенкомъ. Марія рѣшается жить, потому-что ей некуда дѣть ребенка....непокинуть-же его безпомощнаго, слабаго такъ. Между тѣмъ и старикъ вскарабкался въ свою

клѣтку, съ корзинкой всякой дряни, съ костями, которыя перешли отъ барина къ слугѣ, отъ слуги къ собакѣ, отъ собаки достались вѣтошнику; но на этотъ разъ находка была по лучше: Père Jean нашелъ десять тысячъ банковыми ассигнаціями; старикъ мечтаетъ о наградѣ, которую дадутъ ему когда онъ возвратитъ деньги,—вдругъ ему попадается записка Маріи, онъ бѣжитъ къ ней, и что же?—находитъ ее съ новорожденнымъ. "Такъ вотъ оно что!" и онъ, какъ громомъ пораженный, падаетъ на стулъ.

Да что у него за отношенія къ Маріи, что онъ на старости лѣтъ влюбленъ въ нее, или что за странная дружба сѣдаго старика съ восемнадцатилѣтней дѣвушкой? Онъ влюбленъ въ нее, онъ любитъ ее какъ отецъ, онъ любитъ ее какъ другъ; безпредѣльно-нѣжное чувство его къ Маріи совершенно понятно, особенно понятно во Франціи, всего понятнѣе въ Парижѣ. Бѣдные люди въ Парижѣ иногда впадаютъ въ какую то одичалость, въ кретинизмъ даже, особенно приходящіе въ Парижъ искать работы—всѣ эти савояры, оверньяты; но это исключеніе, исключеніе къ которому принадлежатъ уличные нищіе. Собственно парижскіе бѣдняки имѣютъ сверхъ затаеннаго негодованія, голову поднятую вверхъ, они психически развиты гораздо болѣе, нежели вы предполагаете, въ этихъ организаціяхъ, блѣдныхъ отъ дурнаго воздуха, отъ гнетущей нужды, отъ безпрерывныхъ лишеній, отъ зависти.....да отъ зависти!....("Ну ужъ это скверно!" Разумѣется, любезный моралистъ, что-же вы покраснѣли? надобно умѣть довольствоваться голодомъ, ходя мимо Шеве)...Въ душѣ ихъ есть

что-то вѣрно чувствующее, мѣтко понимающее и притомъ безпредѣльно грустное и нѣжное. Чистота и нравственность далеко не чужды имъ; развратъ имѣетъ свои предѣлы, опускайтесь по лѣстницѣ общественныхъ положенiй, вы будете съ каждымъ шагомъ находить болѣе и болѣе пороковъ и гадостей; но опуститесь на самое дно, вы найдете столько-же добра и нравственности, сколько паденiя и преступнаго; развратъ самый гнусный принадлежность низшаго слоя буржуази, а не народа, не работника. Знаете-ли, что народъ, что бѣдняки берегутъ свою репутацiю, что они рѣдко протянутъ руку прохожему, а если и протянутъ, то не унижаясь, что они не всегда возьмутъ на водку, и почти никогда не просятъ. Это не Англичане, не Нѣмцы;—это Парижане.

Парижскiй воздухъ великое дѣло, онъ во всѣ шесть или семь этажей, въ чердаки и подвалы, въ антресоли и первые этажи, въ трубы и щели дуетъ однимъ и тѣмъ-же; буржуазiя закрываетъ ставни, конопатитъ дыры отъ него; но бѣднякъ не прячется и онъ ему навѣваетъ разныя мысли; вѣтошникъ, найдя минуту покоя, вытаскиваетъ вчерашнюю газету и читаетъ, закусывая черствымъ хлѣбомъ. Масса стремленiй, понятiй и мыслей, проникнувшая въ низшiе классы и поддерживающая лихорадочное и болѣзненное расположенiе духа, чрезвычайно велика; она-то и есть главная хранительница ихъ нравственности; теряя ее, бѣдняки впадаютъ въ страшную жизнь "парижскихъ тайнъ", съ нею они типы героевъ Ж. Сандъ. Такова Марiя, но вѣдь и père Jean таковъ,

вѣдь и это чисто парижскій продуктъ, "грибъ, выросшій на парижскомъ навозѣ"; его колыбель, родина, училище—улица, на которую его выбросили тотчасъ послѣ рожденія; добрые люди не дали умереть съ голоду, и онъ остался въ живыхъ, по насмѣшливой прочности и упорности жизни тамъ, гдѣ жить невозможно. Онъ и росъ кой-какъ на улицѣ, разумѣется ремеслу никакому не научили, кому до него дѣло..... выросъ наконецъ, сдѣлался вѣтошникомъ, пропивалъ все вырученное, потомъ бросилъ trois-six и такъ вжился въ свою долю, что и не ропщетъ, ему кажется совершенно въ порядкѣ зажечь ночью фонарь и идти подбирать тряпки и лоскутья. Онъ отроду не видалъ поля, зелени, онъ жилъ какъ мокрица на сырыхъ каменныхъ стѣнахъ и ползалъ по почамъ по узкимъ, темнымъ переулкамъ. Семьи у него не было, онъ слишкомъ бѣденъ, чтобъ имѣть семью; любить ему состояніе не позволяло. Недаромъ однако-же Père Jean лѣтъ шестдесятъ таскался по улицамъ и смотрѣлъ на это многоразличіе движущейся жизни; онъ философъ, онъ мудрецъ, а главное онъ характеръ. Встрѣтившись на этомъ-же краю бѣдности, на которомъ самъ стоялъ, съ Маріей, онъ тотчасъ понялъ, какого закалу эта дѣвушка, и онъ полюбилъ ее всею той любовью и всѣми тѣми любвями, которыхъ небыло у него въ жизни: у него явилась дочь, другъ. Марія—его семья, его отдыхъ, единственное человѣческое утѣшеніе, она его поэзія; его trois-six, его примиреніе съ жизнію,—отвѣтъ на все то, на что обстоятельства не дали отвѣта, а парижскій воздухъ далъ вопросъ. Онъ сталъ ея сторожемъ, ея хранителемъ; разумѣется, новорожденный

поразилъ старика, такъ вполнѣ вѣровавшаго въ ея чистоту, въ ея откровенность. Дѣло объяснилось; но ребенокъ вовлекаетъ опять въ траты, ему надобно молоко, средствъ нѣтъ, десять тысячъ лежатъ неприкосновенными, о нихъ и думать не смѣютъ. Марія рѣшается просить дочь барона, на которую она работаетъ, чтобы она простила ей и не заставляла бы заработывать испорченнаго платья.

Въ пышной гостинной сидитъ баронъ съ дочерью; онъ что-то не въ мѣру безпокоенъ, она не въ мѣру грустна, а тутъ эта дѣвчонка съ вздорными требованіями, да еще сама говоритъ, что ей деньги нужны для ребенка. "Какого ребенка?"— Мнѣ подкинули. —"Когда?"—12 февраля. Баронъ, знающій жизнь, начинаетъ журить дѣвушку, безъ обиняковъ говоритъ что это ея ребенокъ, что онъ ей ничего не дастъ, что онъ непоощряетъ безпорядковъ и распутства, наконецъ бранитъ ее, что она смѣла его дочери говорить о такихъ непристойностяхъ. Марія уходитъ, взволнованная и удивленная. Отецъ въ бѣшенствѣ, дочь смущена; дѣло становится ясно: 12 февраля родила она; отецъ, чтобъ спрятать концы въ воду, далъ десять тысячъ франковъ доброй и услужливой повивальной бабкѣ г-жѣ Потаръ, чтобъ она уничтожила, сюпримировала ребенка; у г-жи Потаръ, сердце нѣжное, нервы слабы до того, что она не могла подняться до высоты задачи, которою ее почтило довѣріе барона, она не убила ребенка, а подбросила его бѣдной дѣвушкѣ. Въ торопяхъ деньги были потеряны (и père Jean ихъ нашелъ.) Баронъ дѣлаетъ строжайшій выговоръ г-жѣ Потаръ и даетъ еще 10

тысячъ франковъ, чтобъ радикальнѣе сбыть съ рукъ ребенка...... Ребенокъ пропалъ, и пока Марія въ отчаяніи не можетъ понять, что съ нимъ сдѣлалось, является полиція — "Марія Дидье, васъ обвиняютъ въ дѣтоубійствѣ."—"Меня?"спрашиваетъ испуганная дѣвушка.—"Вашего ребенка нашли утопленнымъ въ канавѣ." Дикій крикъ вырывается изъ устъ Маріи въ отвѣтъ на страшную вѣсть и на гнусное обвиненіе. — Нервы г-жи Потаръ оказались на этотъ разъ исправнѣе.

Марія любима, любима нѣжно, страстно молодымъ человѣкомъ, который проводилъ ее съ бала; онъ (какъ непремѣнно воображаютъ нужнымъ писатели французскихъ пьесъ) женихъ бароновой дочери. Онъ хочетъ жениться на ней. — Погодите, молодой человѣкъ, ваша невѣста, ваша неземная дѣва въ толпѣ колодниковъ, развратницъ, въ тюрьмѣ; ее судятъ за дѣтоубійство, ея имя попало уже въ Gazette des Tribunaux и разнеслось отъ кафе до дворцовъ, и послужило темой моральныхъ разсужденій для толстыхъ мѣщанъ и жирныхъ мѣщанокъ.

Вѣтошникъ не спитъ. Объявлено въ афишахъ, что 12 февраля потеряны 10 т. фр. билетами, ночью, въ кварталѣ Saint-Lazare, и что нашедшій можетъ явиться къ г-жѣ Потаръ, повивальной бабкѣ, за приличнымъ награжденіемъ. Это не-спроста, подумалъ père Jean, надѣлъ на себя лучшее платье, старый фракъ, который ему невпору, купленный гдѣ-нибудь на толкунѣ, панталоны съ заплатами и отправился къ г-жѣ Потаръ. Тутъ вы видите другую сторону бѣдняка—хитрость, умѣнье владѣть собою,

непреклонную, неуступчивую волю, свойства столько-же необходимыя бѣдняку, какъ казаку на кавказской границѣ; тотъ и другой безпрерывно лицомъ къ лицу, съ хитрымъ и злымъ врагомъ. Леметръ въ этой сценѣ удивителенъ. Père Jean успѣлъ выманить у Потаръ доказательство, что ребенокъ родился отъ бароновой дочери. Теперь онъ явится во весь ростъ обвинителемъ. Но знаете - ли, кто баронъ? Баронъ—человѣкъ совершившій убійство на аустерлицкой набережной. Онъ богатый и сильный, не соперникъ вѣтошнику; вѣтошникъ обманутъ (сцена неловкая, трудная для актера и скучная для зрителя), мало того отданъ подъ судъ, какъ находящійся въ сильномъ подозрѣніи убійства: у него нашли портфель съ именемъ убитаго. Все въ порядкѣ, какъ надобно было ожидать, но тутъ нелѣпая сцена въ тюрьмѣ, украденная изъ шиллеровой пьесы "Коварство и Любовь", гдѣ Вурмъ заставляетъ писать Луизу; баронъ уговориваетъ Марію для спасенія молодого человѣка, за котораго онъ хотѣлъ выдать свою дочь, принять на себя преступленіе, обѣщаясь спасти ее послѣ сентенціи; молодой человѣкъ остался вѣренъ, остался убѣжденъ въ ея невинности, непоколебимъ въ своей любви.....вдругъ сознаніе! Марія присуждена къ ссылкѣ. На сценѣ судебное мѣсто, у дверей сидитъ между двумя солдатами вѣтошникъ, онъ успѣлъ одичать—что-то похожъ на звѣря. На улицѣ разнощикъ кричитъ: "Marie Didier, infanticide, avec des détails intéressants .... cinq centimes! Un sou! Старика начинаютъ допрашивать, но онъ о себѣ и говорить не хочетъ: онъ умоляетъ

разобрать дѣло Маріи, его не слушаютъ, ему велятъ молчать, онъ плачетъ, онъ рветъ свои волосы; онъ, никогда нестановившійся на колѣни, является передъ судьями, судья приказываетъ муниципалу выбросить его за дверь—la toile, la toile! . . . . Чего еще? . . . . Но Піа прибавилъ мелодраматическую развязку. Пьесу онъ этимъ сгубилъ и растянулъ, Леметру доставилъ еще удивительную сцену съ г-жей Потаръ, а публикѣ примиряющій, услаждающій финалъ въ буржуазномъ духѣ. (*)

Если вамъ однакожъ столько-же надоѣло слушать о вѣтошникѣ, сколько мнѣ говорить, то я не вижу причины, отчего некончить, т. е. не начать чего-нибудь другаго. Да и что такое Porte-St-Martin, пойдемте въ Palais-Royal, но....увы! Palais-Royal перестаьъ быть сердцемъ Парижа съ тѣхъ поръ, какъ изъ него извели (какъ изъ Берлина въ послѣдствій) лучшее населеніе его. Онъ сталъ слишкомъ нравственнепъ, слишкомъ добродѣтеленъ. Парижъ переѣхалъ изъ него. Парижъ начинается, по словамъ Шаривари, съ бульвара des Capucines и оканчивается Maison d'Or-омъ т. е. Парижъ итальянскій бульваръ. "Есть—прибавляетъ ученый издатель, баснословные слухи о какомъ-то бульварѣ Пуасоньеръ; но кто-же знаетъ о его существованіи? Что-же касается до бульвара Бомарше, это просто полицейская выдумка, нарочно распущенный слухъ".

(*) Я говорилъ объ этомъ Ф. Піа, онъ совершенно со мной согласенъ, но замѣтилъ что я незнаю французской публики—что пьэса пала бы безъ утѣшительнаго окончанія,—что Французы нелюбятъ выходить изъ театра — avec un sentiment pénible. Я думаю что Ф. Піа правъ! (1852)

Но дѣлать нечего, пойдемте въ Palais Royal и именно въ Théâtre Français.

Сей кубокъ мы минувшимъ днямъ!...

Théâtre Français познакомилъ меня съ однимъ драматическимъ авторомъ, котораго я не зналъ..... съ Расиномъ. "Неужели вы его прежде не читали?" — спрашиваете вы, краснѣя за меня.—За кого-же вы меня принимаете —

A peine nous sortions des portes de Trézene
Il était sur son char....

Я его твердилъ на память лѣтъ десяти, а потомъ читалъ лѣтъ пятнадцати; но это уже было поздно. Имѣвъ счастіе завершить начальное образованіе подъ маханье московскаго Телеграфа и подъ теорію россійскаго романтизма, я посматривалъ свысока на человѣка трехъ аристотелевскихъ единствъ, человѣка говорящаго Vous и Madame устами гомеровскихъ богатырей. Нѣмецкая эстетика убѣдила меня, что во Франціи искуства никогда небыло, что собственно искуство можетъ цвѣсти въ Баваріи, въ Веймарѣ,—словомъ отъ Франкфурта на Одерѣ до Франкфурта на Майнѣ. А потому и Расина читалъ я больше для того, чтобъ вполнѣ понять красоту трагедіи Гувальда и Мюльнера. Наконецъ я увидѣлъ Расина дома, увидѣлъ Расина съ Рашелью — и научился понимать его. Это очень важно, болѣе важно, нежели кажется съ перваго взгляда—это оправданіе двухъ вѣковъ, т. е. уразумѣніе ихъ вкуса. Расинъ встрѣчается на каждомъ шагу съ 1665 года и до реставраціи; на немъ были воспитаны всѣ эти

сильные люди XVIII-го вѣка. Неужели всѣ они ошибались, Франція ошибалась, міръ ошибался? Робеспьеръ возилъ свою Елеонору въ Théâtre Français и дома читалъ ей Британика, наскоро подписавши дюжины-три приговоровъ. Людовикъ XVI въ томномъ и мрачномъ заточеніи читалъ ежедневно Расина съ своимъ сыномъ и заставлялъ его твердить на память.....И дѣйствительно есть нѣчто поразительно-величавое въ стройной, спокойно развивающейся рѣчи расиновскихъ героевъ; діалогъ часто убиваетъ дѣйствіе, но онъ изященъ, но онъ самъ дѣйствіе; чтобъ это понять надобно видѣть Расина на сценѣ французскаго театра: тамъ сохранились преданія стараго времени, преданія о томъ, какъ созданы такія-то роли Тальмой, другіе Офреномъ, Жоржъ.....

Актеры съ нѣкоторой робостью выступаютъ въ расиновскихъ трагедіяхъ, это ихъ пробный камень; тутъ невозможно ни одно нехудожественное движеніе, ни одинъ мелодраматическій эфектъ, тутъ нѣтъ надежды ни на группу, ни на декораціи, тутъ два-три актера, какъ статуи на пьедесталѣ: все устремлено на нихъ. Сначала дикція ихъ, чрезвычайно благородная и выроботанная, можетъ показаться изысканной, но это не совсѣмъ такъ; торжественность эта, величавость, рельефность каждаго стиха идетъ духу расиновскихъ трагедій. Пожалуй, нѣкоторыя позы на парѳенонскихъ барельефахъ можно тоже назвать изысканными, именно потому, что ваятели исключили все случайное и оставили вѣчныя спокойныя формы; жизнь поднимаясь въ эту сферу, отрѣшается

отъ всего возмущающаго красоту ея проявленія, принимаетъ пластическій и музыкальный строй; тутъ движеніе должно быть граціей, слово—стихомъ, чувство—пѣснью.

Вы болѣе любите иной міръ, міръ воспроизводящій жизнь во всей ея истинѣ, въ ея глубинѣ, во всѣхъ изгибахъ свѣта и тьмы, словомъ міръ Шекспира, Рембрандта—любите его, но развѣ это мѣшаетъ вамъ остановиться передъ Аполономъ, передъ Венерой? что-за католическая исключительность! Пониманье Бетховена развѣ отняло у васъ возможность увлекаться севильскимъ цирюльникомъ.

Входя въ театръ смотрѣть Расина, вы должны знать, что съ тѣмъ вмѣстѣ вы входите въ иной міръ, имѣющій свои предѣлы, свою ограниченность, но имѣющій и свою силу, свою энергію и высокое изящество въ своихъ предѣлахъ. Какое право имѣете вы судить художественное произведеніе внѣ его собственной почвы, даже внѣ исторической, національной почвы? Вы пришли смотрѣть Расина — отрѣшитесь-же отъ фламанскаго элемента: это отрасль итальянской школы; берите его такимъ, чтобъ онъ далъ то, что онъ хочетъ дать, и онъ дастъ много прекраснаго. Конечно онъ неудовлетворитъ всему, чего жаждетъ ваша душа, но позвольте-же еще разъ спросить: а весь греческій Олимпъ, а всѣ греческіе типы, статуи, герои трагедій удовлетворяютъ васъ? нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я это испыталъ на себѣ. Въ греческихъ статуяхъ вездѣ выражается спокойное наслажденіе, торжество мѣры, торжество равновѣсія, торжество красоты, но съ тѣмъ вмѣстѣ вы видите,

что покой достигнуть, потому-что требованіе было не полно, потому-что олимпійцы удовлетворялись немногимъ. Одно изъ величайшихъ достоинствъ греческаго ваянія — полнѣйшее отрѣшеніе чувственной формы отъ всего чувственнаго, Венера медицейская также мало говоритъ чувственности, какъ Мадоны Рафаеля; но за то въ греческомъ искуствѣ нѣтъ того знойнаго сладострастія, которое мы находимъ напримѣръ въ страстныхъ глазахъ особо разсѣченныхъ и съуженныхъ къ вискамъ египетскихъ изваяній. Съ другой стороны, въ греческомъ искуствѣ нѣтъ и немогло быть элемента, развитаго міромъ христіянскимъ, элемента романтическаго, того сосредоточеннаго въ духѣ, того глубоко-страдальческаго, неудовлетвореннаго, жаждущаго, стремящагося, который вы можете вполнѣ изучить въ комнатахъ Катерины Медичи, гдѣ раставлены испанскія картины. Для Грековъ мы дѣлаемъ почетное исключеніе, мы ихъ судимъ какъ Грековъ въ ихъ сферѣ, будемте также судить Расина, Корнеля—обогатимте себя и ими.

Что-же вамъ сказать о самой Рашели? Фельетоны всѣхъ газетъ давно все разсказали. Она нехороша собой, невысока ростомъ, худа, истомлена; но куда ей ростъ, на что ей красота, съ этими чертами рѣзкими, выразительными, проникнутыми страстью? Игра ея удивительна; пока она на сценѣ, чтобы ни дѣлалось, вы не можете оторваться отъ нея; это слабое, хрупкое существо подавляетъ васъ; я не могъ бы уважать человѣка, который не находился бы подъ ея вліяніемъ во время представленія. Какъ теперь вижу эти гордо надутыя губы, этотъ сжигающій, быстрый взглядъ, этотъ трепетъ страсти и негодованья, который пообѣ-

гаетъ по ея тѣлу! а голосъ,—удивительный голосъ!— онъ умѣетъ приголубить ребенка, шептать слова любви, и душить врага;' голосъ, который походитъ на воркованье горлицы и на крикъ уязвленной львицы. Она можетъ сдѣлаться страшна, свирѣпа,... до "эхиднаго выраженія." (*) Рашель составляетъ средоточіе трагической труппы, она идеалъ, которому подражаетъ старый и малый, мужчины и женщины.....до смѣшнаго; вся труппа французскаго театра оттопыриваетъ губы, какъ она, всѣ бассы и дишканты стараются говорить ея голосомъ.

Сестра ея Judith очень мила. Она не красавица; во Франціи вообще нѣтъ красавицъ, но ея gentillesse совершенно французская, не смотря на то, что имя напоминаетъ "почтеннаго фельдмаршала Олоферна" и невѣжливый поступокъ съ нимъ одной дамы.

Да какая-же это исключительно французская красота? Она чрезвычайно легко уловима: она состоитъ въ необыкновенно граціозномъ сочетаніи выразительности, легкости, ума, чувства, жизни, раскрытости, которое для меня увлекательнѣе одной пластической красоты, всепоглащающаго изящества породы, античныхъ формъ итальянокъ и вообще красавицъ.

Быть красавицей несчастіе, красавица — жертва

(*) Какъ бы я желалъ ее видѣть когда она разъярившись на Верона—сказала ему что онъ плутъ. — Сударыня, отвѣчалъ онъ, какъ самъ разказываетъ въ своихъ запискахъ "я еще ни разу не слыхалъ чтобъ кто нибудь меня такъ назвалъ."—Ну вотъ вамъ и случай услышать въ первый разъ! возразила Рашель. (1852)

своей наружности, на нее смотрять какъ на художественное произведеніе, въ ней ничего не ищуть далѣе наружности. Французская красота чрезвычайно человѣчественна, соціальна; она далека отъ германо-англійской надтѣльности, заставляющей проливать слезы о грѣхахъ міра сего, о слабостяхъ его, толико сладкихъ, она также далека и отъ андалузской чувственности, отъ которой сердце замираетъ и захватываетъ духъ. Она не въ одной наружности, не въ одной внутренней жизни, а въ ихъ созвучномъ примиреніи. Такая красота результатъ жизни, жизни цѣлыхъ поколѣній, длиннаго ряда вліяній органическихъ, психическихъ и соціальныхъ; такая красота воспитывается вѣками, выработывается преемственнымъ устройствомъ быта, нравовъ, достается въ наслѣдіе, развивается средою, внутренней работой, дѣятельностію мозга, — такая красота фактъ цивилизаціи и народнаго характера.

Изрѣдка встрѣчаешь подобную красоту между польскими и русскими аристократическими дамами, и это по моему высокое свидѣтельство въ пользу славянской крови. Вы не обижайтесь, мы потому изрѣдка находимъ такую красоту у насъ, что число женщинъ, призванныхъ къ развитію, гораздо ограниченнѣе. Кто не замѣчалъ, на сколько женщины въ нашемъ народѣ хуже мужчинъ? Женщина въ крестьянствѣ слишкомъ задавлена, слишкомъ работница, слишкомъ безлична, слишкомъ "баба", чтобъ быть красивой. Какъ только переѣдешь границу, бросается въ глаза некрасивость нѣмецкихъ крестьянъ и улучшеніе женщинъ, особенно

по городамъ; этому много способствуетъ между прочимъ умѣнье держаться; самая бѣднѣйшая горничная не выйдетъ на улицу не пригладивши волосъ и не оправившись; я не видалъ растрепанныхъ головъ, растегнутыхъ платьевъ, цинизма женской нечистоплотности съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ псковскою гостинницей и съ жидовскими станціями въ ковенской губерніи(*). Любовь къ опрятности показываетъ, какъ ужъ намъ случалось замѣтить, старую цивилизацію и уваженіе къ себѣ, чувство собственнаго достоинства и слѣдственно понятіе о личности; я, разумѣется, говорю не объ отвлеченномъ понятіи личности и ея гражданскихъ правахъ, а о томъ инстинктуальномъ понятіи, которое такъ очевидно въ самыхъ низшихъ классахъ европейскихъ государствъ, совершенно независимо отъ ихъ политическаго устройства, въ Испаніи, въ Англіи, въ Италіи и во Франціи.

Но воротимся къ театрамъ; въ томъ-же Palais-Royal, гдѣ во французскомъ театрѣ Рашель потрясаетъ сердце, Левассёръ потрясаетъ въ театрѣ Пале-Рояля всю грудь хохотомъ безъ конца, хохотомъ до слезъ, до истерики. Левассёръ полнѣйшее выраженіе французской веселости, беззаботности, простодушной дерзости, остраго ума, шалости, gaminerie. Что-за быстрота, что-за неуловимость, что-за богатство средствъ! Левассёръ также принадлежитъ, также необходимъ Парижу, какъ Шеллингъ или Гегель Берлину. Все что вы видѣли съ неудержимымъ смѣхомъ въ картинахъ Гаварни, все, что за-

(*) Тогда я еще не былъ въ Англіи. (1858)

ставляетъ хохотать въ "Шаривари", все это перенесено въ дѣйствіе, оживлено Левассёромъ. И въ этомъ отношеніи онъ мнѣ нравится гораздо больше Буффе, больше старика Верне, больше талантливаго Арналя; тѣ превосходные актеры всякой сцены, и этимъ можетъ быть выше Левассёра, но тѣмъ Левассёръ и лучше ихъ, что онъ актеръ французскій—да нѣтъ и то нѣтъ, а парижскій, актеръ Пале-Ройяля: дерзость, наивность, непристойность, грація, капканъ, фейерверкъ! И какимъ лицомъ судьба наградила этого человѣка: худой, съ острыми маленькими чертами, за которыми спрятано втрое больше мускуловъ нежели извѣстно въ анатоміи Бона, и всѣ они двигаются во всѣ четыре стороны; отъ этого онъ дѣлаетъ изъ лица все что хочетъ, такъ какъ фокусникъ изъ складной бумаги,—то сдѣлаетъ сапогъ, то паромъ, то жабо. Разсказывать его игру невозможно, ее надобно видѣть, и мало того надобно войти во вкусъ, т. е. привыкнуть, чтобъ ловить несущійся на всѣхъ парахъ train de plaisir остротъ, шалости, языка, глазъ, голоса, ногъ.

Отъ Рашели мы перешагнули къ Левассёру, отъ слезъ участія къ смѣху до слезъ, теперь перейдемъ отъ этого веселаго смѣха къ смѣху презрѣнія и негованія, отъ милыхъ шутокъ и потока каламбуровъ Левассёра къ пошлымъ и тяжелымъ фарсамъ, въ которыхъ актеры старой школы другъ друга ругаютъ, другъ друга надуваютъ — для общественнаго удовольствія. Тутъ на первомъ планѣ модная комедія, " Эмиль Жирарденъ и Продажное Перство ".

Какъ вспомню, какъ я на бенефисѣ Жирардена

сидѣлъ въ трибунѣ съ 10 часовъ до половины седьмаго, поддерживая двухъ французовъ, одного англичанина, свою собственную шляпу и бороду сосѣда съ правой стороны, опираясь притомъ на почтеннаго посѣтителя, сидѣвшаго передо мною, и все это въ половинѣ Іюня, градусовъ въ пятьдесятъ жара, такъ и захочется опять выйти на чистый воздухъ.....

— Ну и выйдемте!

ПИСМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Парижъ, 15 сентября 1848 г.

Пока я собирался со славянской мѣдленностью разсказать вамъ о парламентскомъ турнирѣ, на которомъ рыцарь прессы, такъ отважно напалъ на Кастора и Полукса министерскихъ лавокъ и тѣмъ доставилъ небольшое разсѣяніе добрымъ мѣщанамъ скучающимъ въ пользу отечества въ Palais Bourbon — произошло столько турнировъ, кулачныхъ боевъ взаимныхъ обвиненій, травль и судебныхъ разспросовъ, чрезвычайныхъ случаевъ и случайныхъ чрезвычайностей, что стыдно поминать мелкія обвиненія въ "злоупотребленіи вліянія въ комерціи перствомъ". Новые герои съ неустрашимой послѣдовательностью нѣмецкихъ философовъ и италіанскихъ бандитовъ дошли до конца того поприща, которое начинается маленькой торговлей проэктами крошечныхъ законовъ, привиллегіями на театры и рудокопни, а оканчивается самими рудокопнями, морскими прогулками на галерахъ, трудолюбивымъ вколачиваніемъ свай

въ портовыхъ городахъ, а иногда воздушнымъ salto mortale всѣмъ тѣломъ или отчасти, смотря потому по которую сторону Па-де-Кале случится.

И такъ оставимте дѣло Жирардена! оно-же окончилось очень хорошо и къ общему удовольствію, камера депутатовъ — оправдала министровъ, камера перовъ — оправдала Жирардена. Ясное дѣло, обѣ стороны были правы.....

..... Какъ спокойно и весело жить гдѣ-нибудь — въ Неаполѣ напримѣръ, куда не проникаетъ всякое утро, сѣрая стая журналовъ всѣхъ величинъ, всѣхъ цвѣтовъ, съ отравляющимъ запахомъ голландской сажи и гнилой бумаги, съ грознымъ premier-Paris въ началѣ и съ крупными объявленіями въ концѣ; стая влажная, мокрая, какъ будто кровь событій не обсохла еще на ея губахъ, саранча поѣдающая происшествія прежде нежели они успѣютъ созрѣть,—вѣтошники и мародеры идущіе шагъ за шагомъ по слѣдамъ большой арміи историческаго движенія.

Въ Неаполѣ журналы ясны какъ вѣчноголубое небо Италіи, они на своихъ чуть не розовыхъ листикахъ приносятъ повѣсти успокоительныя, улыбающіяся — вѣсть о прекрасномъ урожаѣ, объ удивительномъ праздникѣ на такой-то виллѣ, у такой-то дукессы, на которой мѣсяцъ свѣтилъ сверху а волны средизимнаго моря плескали съ боку... Не лучше-ли въ миломъ невѣдѣніи сердца вѣрить въ аркадскіе нравы на землѣ, въ кроткое счастіе лаццарона, въ официальную нравственность и людское безкорыстіе. За чѣмъ, когда такъ много прекраснаго въ Божіемъ мірѣ, за чѣмъ знать, что въ немъ есть бѣшенныя со-

баки, злые люди, тифоидныя горячки, горькое масло и поддѣльное шампанское?

Все журналы виноваты! за чѣмъ всякой вздоръ доводить до общаго свѣдѣнія.

Я вамъ разсказывалъ какъ одинъ поврежденный докторъ принималъ журналы за бюльтени сумашедшихъ домовъ; это былъ человѣкъ отсталой, теперь журналы бюльтени смирительныхъ домовъ и галеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, Франція ни въ какое время не падала такъ глубоко въ нравственномъ отношеніи, какъ теперь. Она больна. Это чувствуютъ всѣ, Гизо и Прудонъ, префектъ полиціи и Викторъ Консидеранъ.

Настоящимъ положеніемъ Франціи — всѣ недовольны, кромѣ записной буржуазіи, да и та боится впередъ заглядывать. Чѣмъ недовольны, знаютъ многіе, чѣмъ поправить и какъ — почти никто; ни даже соціалисты, люди дальняго идеала, едва виднѣющагося въ будущемъ.

Ни журнальная, ни парламентская оппозиція не знаютъ ни истиннаго смысла недуга, ни дѣйствительныхъ лекарствъ; оттого-то она и остается въ постоянномъ меньшинствѣ; у нея истинно только живое чувство негодованія, и въ этомъ она права: сознаніе зла необходимо для того, чтобъ рано или поздно отдѣлаться отъ него.

Обвиненіе всего чаще повторяемое и совершенно вѣрное, состоитъ въ томъ, что съ нѣкотораго времени матеріальные интересы подавили собой всѣ другіе; что идеи, слова потрясавшія такъ недавно людей и массы, заставлявшія ихъ покидать домъ, семью, для того, чтобъ взять оружіе и идти на защиту своей

святыни и на низверженіе враждебныхъ кумировъ —потеряли свою магнитическую силу и повторяются теперь по привычкѣ, изъ учтивости, какъ призваніе Олимпа и Музъ у поэтовъ, или какъ слово Богъ у деистовъ.

Вмѣсто "благородныхъ" идей и "возвышенныхъ" цѣлей рычагъ приводящій все въ движеніе—деньги. Тамъ гдѣ были пренія о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, о государственной политикѣ, о патріотизмѣ—занимаются теперь одной политической экономіей.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ о матеріальномъ благосостояніи на первомъ планѣ. Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего. Какъ-же наконецъ не признать важность вопроса, отъ разрѣшенія котораго зависитъ нетолько насущный хлѣбъ большинства, но и его цивилизація. Нѣтъ образованія при голодѣ; чернь будетъ чернью, до тѣхъ поръ, пока не выработаетъ себѣ — пищу и досугъ.

Страны, которыя уже перешли миѳическіе, патріархальные и героическіе возрасты, которыя довольно сложились, довольно пріобрѣли, которыя пережили юношескій періодъ отвлеченныхъ увлеченій, прошли азбуку гражданственности, естественно должны были обратиться къ тому существенному вопросу, отъ котораго зависитъ вся будущность народовъ. Но вопросъ этотъ страшно труденъ, его не рѣшишь громкимъ словомъ, пестрымъ знаменемъ, энергическимъ кликомъ. Это самый внутренній, самый глубокій, самый жизненный, существенный и по преимуществу практическій вопросъ общественнаго устройства.

Вы его встрѣчаете не въ одной Франціи; въ Сѣверной Америкѣ и въ Англіи онъ можетъ сдѣлалъ больше практическихъ шаговъ, во Франціи, онъ какъ и все другое, получилъ всемірную гласность. Жизнь Франціи шумнѣе, сообщительнѣе Англійской, въ ней все дѣлается громко, все для всѣхъ. Подъ часъ кажется что именно все происходящее здѣсь, дѣлается какъ въ театрѣ — для публики, ей удовольствіе, ей поученіе; актеры играютъ не для себя и возвращаются со сцены къ домашнимъ непріятностямъ и мелочамъ. Въ этомъ одна изъ лучшихъ національныхъ сторонъ французовъ, но они остаются за это съ пустыми руками.

Гегель сравниваетъ Индію съ родильницей, которая, произведя на свѣтъ прекраснаго ребенка, ничего больше для себя не хочетъ. Франція, напротивъ, всего хочетъ, но ея силы истощились отъ тяжкихъ и частыхъ родовъ, она не въ силахъ носить своихъ дѣтей.

Но воротимся къ экономическому вопросу. Считать чѣмъ-то подчиненнымъ и грубымъ, стремленіе къ развитію повсюднаго довольства, стремленіе вырвать у слѣпой случайности и у наслѣдниковъ насилія—орудія труда и скопившіяся силы, привесть цѣнность труда, обладаніе и обращеніе богатствъ къ разумнымъ началамъ, къ общимъ и современнымъ правиламъ, снять всѣ плотины мѣшающія обмѣну и движенію — считать все это матеріализмомъ, эгоизмомъ, могутъ одни закоснѣлые романтики и идеалисты. По счастію въ наше время выводятся эти высшія натуры боявшіяся замараться о практическіе

вопросы, бѣгавшія въ міръ мечтаній отъ дѣйствительнаго міра....хотя я еще своими ушами слышалъ отъ одного изъ лучшихъ представителей романтизма: "вы полагаете, что съ развитіемъ довольства народъ будетъ лучше, это ошибка, онъ забудетъ религію и отдастся грубымъ желаніямъ. Что можетъ быть чище и независимѣе отъ земныхъ благъ, какъ жизнь поселянина, который кротко ввѣряясь провидѣнію, бросаетъ все свое достояніе въ землю—смиренно ожидая чѣмъ его благословитъ судьба? Бѣдность великая школа для души, она хранитъ ее."

— И образуетъ воровъ—добавилъ я.

Эту идиллію говорила не пятнадцатилѣтняя дѣвочка, а человѣкъ лѣтъ подъ пятдесятъ.

Все несчастіе прошлыхъ переворотовъ состояло именно въ опущеніи экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрѣла чтобъ занять свое мѣсто. Тутъ одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи остались словами и идеями и — что хуже того — надоѣли. Романтики гордо улыбаясь возражаютъ, что величайшія историческія событія нисколько не зависили отъ большей или меньшей степени сытости и матеріальнаго благосостоянія, что крестоносцы не думали о пріобрѣтеніяхъ, что голодная и босая армія побѣдила Италію.—Да оттого-то между прочимъ и не много вышло изъ всѣхъ этихъ войнъ и передрякъ. Европа, послѣ трехъ столѣтій гражданскаго и всяческаго развитія, дошла только до того, что въ ней лучше, нежели тамъ гдѣ этого развитія не было; она послѣ столькихъ переворотовъ и опустошеній стоитъ еще теперь при началѣ своего дѣла.

Поэтическими интересами, увлеченіями врядъ поднимите-ли теперь взрослые народы—Англію или Сѣверную Америку. Это слѣдствіе лѣтъ; нельзя-же всю жизнь быть юношей, бретёромъ, горячей головой. Революція—я говорю о настоящей, а не о послѣдней (1830)—со всею своей обстановкой отъ величественной introduzione до героической симфоніи оканчивающейся стономъ подъ Ватерло, заключаетъ собою романтическую часть исторіи гражданскихъ обществъ въ Европѣ. Сколько событій, крови, великаго было въ этомъ финалѣ, какой разгромъ, какая перемѣна предѣловъ, условій жизни, обычаевъ, вѣрованій—и что-же вышло, вытроилось, осталось, кромѣ легенды и пѣсней. Сама буржуазія на дняхъ произнесла въ своемъ дворцѣ страшныя Даниловскія слова Rien, Rien, Rien!

Франція, замѣтивъ эту пустоту, ринулась въ другую сторону, ударилась въ противуположную крайность—экономическіе вопросы убили всѣ остальные.

Люди мыслящіе первые отдались имъ, и, какъ всегда бываетъ, увлекли съ собой людей ограниченныхъ, которые всякую истину доводятъ до нелѣпости, до цинизма, особенно такое близкое душѣ и соизмѣримое ученіе, какъ ученіе о развитіи матеріальнаго благостоянія. Медаль перевернулась. Прежде слова безъ яснаго пониманія, безъ опредѣленнаго содержанія, полныя фанатизма, увлеченія—вели людей, основываясь на высокомъ предчувствіи, на глубоко человѣческой симпатіи ко всему великому и люди охотно жертвовали идеямъ и общимъ принципамъ матеріальными дѣлами, жизнію. Теперь, послѣ без-

плодныхъ жертвъ, послѣ долгихъ несчастій, люди увидѣли важность этихъ благъ, и предались одному экономическому вопросу. Разумѣется, не многіе умѣли поднять его въ ту высокую и общую сферу, на которую онъ имѣетъ право и внѣ которой его значеніе односторонно и бѣдно. Печальное недоразумѣніе состояло въ томъ, что не поняли круговой поруки, взаимной необходимости обѣихъ сторонъ жизни. Политическая экономія, именно вслѣдствіе своей исключительности, при всей видимой практичности, явилась отвлеченной наукой богатства и развитія средствъ, она разсматривала людей, какъ производительную живую силу, какъ органическую машину; для нея общество—фабрика, государство—рынокъ, мѣсто сбыта; она въ качествѣ механика старалась объ употребленіи наименьшей силы для полученія наибольшаго результата, о раскрытіи законовъ увеличенія богатствъ. Она шла отъ принятыхъ данныхъ, она брала политическій фактъ, (эмбріогеническій, если хотите) современнаго общественнаго устройства—за нормальный; отправлялась отъ того распредѣленія богатства и орудій, на которомъ захватила государства. До человѣка собственно ей не было и дѣла, она занималась имъ по мѣрѣ его производительности, равно оставляя безъ вниманія того, который не производитъ за недостатокъ орудій и того который лѣниво тратитъ капиталъ. Въ такой формѣ наука о богатствѣ, основанная на правилѣ—имущему дастся, могла имѣть успѣхъ въ мірѣ торговли и купечества; но для неимущихъ такая наука не представляла большихъ прелестей.

Для нихъ—напротивъ—вопросъ о матеріальномъ благосостояніи былъ неразрывенъ съ критикой тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывалась политическая экономія и которыя явнымъ образомъ были причиною ихъ бѣдности.

Нѣсколько энергическихъ, сильныхъ, юныхъ умовъ, глубоко сочувствуя съ несчастнымъ положеніемъ пролетаріевъ, поняли невозможность исторгнуть ихъ изъ жалкаго и грубаго состоянія, не обеспечивъ имъ насущнаго хлѣба.

Они обратились тоже къ политической экономіи.

Но какой отвѣтъ, какое наставленіе могли они найти въ наукѣ послѣдовательно говорившей неимущему: "не женись, не имѣй дѣтей, поѣзжай въ Америку, работай 12, 14 часовъ въ сутки, или ты умрешъ съ голоду!" Къ этимъ совѣтамъ человѣколюбивая наука прибавляла поэтическую сентенцію, что не всѣ приглашены природой на пиръ жизни, и злую иронію, что вольному воля, что нищій пользуется тѣми-же гражданскими правами какъ Ротшильдъ.

Они увидѣли, что сытый голодному не товарищъ, и бросили старую, безжалостную науку.

Критика—сила нашего вѣка, наше торжество и нашъ предѣлъ. Политическая экономія, въ ея ограниченно - доктринерской и мѣщанской формѣ была разбита, мѣсто расчищено, но что-же было поставить вмѣсто ея?—все то что ставила она казалось, было неуклюже. Видя это, критика свирѣпѣла еще больше.

Но критика и сомнѣніе—не народны. Народъ требуетъ готоваго ученія, вѣрованія, ему нужна

догматика, определенная мета. Люди, сильные па критику, были слабы на созданіе, народъ слушалъ ихъ, но качалъ головой, и чего-то все доискивался.

Во всѣхъ новыхъ утопіяхъ было много разъѣдающаго ума и мало творческой фантазіи.

Народы слишкомъ поэты и дѣти, чтобъ увлекаться отвлеченными мыслями и чисто экономическими теоріями. Они живутъ несравненно больше сердцемъ и привычкой, нежели умомъ, сверхъ того изъ - за нищеты и тяжкой работы также трудно ясно видѣть вѣщи, какъ изъ-за богатства и лѣниваго пресыщенія.

Попытки новаго хозяйственнаго устройства, одна за другой, выходили на свѣтъ и разбивались объ чугунную крѣпость привычекъ, предразсудковъ, фактическихъ стародавностей, фантастическихъ преданій. Онѣ были сами по себѣ полны желаніемъ общаго блага, полны любви и вѣры, полны нравственности и преданности, но не знали какъ навести мосты изъ всеобщности въ дѣйствительную жизнь, изъ стремленія въ приложеніе.

И не странно-ли, что человѣкъ освобожденный новой наукой отъ нищеты и отъ несправѣдливаго стяжанія—все-же недѣлался свободнымъ человѣкомъ, а какъ-то затерялся въ общинѣ? Хоть это лучше, нежели человѣкъ-машина, человѣкъ-снарядъ, но все-же оно тѣсно неудовлетворительно. Понять всю ширину и дѣйствительность, понять всю святость правъ личности—и не разрушить, не раздробить на атомы общество, самая трудная соціальная задача. Ее разрѣшить вѣроятно сама исторія для будущаго, въ прошедшемъ она никогда не была разрѣшена.

Новое ученіе продолжало борьбу со старымъ не въ народныхъ движеніяхъ, не переворотами—но въ мірѣ литературно - образованномъ. Старая наука вовлеченная въ злую полемику не была въ авантажѣ. Умы свѣжіе, дѣятельные, сочувствующіе съ вѣкомъ, оставляли ее, одни по убѣжденію въ истинѣ новыхъ ученій, другіе видя недостаточность прежнихъ.

Старая наука вскорѣ увидѣла опасность.

У нея было много поклонниковъ, она была государственная, офиціальная, мѣщанская наука. Жадная и скупая посредственность ухватилась за прежнюю политическую экономію. Не глубокая сама по себѣ, наука Мальтюса и Сея измельчала, выродилась въ торговую смышленность, въ искуство съ наименьшей тратой капитала производить наибольшее число произведеній и обеспечивать имъ наивыгоднѣйшій сбытъ. Наука дала имъ въ руки кистень, который бьетъ обоими концами бѣднаго потребителя: въ одну сторону уменьшеніемъ платы, въ другую поднятіемъ цѣнъ на произведенія.

Во время реставраціи, когда соціальныя идеи были чистой мечтой, далекой какъ Атлантида Моруса— буржуазія либеральничала съ своей политической экономіей, да и какъ ей было нелиберальничать? всѣ перевороты, всѣ несчастія Франціи принесли плоды только среднему состоянію.

Іюльская революція испугала ее—республикой. Она тотчасъ нашла своего мѣщанина-короля. Но когда проповѣди улицы Менильмонтань, стали коментироваться ліонскими и парижскими работниками, когда страшная хоругвь съ надписью Vivre en

travaillant ou mourir en combattant!—мрачно прогулялась по площади, когда все это вмѣстѣ грозило испортить хозяйство и спутать приходо-расходныя книги, буржуазія разомъ отреклась отъ всего либеральнаго кромѣ кукольной комедіи представительной камеры—представлявшей опять ее-же самое. Перемѣну эту въ поведеніи буржуазія сдѣлала съ наглостью, она прямо и открыто стала за монополь, за премію, которую она вырываетъ изъ рукъ работника капиталомъ.

Эксплуатація пролетарія была приведена въ систему, окружена всею правительственной силой, нажива дѣлалась страстью, религіей,—жизнь сведена на средство чеканить монету, государство, судъ, войско, на средство беречь собственность.

За римскимъ распутствомъ шло монашеское христіанство, за мистицизмомъ и изувѣрствомъ—кощунство и скептицизмъ, за идеализмомъ—матеріализмъ, за терроромъ — Наполеонъ, за безсребренной Горой, за мечтательной Жирондой алчная, стяжающая буржуазія,—это lex talionis исторіи, наказаніе за прошлую односторонность. Пренебреженіе къ экономическимъ вопросамъ въ прошлую эпоху и исключительное занятіе политическими—вызвало пренебреженіе къ политикѣ и поглотило государственной экономіею — всѣ остальные интересы.

Революціонеры первой революціи — идеалисты художники Мѣщане съ самаго появленія представляютъ прозу жизни, домохозяина больше нежели гражданина, домохозяина занимающагося частными дѣлами, строящаго фабрики, а не церкви. Либералы-

идеалисты толковали о самоотверженіи и презирали на словахъ, а иногда и на самомъ дѣлѣ—пользу; они любили "славу" и не занимались рентой. Буржуазія исключительно занимается рентой, смѣется надъ самоотверженіемъ и хлопочетъ только о пользѣ. Тѣ приносили выгоду на жертву идеямъ, буржуазія принесла идеи на жертву выгодамъ. Тѣ лили кровь за права—буржуазія теряетъ права, но бережетъ кровь. Она эгоистически труслива, и можетъ подняться до геройства, только защищая собственность, ростъ, барышъ.

Между-тѣмъ со дна океана народной жизни подымался тихо, но мощно, тотъ-же экономическій вопросъ, но обратно поставленный, таже замѣна революціоннаго идеализма вопросомъ о хлѣбѣ, но со стороны неимущаго.

Борьба была очевидна, неминуема, характеръ ея можно предсказать. Голодный человѣкъ свирѣпъ, но и мѣщанинъ защищающій собственность—свирѣпъ. Надежда у буржуазіи одна—невѣжество массъ. Надежда большая, но ненависть и зависть, месть и долгое страданіе образуютъ быстрѣе нежели думаютъ. Можетъ массы долго не поймутъ чѣмъ помочь своей бѣдѣ, но онѣ поймутъ чѣмъ вырвать изъ рукъ несправедливыя права, не для того чтобъ воспользоваться, а чтобъ разбить ихъ, не для того чтобъ обогатиться, а чтобъ пустить другихъ по міру.

Знало-ли дворянство близость своихъ судебъ, когда Сіесъ спрашивалъ "что такое среднее состояніе?" А развѣ мы не слышимъ со всѣхъ сторонъ вопросъ "что такое работникъ?" ...и угрюмой отвѣтъ "ничего"?

Вѣдь и онъ можетъ повѣрить, какъ нѣкогда повѣрила буржуазія что она " в с е ".

Дворянство имѣло по-крайней-мѣрѣ 4 августа — буржуазія не будетъ его имѣть — и это очень жаль. Пока какой-нибудь элементъ общественный еще живъ, какъ бы онъ ни былъ близокъ къ смерти, и какъ бы смерть его ни была неотвратима, онъ многое можетъ сдѣлать для того, чтобъ кончина его была честна, менѣе насильственна и — на оборотъ.

Буржуазія не поступится ни однимъ изъ своихъ монополей и привилегій. У нея одна религія — собственность со всѣми ея римско-феодальными послѣдствіями. Тутъ фанатизмъ и корысть вмѣстѣ, тутъ ограниченность и эгоизмъ, тутъ алчность и семейная любовь вмѣстѣ.

Улыбка пренебреженія не новость въ исторіи, за нею скрываются не только глупая самонадѣянность и ограниченность, но и страхъ, нечистая совѣсть, недостатокъ разумныхъ доводовъ, собственная несостоятельность и даже признаніе силы въ томъ, надъ чѣмъ смѣемся. Это улыбка римскихъ Патриціевъ надъ назореями, римскихъ кардиналовъ надъ протестантами, Наполеона надъ идеологами, это улыбка дворянъ, когда буржуази требовала себѣ тѣхъ правъ, которыя отказываетъ теперь народу.

Грубый смѣхъ высокомѣрной посредственности принадлежитъ наконецъ всѣмъ мелкорабочимъ рода человѣческаго. Уткнувши носъ въ счетную книгу прозябаютъ тысячи людей, не зная что дѣлается внѣ ихъ дома, ни съ чѣмъ не сочувствуя и машинально продолжая ежедневныя занятія. Разумѣется, они превосходно знаютъ все входящее въ тѣсной

кругъ ихъ, и знаніе свое выдаютъ за великую практическую мудрость и житейскую науку, передъ которой всѣ другія науки и мудрости — мыльные пузыри. Имъ часто удается своими рутинными замѣтками подавлять на время неопытныхъ юношей, которые краснѣя удивляются ихъ основательной положительности и натарѣлому бездушью,

Роль этихъ roués, улыбающихся при словѣ общихъ интересовъ, религіозныхъ вопросовъ, пренебрегающихъ мыслями и страстями — чрезвычайно любитъ буржуазія. Это ея поэзія, ея ненужность, а съ тѣмъ вмѣстѣ ея близость къ паденію.

Тяжелый и доктринерскій характеръ, который буржуазія вноситъ въ свою практическую rouerie всего яснѣе показываетъ различіе ея съ roués временъ регентства и Людовика XV. Тѣ были легкомысленные развратники, блудные дѣти отжившей аристократіи; распутная, избалованная дворня большаго барина, у нихъ страсть къ деньгамъ и философское равнодушіе къ средствамъ ихъ пріобрѣтать, сопровождалась страстью ихъ бросать, они были виверы, беззаботные gamins въ шестдесятъ лѣтъ, у нихъ не было никакихъ теоріи, они ни объ-чемъ не думали всю жизнь, но за малѣйшую обиду дрались. Тяжелые roués XIX вѣка пресерьезные, говорятъ, такъ основательно слушали Росси, читали Малтюса, дѣльцы, депутаты, министры, журналисты у нихъ свои теоріи и ученія, у нихъ продѣлки приведены въ систему, они денегъ не бросаютъ и не дерутся за всякую обиду, они либералы и ссылаютъ часто на glorieuse révolution du 30 Juillet, они даже филантропы,

хотя не до того чтобъ вотировать хлѣбъ вмѣсто экзекуціи, когда люди впадаютъ въ ярость отъ голода (*). Они сверхъ того строгихъ нравовъ, толкуютъ о семейныхъ добродѣтеляхъ и объ обязанностяхъ честнаго человѣка, у нихъ есть цѣлая воскресная, театральная мораль, въ родѣ той, которую риторически проповѣдуютъ предсѣдатели коррекціонельной полиціи, и многоглаголивые королевскіе прокуроры.

Оппозиція Людовику XVIII и Карлу X, спасала буржуазію отъ того односторонно-ограниченнаго pli, которое она приняла теперь. Она покрывала неправое стяженіе борьбой за права.

Народъ сначала не замѣчалъ какой монополь въ рукахъ буржуазіи, видя въ ней защитника этихъ мнимыхъ, а въ сущности безполезныхъ, для него правъ; но страсть съ которой буржуазія предавалась стяжанію и ажіотажу, пренебреженіе ко всѣмъ другимъ вопросамъ, ожесточеніе ея противъ неимущихъ —не могли не раскрыть глаза народу, особенно когда за него принялись такія офталмисты какъ Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ и пр.

Борьба началась; кто побѣдитъ не трудно предсказать; рано или поздно per fas et nefas побѣдитъ новое начало. Таковъ путь исторіи. Вопросъ тутъ не въ правѣ, не въ справѣдливости—а въ силѣ и въ современности.

Дворянство имѣло не меньше правъ на свое исключительное положеніе въ государствѣ, нежели буржуазія, но оно не удержалось ни мечемъ, ни

(*) Въ самое то время казнили четырехъ работниковъ въ Бюзенсѣ.

родословіемъ, ни королевской опорой; королевство стащило его съ собой на Place de la Révolution, и оно принуждено было спасаться бѣгствомъ.

Гдѣ-же буржазія найдетъ силу, съ своимъ crédit et débit, съ своей биржей и банкомъ, съ своимъ политическимъ атеизмомъ въ одну сторону, и религіей монополя въ другую сторону. Короли царствовали во имя Божье, дворяне защищали государство во имя короля. Мѣщане обогащаются въ свое имя, берутъ себѣ барыши заставляя короля защищать свои капиталы—дѣтьми стариковъ, которыхъ ограбили и раззорили,

Письмо мое становится чудовищно. Прощайте, иду смотрѣть окончаніе процесса, за которымъ я слѣдилъ съ самаго начала.

Входя въ французскій судъ, вы отступаете вѣка на два, на три. Судьи, адвокаты, прокуроръ въ маскарадныхъ платьяхъ напоминаютъ средніе вѣка, другіе нравы, чуждые намъ такъ, какъ условно-тяжелый языкъ ихъ протоколовъ и напыщенное, холодно-взбитое краснорѣчіе.

Прокуроръ витійствуетъ противъ обвиненныхъ съ яростнымъ, суровымъ ожесточеніемъ. Правъ-ли, виноватъ-ли подсудимый, онъ считаетъ личной обидой, несчастіемъ, безчестіемъ, если его не приговорятъ къ чему-нибудь. Онъ тронутъ, онъ плачетъ, если успѣетъ вымолить наибольшее наказаніе. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту злобу, съ которой прокуроръ преслѣдуетъ свою жертву и толкаетъ ее подъ ножъ гильотины; точно будто ихъ особо

воспитываютъ какъ бульдоговъ или отдаютъ какъ Ромула и Рема en nourrice въ Jardin des Plantes волчихамъ.

И все-то это—притворство и промыселъ!

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

—

Римъ, декабрь 1847 г.

Къ осѣни сдѣлалось невыносимо тяжело въ Парижѣ; я не могъ сладить съ безобразнымъ нравственнымъ паденіемъ, которое меня окружало; я чувствовалъ, что въ мою душу забирается то самоотверженіе, тотъ холодъ и то "все равно", которое вносится утраченными надеждами, разрывомъ съ дѣйствительностью, презрѣніемъ къ настоящему; я черствѣлъ и только иногда по негодованію чувствовалъ молодость силъ и прежнее одушевленіе.

Смерть въ литературѣ, смерть въ театрѣ, смерть въ политикѣ, смерть на трибунѣ, ходячій мертвецъ Гизо съ одной стороны, и дѣтскій лепетъ сѣдой оппозиціи съ другой — это ужасно! Тамъ гдѣ-то внизу, вдали раздавались иногда сильныя стѣнанія; казалось, они выходили изъ могучей и здоровой груди; но снаружи Парижъ представлялъ остывшій кратеръ, превратившійся въ грязь и слякоть.

Францiя выздоровѣетъ, какъ я сказалъ въ прошломъ письмѣ, безъ радикальныхъ средствъ, небеснаго огня и морской воды; но мнѣ вовсе не хотѣлось быть сидѣлкой у ея изголовья, пока она ломается въ припадкѣ безумiя, сдерживаемая грязными и циническими руками цирюльниковъ и больничныхъ сидѣлокъ. —"Въ Италiю, въ Италiю!" Мнѣ хотѣлось отдохнуть, хотѣлось моря, теплаго воздуха, пышной зелени и людей—не такъ истасканныхъ, не такъ выжившихъ изъ сердца. Я рѣшился ѣхать въ половинѣ Октября. А признаюсь, когда пришлось раставаться съ Парижемъ, мнѣ сдѣлалось страшно; вся моя задорная храбрость покинуть Парижъ изчезла. Парижъ центръ, выѣзжая изъ него, выѣзжаешь изъ современности. Я былъ бы радъ еслибъ какой-нибудь непредвиденный случай меня остановилъ....но ось не сломилась, колесо не разсыпалось, и мы покатились. "Ну а какъ въ Италiи будетъ еще хуже? померанцовыхъ деревьевъ и синяго неба все таки мало для жизни"—думалъ я переѣзжая мостъ, построенный изъ камней наломанныхъ при разрушенiи Бастилiи и прощаясь съ удивительной панорамой обоихъ береговъ Сены. Огромные, почернѣлые домы, и новые дворцы по Quai d'Orsay, капризная, разнообразная архитектура парижскихъ построекъ, исполненная жизни и движенiя, мрачныя стѣны Консьержри и величавая масса Собора, Тьюйлри, Лувръ, Cité врѣзывающееся баркой въ Сену—все это еще разъ проходило передъ моими глазами, двигалось, мѣнялось, уходило за домы, становилось смутнѣе, совсѣмъ изчезло.....

На станціи я высунулъ голо у. Дождь лился ливнемъ. "Какъ называется эта станція?"—"Шарантонъ!" отвѣчалъ почталіонъ, стоя въ лужѣ и съ досадой откладывая мокрыхъ лошадей. Я вспомнилъ мою свѣтлую квартиру въ Avenue Marigny, вспомнилъ друзей приходившихъ по вечерамъ вмѣстѣ сердиться, и мнѣ показалось естественнымъ и справедливымъ что меня привезли въ Шарантонъ, за то что я выѣхалъ изъ Парижа. Парижъ, что тамъ ни толкуй, единственное мѣсто въ гибнущемъ Западѣ гдѣ широко и удобно гибнуть.

О дорогѣ разсказывать нечего. Ѣздить во Франціи на почтовыхъ лошадяхъ скучно; точно машина, ни разговоровъ, ни спора, ни станціонныхъ смотрителей, ни книгъ, ни подорожныхъ. Закладываютъ въ одинъ мигъ, лошади вездѣ есть, шоссе какъ скатерть, почталіонъ скачетъ отъ станціи до станціи — вся поэзія нашихъ дорогъ не существуетъ. Даже сложная исторія и вѣчные споры о "водкѣ" опрощены до удивительной степени. На первой станціи почталіонъ касаясь рукой до шляпы, васъ спрашиваетъ сколько вы платите на водку, присовокупляя что по закону ему слѣдуетъ получать полтора франка съ миріаметра, но что обыкновенно порядочные люди прибавляють десять су. Вы, разумѣется, хотите быть порядочнымъ человѣкомъ и соглашаетесь па прибавку тринадцати копѣекъ серебромъ на десять верстъ, тѣмъ дѣло и оканчивается на всю дорогу. Никто, нигдѣ не проситъ ничего больше, никакой "прибавочки".

До Ліона мы доѣхали не замѣтивъ пути. Ліонъ сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе: я не могъ довольно нарадоваться въ немъ успѣхамъ инженернаго и фортификаціоннаго искуства во Франціи; представте себѣ этотъ огромный, сжатый, биткомъ набитый городъ, въ которомъ постоянно болѣе двухсотъ тысячъ жителей—можно уничтожить въ полчаса, благодаря укрѣпленіямъ поставленнымъ послѣ 1832 года. Ліонъ прислоненъ къ двумъ горамъ и разрѣзанъ двумя рѣками; на всѣхъ высотахъ, скромно и не очень выставляясь, притаились небольшія укрѣпленія: тамъ пушекъ пять-шесть, тутъ три-четыре, эти фортификаціонные образцики растутъ, умножаются и тянутся къ огромной крѣпости по другую сторону Соны въ старомъ римскомъ городѣ, которая вѣнкомъ своихъ фортовъ окружаетъ гору и кладбище — мертвые сберегутся. т. е. тѣ, которые успѣютъ переѣхать до перваго "или". Между отдѣльными крѣпостцами есть художественный ensemble, такъ что въ случаѣ перестрѣлки весь городъ покроется ядрами и картечью; нѣтъ точки на которую не могло бы упасть ядро, остальное додѣлаютъ бомбы. Середь города тоже разбросаны пушки, вовсе неожиданно идешь какимъ-нибудь переулкомъ и вдругъ натолкнешься на два, на три жерла, обращенныя на два, на три переулка и осѣненныя трехцвѣтнымъ знаменемъ съ иронической надписью "Liberté et ordre public!" Главная часть укрѣпленій обращена противъ фабричной части города, расположенной по горѣ съ другой стороны Соны. У меня закружилось въ головѣ, когда я съ крѣпостной стѣны посмотрѣлъ

въ трубочку на шести-семи этажные домы въ Croix Rousse, прислоненные къ утесамъ, на улицы кипащія отъ многолюдія и вообразилъ себѣ два-три залпа, одинъ сверху утесовъ, другой изъ крѣпости— мнѣ представилась груда каменьевъ теплыхъ отъ человѣческой крови и переложенныхъ трупами дѣтей, женщинъ, стариковъ. Со мною былъ valet de place. "Пятнадцать лѣтъ прошло послѣ 32 года, сказалъ онъ мнѣ, а теперь вспомню что тогда было, такъ становится страшно. Видите эту терассу, сюда загнали солдаты и національная гвардія работниковъ, какъ они столпились тамъ, вдругъ открылся пушечный огонь изъ-за Соны; сойти имъ было некуда, назадъ двинуться невозможно, дороги узкія и вездѣ штыки, ну тутъ ихъ и покончили картечью".

Я взглянулъ на древнюю стѣну, построенную еще во время римскаго владычества, она была вся рябая отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Страшное событіе, великая жертва въ нашъ образованный вѣкъ, принесенная министерствомъ, составленнымъ изъ газетчиковъ и филантроповъ, изъ историковъ и либераловъ! чего я чай стоило ихъ нѣжному сердцу дать такія приказы? А дѣлать было нечего, надобно было успокоить буржуазію, надобно было дать залогъ, снять всякое сомнѣніе, скрѣпить связь между новымъ порядкомъ и ею. Ліонское усмирѣніе и бойня въ Cloître St. Méry громко высказывали какъ разрѣшается министерствомъ вопросъ о платѣ за работу, о голодѣ и о прочихъ безпорядкахъ; словомъ это были сентябрскіе дни du juste milieu, которые отрѣзывали съ одной стороны всѣ надежды и сжигали съ другой

стороны всѣ корабли. "Послѣ двухдневной стрѣльбы, продолжалъ мой разскащикъ, стало потише, тутъ взошла армія торжественнымъ маршемъ, съ барабаннымъ боемъ, съ зазженными фитилями, герцогъ Орлеанскій и маршалъ Сультъ ѣхали впереди"— "Ну, что-же они дали праздникъ?" спросилъ я.— "Нѣтъ, что-то не помню," добродушно отвѣчалъ онъ.

У городовъ какъ у людей, бываетъ иногда трагическая судьба. Ліонъ, который теперь живетъ подъ Дамокловымъ мечемъ укрѣпленій, усѣянный тысячами труповъ въ 32 году, былъ театромъ страшнаго наказанія въ 93 г. Ліонъ никогда не блисталъ своей аристокраціей, но съ давнихъ лѣтъ въ немъ было богатое купечество и сильное духовенство. Это придало жителямъ съ одной стороны характеръ жесткій, корыстный, завистливый, съ другой—угрюмый, нетерпящій, сосредоточенный скрыто страстный, террористическій, іезуитскій. Купцы въ Ліонѣ, какъ вездѣ, были рады перемѣнамъ 89 года; всякое пріобрѣтеніе правъ средняго состоянія было дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ ліонскихъ фабрикантовъ и торговцевъ; но прежде нежели гдѣ-нибудь обличилась въ Ліонѣ иная борьба, борьба работниковъ съ хозяевами, съ фабрикантами. Пріобрѣтая новыя права себѣ, буржуазія хотѣла оставить работниковъ въ состояніи прежняго плотства. А потому ліонскіе мѣщане, рукоплескавшіе первымъ мѣрамъ народнаго собранія, подняли знамя междо-усобной войны противъ конвента. Они это сдѣлали въ самую критическую минуту для Франціи. Непріятель былъ въ двухъ шагахъ, съ трехъ сторонъ; Ліонъ, близкій

къ Алзасу, къ Швейцаріи, къ Піэмонту, въ надеждѣ на непріятельскую помощь, защищался храбро противъ республиканскихъ полчищъ — но и тѣ, какъ извѣстно, были не трусы; городъ былъ взятъ. Месть конвента объяснялась степенью опасности, въ которой была Франція. Онъ произнесъ громовый приговоръ: "Срыть съ лица земли крамольный городъ, упразднить его". Комитетъ общественнаго спасенія послалъ одного изъ членовъ своихъ, Кутона, исполнить страшную казнь. Хромый, нервный Кутонъ—одно изъ чистѣйшихъ лицъ великой драмы— не былъ ни тѣмъ германскимъ императоромъ, который срылъ до основанія Миланъ и посыпалъ землю солью, ни инженеромъ доктринерскихъ временъ, онъ не хотѣлъ выполнять буквально свирѣпый приговоръ, а придумалъ средство, совершенно обратное доктринерскимъ обычаямъ; вмѣсто того чтобы скрыть половину грозныхъ мѣръ и въ тихомолку замучить и передушить враговъ, онъ ихъ удвоилъ на словахъ; чтобъ поразить умы, онъ самъ съ молоткомъ въ рукѣ во главѣ всей черни отправился разрушать богатѣйшія зданія; онъ самъ давалъ первый ударъ домамъ назначеннымъ на сломку, по большей части этотъ первый ударъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и послѣднимъ. Захвативши главныхъ зачинщиковъ, оставшихся въ городѣ, Куотонъ далъ знать подъ рукою второстепеннымъ участникамъ, чтобы они удалились; нѣсколько тысячь человѣкъ были спасены такимъ образомъ; казалось, что дѣло окончится нѣсколькими казнями, но Кутонъ ошибся въ расчетѣ. Главный врагъ возставшихъ ліонцевъ не былъ ни конвентъ, ни яко-

бинцы, а лонская чернь, которую они морили съ голоду, унижали, тѣснили въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній, которой фанатическаго представителя они казнили самымъ страшнымъ образомъ. Работники имѣли сверхъ выстраданной ненависти и злобы, ту неумолимую свирѣпость, которую развиваетъ нужда, невѣжество, у нихъ были свои частные счеты, имъ хотѣлось мести личной, кровавой; они вѣрили въ нее, ждали ея, наслаждались ею впередъ; надѣясь на нее, служили вѣрой и правдой конвенту, и обманулись; съ бѣшенной злобой и съ упреками обратились клубисты къ Кутону, требуя крови, трагическая обстановка не скрыла въ ихъ глазахъ мысль конвентскаго посланника Дѣлать было нечего, надобно было усугубить казни. Кутонъ не могъ вынести и просилъ комитетъ общественнаго спасенія отозвать его, чернь съ своей стороны требовала болѣе энергическихъ исполнителей, то есть, болѣе свирѣпыхъ. На этотъ разъ конвентъ угодилъ имъ, онъ послалъ Карье и Фуше; Карье, которымъ гнушался комитетъ общественнаго спасенія, и Фуше, которымъ не гнушались ни Наполеонъ, ни реставрація. Все что не успѣло спастись при Кутонѣ, пало подъ ударами гильотины, кровь струилась по площади передъ Hôtel-de-Ville, гильотину перенесли на мостъ и Рона уносила обезглавленные трупы; толпа осужденыхъ была разстрѣлена en masse. Карье и Фуше смотрѣли изъ окна на эту казнь — что они думали? Кто ихъ знаетъ! Чернь была удовлетворена, месть ея удалась, но она не предвидѣла, что кровь даромъ не проходитъ, что и на улицѣ буржуазіи будетъ праздникъ, что черезъ сорокъ лѣтъ она отомститъ черни — и какъ!

— Съ Авиньона начиная, чувствуется, видится югъ. Для человѣка вѣчно жившаго на сѣверѣ, первая встрѣча съ южной природой исполнена торжественной радости — юнѣешь, хочется пѣть, плясать, плакать — все такъ ярко, свѣтло, весело, роскошно. Провансъ начало благодатной полосы въ Европѣ, отсюда начинаются лѣса маслинъ, небо синѣетъ, въ теплые дни чувствуется широкко. Недалеко отъ Авиньона надобно было переѣзжать приморскія Альпы. Въ лунную ночь взобрались мы на Эстрель; когда мы начали спускаться солнце всходило, цѣпи горъ вырѣзывались изъ за утренняго тумана, лучь солнца освѣтилъ вдали ослѣпительныя снѣжныя вершины; кругомъ яркая зелень, цвѣты, рѣзкія тѣни, огромныя деревья и мрачныя скалы, едва покрытыя бѣдной и жесткой растительностью. Воздухъ былъ упоителенъ, необычайно прозраченъ, освѣжающъ и звонокъ; наши слова, пѣнье птичекъ раздавались громче обыкновеннаго. Съ каждымъ шагомъ внизъ виды мѣнялись — то новая цѣпь горъ откроется, то небольшое озеро внизу, то ѣдишъ берегомъ пропасти, то роскошной лужайкой, то у подошвы огромныхъ, скалистыхъ пластовъ, точно накладенныхъ какими-нибудь Титанами, вмѣсто которыхъ теперь прыгаютъ козы — и вдругъ на небольшомъ изгибѣ дороги какъ кайма около горъ блеснуло и зажглось Средиземное море. Сколько пустоты, скуки, скорби и, главное, пошлости выкупаетъ такое утро! Въѣздъ въ Италію дѣлается для человѣка какимъ-то благодатнымъ событіемъ, свѣтлой чертой въ воспоминаніи.

Отъ Эстреля до Ниццы не дорога, а аллея въ роскошномъ паркѣ — прелестные загородные домы,

плетни украшенные плющемъ, миртами, цѣлые заборы обсѣянные розовыми кустами—наши оранжерейныя цвѣты на воздухѣ, померанцевыя и лимонныя деревья тяжелыя отъ плодовъ съ своимъ густымъ благоуханіемъ, а вдали съ одной стороны Альпы, съ другой море—

Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht...

Одно оскорбляетъ глазъ и щемитъ славянскую душу — высокія каменныя ограды, посыпанныя битымъ стекломъ, отдѣляютъ сады, огороды, иногда даже поля; онѣ представляютъ какое-то увѣковѣчиваніе исключительнаго владѣнія, какую-то нахальную дерзость права собственности; для бѣдняка дорога пыльная, жесткая, и оскорбительная стѣна напоминающая ему безпрерывно что онъ нищій, что для него нѣтъ даже вида вдаль. Нельзя себѣ представить какой угрюмый характеръ придаютъ полямъ и землѣ эти стѣны; деревья какъ узники посматриваютъ черезъ нихъ, прелестнѣйшіе ландшафты испорчены. Рускаго села въ Европѣ нѣтъ. Смыслъ деревенской комуны въ Европѣ только полицейскій; что общаго между этими разбросанными домами, огороживающимися другъ отъ друга? у нихъ все особое, они связаны только общей межой; что можетъ быть общаго между голодными работниками, которымъ комуна предоставляетъ le droit de glaner и богатыми домохозяевами? Да здраствуетъ, господа, руское село—будущность его велика.

Объ Ниццѣ говорить нечего, все хорошо внѣ ея, то есть въ ея окресностяхъ. Ницца даже вовсе

не итальянскій городъ, а скорѣе провинціальный французскій. Ницца живетъ и процвѣтаетъ больными, туристами. Спачала, когда мы пріѣхали, я не могъ найти въ Ниццѣ Journal des Débats запрещенный іезуитами, ни одной тосканской газеты, запрещенной королемъ. Это меня послѣ Парижа столько-же удило въ Ниццѣ какъ рѣка безъ воды (единственная достопримѣчательность сего города). Словомъ, для того чтобъ жить въ Ниццѣ надобно изсушить свое тѣло излишнимъ воздержаніемъ или излишней невоздержностью, какъ всѣ англичане павшіе на ноги, и всѣ англичанки съ попорченнымъ спиннымъ мозгомъ,—которые составляютъ главное населеніе Ниццы. Или наконецъ можно въ ней жить par dépit, на смѣхъ всей Европѣ, какъ девяностолѣтній Сержанъ, умершій здѣсь мѣсяца три тому назадъ. Сержанъ будировалъ Францію, недовольный умѣренностью конвента. Закоснѣлый террористъ умеръ, сильно опечаливши іезуитовъ. Они хотѣли воспользоваться апоплексіей и предсмертной слабостью, чтобъ обратить его и заставить отречься отъ прежней жизни своей. Такое обращеніе на путь истины было бы очень казисто. Но Сержанъ также мало испугался паралича и іезуитовъ, какъ нѣкогда гильотины и палачей, онъ приподнялся и собравши послѣднія силы сказалъ стоявшимъ возлѣ его постели, что еслибъ ему пришлось снова повторить свою жизнь, то онъ снова игралъ бы ту-же роль въ событіяхъ, что совѣсть его покойна—а Сержанъ участвовалъ въ Сентябрскихъ дняхъ!

Въ Ниццѣ я встрѣтился только съ югомъ, съ Италіей, встрѣтились мы въ Генуѣ. Мы приплыли въ Геную

прелестнѣйшимъ ноябрскимъ днемъ, на разсвѣтѣ. Что это за удивительная красота! гора покрытая мраморными дворцами, которые глядятся въ море и надъ которыми зеленѣются сады. Съ какой охотой я бы вамъ разсказалъ что-нибудь объ этихъ домахъ вышиною съ наши колокольни, объ этихъ узкихъ переулкахъ, покрытыхъ народомъ, который тутъ работаетъ, шумитъ, ѣстъ, поетъ, безпрестанно кричитъ и размахиваетъ руками; да все это столько разъ сказано, что стыдно повторять.

Лигуры мнѣ очень понравились, въ нихъ есть что то свободное, республиканское, и я вообще думаю, что характеристика генуэзцевъ, сдѣланная правовѣрнымъ нѣмцемъ Лео, въ его итальянской исторіи, ошибочна; а впрочемъ съ точки зрѣнія католицизма и самодержавія Генуя можетъ и не понравится; Маццини—Генуэзецъ.

Мнѣ кажется, что вообще итальянцы сильно оклеветаны; люди принадлежащіе къ общей европейской цивилизаціи, т. е. принявшіе ея понятія, формы, мѣры, вѣсы, безъ всякаго разбора прикидываютъ все на французскій и англійскій аршинъ или на абсолютный вершокъ нѣмецкой философіи. Эта односторонность высказывается иногда въ смѣшномъ удивленіи образованныхъ людей при видѣ фактовъ, которые стояли споконъ-вѣка передъ ними, на которыхъ понять они не могли—именно отъ образованія. Говорятъ что итальянцы лѣнивы, обманываютъ, что они рабы, политическіе невѣжды, и пр. Эти качества принадлежатъ всѣмъ народамъ въ разныхъ степеняхъ; сверхъ того, говоря о лѣни нельзя

не замѣтить, что работа вообще не есть наслажденіе, особенно въ жаркихъ странахъ; но этого мало, Англичане въ Манчестерѣ, Французы въ Ліонѣ кажется не лѣнивы, а хлѣба насущнаго еще не заработали. Какая-же польза быть очень ретивымъ? Работа въ Италіи такъ дорога, что хозяева дорожатъ работниками.

Кто не забылъ исторію послѣднихъ трехъ вѣковъ, тотъ знаетъ какъ долго Франція, Австрія и Папство работали, чтобъ убить политическую жизнь Италіи. Наконецъ, утомленный неровнымъ боемъ, Итальянецъ сдѣлался равнодушенъ къ политикѣ, теперь онъ воскресаетъ. Сверхъ того и тутъ нельзя сказать, чтобъ народъ въ Италіи въ самомъ дѣлѣ такъ далеко отсталъ отъ другихъ. Франція была очень неравнодушна къ политикѣ, что-же—она свободна? или вы можетъ вѣрите, что Англія свободна?—ну такъ и здѣсь всѣ Corsini, Colona, Torlonia и др. по своему свободны. Въ Итальянцахъ особенно развито уваженіе къ себѣ, къ личности; они не представляютъ какъ Французы димократію, она у нихъ въ правахъ; и подъ равенствомъ они не разумѣютъ равномѣрное рабство. Мелкіе плутни Итальянцевъ, о которыхъ столько накричали туристы, бросающіе горстями золото и усчитывающіе байокъ когда дѣло идетъ о buona mano—скорѣе смѣшны, нежели отвратительны и вертятся всегда около гривенника.

Мы застали Геную торжествующею, нарядною. Карлъ Альбертъ былъ тутъ, городъ пировалъ реформу и примиреніе. Генуя, съ самаго присоединенія къ Сардиніи, жила въ мрачномъ отчужденіи отъ Піэ-

монта, она смирялась, но съ нахлабученнымъ челомъ, ея аристократы держали себя вдали отъ Турина, піэмонтскіе чиновники были иностранцы для Лигуровъ. Реформа нѣсколько примирила двухъ сосѣдей, которыхъ сочеталъ бракомъ вѣнскій конгрессъ. Перемѣны и права данныя Карломъ Альбертомъ чрезвычайно скромны, они стараются исправить вещи, вопіющая несправедливость которыхъ бросалась въ глаза, мѣняютъ устарѣвшія учрежденія, обезсиленныя самимъ временемъ; они были неминуемы, неотлагаемы послѣ реформы Пія IX и тосканскаго герцога, Карлъ Альбертъ съ ловкостью исполнилъ то, чего отложить не могъ. Увлекающійся характеръ Итальянцевъ не зналъ предѣла радости; въ самомъ дѣлѣ, какъ реформа ни была бѣдна, она свидѣтельствовала о сильномъ толчкѣ, о томъ что государство двинулось, сошло съ мели, это было офиціальное сознаніе пробужденія, del risorgimento!

Я бѣжалъ изъ Франціи отыскивая покоя, солнца, изящныхъ произведеній и сколько нибудь человѣческой обстановки, да и всего этого я ждалъ не подъ отеческимъ скипетромъ экс-карбонаро Карла Альберта. И только что я поставилъ ногу на итальянскую землю, меня обняла другая среда, живая, энергическая, вливающая силу и здоровье. Я нравственно выздоровѣлъ переступивъ границу Франціи, я обязанъ Италіи обновленіемъ вѣры въ свои силы, и въ силы другихъ, многія упованія снова воскресли въ душѣ, я увидѣлъ одушевленныя лица, слезы, я услышалъ горячія слова. Безконечная благодарность

судьбѣ за то, что я попалъ въ Италію въ такую торжественную минуту ея жизни, исполненную тѣмъ изящнымъ величіемъ, которое присуще всему итальянскому—дворцу и хижинѣ, нарядной женщинѣ и нищему въ лохмотьяхъ.

Кому изъ васъ не случалось проѣзжать по селу въ свѣтлый праздникъ — все нарядно, радостно; мужичекъ выпилъ стаканчикъ и разсѣялъ думу объ оброкѣ, баба надѣла новой сарафанъ и забыла о барщинѣ, парни гуляютъ, какъ будто нѣтъ рекрутства, дѣвки не думаютъ о насильственномъ бракѣ, дѣти играютъ въ чистыхъ рубашенкахъ—"они воскресли тоже", какъ говоритъ Фаустъ, "изъ душныхъ мастерскихъ, изъ низенькихъ домовъ". Представьте-же себѣ не село, а цѣлую страну въ торжественномъ нарядѣ, страну празднующую свѣтлое воскресеніе свое и представьте себѣ что эту страну называютъ Италіей!

А давно-ли было то время, въ которое Гейне говорилъ, что въ письмахъ изъ Италіи можно говорить обо всемъ кромѣ Италіи? И всѣ находили что онъ правъ, и весь талантъ Диккинса не спасъ его пустаго разсказа. Въ Италіи вновь ничего не происходило, а что было прежде, то было все высказано, съ геніемъ Гёте, и съ негодованіемъ леди Морганъ, съ огненнымъ словомъ Байрона и съ плоскостью Фулширона. Казалось, что нѣтъ предмета болѣе исчерпаннаго какъ Италія, она лѣтъ двѣсти, даже больше, ничего не дѣлала, какъ будто нарочно для того, чтобъ дать полное время описать себя со всѣхъ

сторонъ, она позировала—великая красавица, великая куртизана между народами

— o tu cui feo la sorte
Dono infelice di bellezza!..

Но, tempora mutantur, время тяжелаго сна для Италіи прошло; она, уставшая отъ двухъ великихъ прошедшихъ, захваченная во внутреннемъ раздорѣ внѣшними врагами, покорилась имъ, у ней не было больше силъ противустоять; можетъ она и нашла бы еще въ своей груди отвагу и мощь, но эту грудь разъѣдалъ изнутри ядовитый ракъ папства. Теперь Италія забыла старыя притязанія и семейныя ссоры, теперь она плохо вѣритъ въ папство, она спаялась горемъ и слезами и требуетъ государственнаго единства и гражданской свободы.

— Въ Ливурнѣ я увидѣлъ первую "чивику", il popolo armato. Я вообще не люблю ни орудій, ни солдатъ, но если ужъ есть необходимость въ вооруженной силѣ, то внутренняя стража, составленная изъ гражданъ и не одѣтая въ шутовской мундиръ, всего менѣе оскорбляетъ. По счастію тосканская чивика еще не успѣла нашить себѣ мундиры, люди одѣтые кто во что попало, въ бархатныхъ и суконныхъ курткахъ, въ блузахъ всѣхъ цвѣтовъ, въ пальто всѣхъ покроевъ, съ круглыми шляпами и въ фуражкахъ, съ перевязью черезъ плечо и съ ружьемъ, занимали всѣ караулы. Вы не можете представить себѣ до какой степени это отсутствіе мундира облагороживаетъ часоваго. Мундиръ отрѣзываетъ человѣка отъ людей, для солдата существуетъ полкъ, знамя, воен-

ная честь, а не честь гражданина, не городъ, не семья; это человѣкъ инаго міра, его ремесло убивать по назначенію начальства и потому онъ одѣтъ иначе, и потому онъ противопоставленъ au péquin, фрачнику, мужику. Мундиръ риза, облаченіе солдатъ не мірянинъ, онъ жрецъ смерти, человѣческихъ жертвоприношеній. Надѣвать мундиръ на національную гвардію—нелѣпость или желаніе изъ нея сдѣлать такое-же покорное орудіе въ рукахъ власти, какъ армія. Цѣль эта во Франціи достигнута. Глядя на чивику въ Ливурнѣ, признаюсь, я не могъ удержатся чтобъ не подумать, что было бы съ нашимъ другомъ Сергѣй Сергѣевичемъ Скалозубомъ, еслибъ онъ вдругъ — не въ Ливурнѣ, а на Литейной или на Морской— увидѣлъ такихъ часовыхъ.

Изъ Ливурны мы съѣздили на нѣсколько часовъ въ Пизу. Всѣ эти мѣста остались въ моей памяти свѣтлыми точками, воспоминанія объ нихъ всякой разъ отрадны для меня—и, не странное-ли дѣло? при словѣ отрадныхъ воспоминаній моего путешествія мнѣ представился—что вы думаете?—Кенигсбергъ. Есть города, съ которыми встрѣчаешься особенно тепло, подъ особенно счастливымъ созвѣдіемъ. Кенигсбергъ былъ первый городъ, въ которомъ я отдохнулъ отъ двѣнадцатилѣтнихъ преслѣдованій, тамъ я почувствовалъ наконецъ что я на волѣ, что меня не отошлютъ въ Вятку, если я скажу что полицейскіе чиновники имѣютъ также слабости, какъ и всѣ смертные, и не отдадутъ въ солдаты за то что я не считаю главной обязанностью всякаго честнаго человѣка дѣлать доносы на друзей.

Въ Тосканѣ политическое движеніе мнѣ показалось еще сильнѣе, нежели въ Піэмонтѣ. Въ Ливурнѣ на улицахъ стояли группы людей, съ жаромъ толковавшихъ объ политикѣ, всѣ принимали участіе въ разговорахъ и спорахъ, таможенные смотрители, факины и лодочники. Во всѣхъ лавкахъ были вывѣшаны трехцвѣтные фуляры съ зажигательными надписями, съ воззваніями, съ портретомъ Пія IX, на шляпахъ были огромныя кокарды, женщины носили трехцвѣтные банты, дѣти распѣвали гимнъ Пію IX.

Кстати — разскажу вамъ какъ я не слыхалъ въ первый разъ этотъ гимнъ. Однимъ добрымъ утромъ читаю я, въ Парижѣ, читаю тамъ, гдѣ обыкновенно приклеиваютъ афиши, на тѣхъ выдолбленныхъ каменныхъ памятникахъ, назначенныхъ съ одной стороны для величайшей гласности а съ другой для глубочайшаго aparte, что въ Château des Fleurs будутъ пѣть гимнъ Pio nono. Château des Fleurs, садъ отдѣланный въ ултра-мѣщанскомъ вкусѣ, возлѣ Arc de Triomphe, съ декораціями на холстинѣ, съ искуственными развалинами, съ маленькими фонтанчиками и разноцвѣтными шкаликами. Бѣгу туда, беру билетъ и приготовляюсь слушать; играютъ кадрили, играютъ Страусовы вальсы, поютъ "чувствительную Перету", играютъ отрывокъ изъ "сороки воровки"—гимна все нѣтъ—наконецъ затрещалъ жалкій фейерверкъ—мѣщанки испугались, ихъ мужья показали храбрость Нея и Мюрата, и съ твердостью духа смотрѣли на полетъ ракетъ. Фейерверкъ учтивое и огненное напоминовеніе, что пора идти вонъ; я въ отчаяніи отправляюсь къ капельмейстеру

съ афишей въ рукѣ и требую Pie Neuf. "Это не-наша вина, отвѣчаетъ капельмейстеръ, префектъ запретилъ, мы съ своей стороны сдѣлали все что могли, nous vous avons donné pour le Pie Neuf un morceau de la Pie voleuse!" И это запрещеніе никого не поразило, никого не удивило, кромѣ меня. Глубоко оскорбленный, шелъ я домой по елисейскимъ полямъ и грустно посматривалъ на Place de la Révolution, съ котораго грозился черный и печальный обелискъ, поставленный на мѣстѣ страшной гильотины 21 января; я обернулся — добродѣтельные мѣщане шли такъ мирно, такъ покойно домой, хохотали, курили, а вдали изчезалъ Arc-de-Triomphe, на которомъ мастерской рѣзецъ такъ славно вырѣзалъ громовую Марсельезу. Журналы едва помянули объ этомъ. Вотъ вамъ Франція въ 1847 году. Мишле, начиная курсъ втораго семестра, сказалъ: "Господа, прошедшій годъ для насъ нравственное Ватерлоо, глубже упасть нельзя, мы дотронулись до дна срама, и позора". Мишле забылъ, что есть у фокусниковъ ящики съ двумя, съ нѣсколькими днами.

— Не могу сказать чтобъ Римъ съ перваго раза сдѣлалъ на меня особенно пріятное впечатлѣніе. Въ Римъ надобно вжиться, его надобно изучить; хорошія стороны его не бросаются въ глаза, въ наружности города есть что-то старческое, отжившее, пустынное и дряхлое; его мрачныя улицы, его угрюмые дворцы и некрасивые домы, печальны, въ немъ все почернѣло, все будто послѣ покойника, все пахнетъ затхлымъ, такъ какъ въ Петербургѣ все лоснится, все

пахнетъ известью, сырымъ, необжитымъ. Всего болѣе поражаетъ въ новомъ Римѣ отсутствіе величія, т. е. именно ширины, того, что мы привыкли сопрягать со словомъ Римъ. Не возмущайтесь тѣмъ что я говорю, а дайте объясниться; дѣло идетъ теперь объ общемъ впечатлѣніи новаго Рима, а не о двухъ прошедшихъ, которые оставили свои великіе памятники середь него.

"Вѣчный" городъ нѣсколько разъ мѣнялъ свою броню, слѣды разныхъ одеждъ его остались, по нимъ можно судить какова была его жизнь. Римъ величайшее кладбище въ мірѣ, величайшій анатомическій театръ, здѣсь можно изучать былое существованіе и смерть во всѣхъ ея фазахъ. Прошедшее здѣсь легко возстановляется, по одной колоннѣ, по нѣсколькимъ камнямъ.

Первое что поражаетъ человѣка, не свихнувшаго свой умъ мистическими бреднями, это слѣды жизни смутной, дикой, отталкивающей, исключительной, которою смѣняется широкая, могучая, раскрытая жизнь древняго Рима. Въ древне христіанскомъ Римѣ не видать ни малѣйшаго понятія объ искуствѣ, ни какого чувства изящнаго; застроенныя въ стѣны колонны, порталы, стоятъ вѣчными свидѣтелями благочестиваго безвкусія того печальнаго міра, который замѣнилъ міръ Пантеона и Колизея. Древній Римъ палъ какъ могучій гладіаторъ, его колоссальный оставъ внушаетъ благоговеніе и страхъ, онъ и теперь гордо и торжественно борется противъ разрушенія, время не могло сокрушить его костей; его остатки, ушедшіе въ землю, разваливающіеся, покрытые

плющемъ и мохомъ, величественнѣе и благороднѣе всѣхъ храмовъ Браманте и Бернини. Каковъ былъ мощный духъ умѣвшій такъ отпечатлѣть себя на этихъ каменныхъ ребрахъ, что полустертый слѣдъ его подавляетъ собою два, три Рима выстроенные возлѣ и строившіеся вѣка. Когда я первый разъ вышелъ за капитолійскую гору и вдругъ очутился надъ Форумомъ и Колизеемъ, я остановился смущенный и взволнованный. Вотъ онъ оставъ великаго дѣятеля. Въ гигантскомъ скелетѣ сохранилось царственное выраженіе, Forum Romanum — великія свѣтскія мощи — міра чисто свѣтскаго; вѣчный Римъ тутъ, но этимъ развалинамъ легко понять кто были Римляне.

Рядомъ съ костями полубога, героя, возлѣ нихъ, около нихъ, а частію на нихъ замерла другая жизнь, жизнь средневѣковая; печальная, суровая мумія его наводитъ уныніе, смерть сохранила изнуренныя постомъ и молитвой формы, образъ монашескій и болѣзненный. Въ Римѣ нѣтъ ни однаго замѣчательнаго памятника среднихъ вѣковъ; весь этотъ византизмъ и готизмъ былъ не по натурѣ Итальянцамъ, всего менѣе Римлянамъ. Они не настолько южны чтобъ предаваться сладострастію аскетизма, и не настолько сѣверны чтобъ млѣть въ мечтательномъ мистицизмѣ. Климатъ Италіи слишкомъ свѣтелъ для истомы плотоумерщвленія. Итальянца тянетъ изъ подъ готической стрѣлки къ спокойному куполу, онъ не стрѣмится вмѣстѣ съ теряющимися колокольнями....туда, туда—ему и здѣсь хорошо. Онъ какъ Миньона, dahin, dahin у него

значитъ въ Италію. Жизнь средневѣковая для Рима была не цвѣтеніе, какъ для Бельгіи напримѣръ, а болѣзнь, искупленіе старыхъ грѣховъ, изнеможеніе отъ избытка жизни и страстей. Какъ только онъ собрался съ силами, онъ снова ринулся къ свѣтской жизни при цезарѣ Львѣ X, Юліи II. Языческая закваска никогда не проходила въ Италіи, ей равно не прививались ни учрежденія благоустройства и тишины, о которыхъ такъ старались Гибелины, ни нравственная неволя, которую папы налагали на весь міръ за исключеніемъ Италіи.

Возстановленный Римъ дебютировалъ громадно, закладкой Св. Петра, но прежде нежели папа Павелъ V и Карлъ Мадерни достроили и испортили храмъ заложенный Брамантомъ, по Италіи прошло дыханіе смерти и оцѣпѣненія. Карлу V, положительно, и Мартину Лютеру, отрицательно, принадлежитъ эта печальная слава.

Реформація нанесла Риму страшный ударъ—финансовый, политическій, религіозный, нравственный; она, освободившая долею мысль въ Германіи, остановила ея развитіе въ Италіи; она испугала совѣсть ересью, она поразила умы возможностью паденія католицизма, она ожесточила духовенство, построила его въ боевой порядокъ, раздула инквизицію и вызвала іезуитизмъ. Александръ Борджіа, этотъ Тиверій въ Тіарѣ, борется съ Савонаролой; послѣ Лютера борьба невозможна, пытка, вѣчное заточеніе, казнь—отвѣтъ на всякое разномысліе, на всякое высказанное сомнѣніе. Доминиканцы трепещутъ за существованіе церкви и іерархіи, папы

отрасчиваютъ бороду и не снимаютъ монашеской рясы. Испуганные міряне начинаютъ снова поститься, исполнять внѣшніе обряды; католицизмъ упроченъ на вѣка.

Между тѣмъ борьба Франціи и Испаніи на итальянской землѣ добила Италію. Она мученически вынесла свои тысячелѣтнія междоусобія,—но дикія орды разбойниковъ и вольнонаемныхъ убійцъ она вынести не могла. Города были лишены укрѣпленій, ограблены, стада угнаны, поля потоптаны, никакого обезпеченья не существовало.

Римъ еще нѣсколько щадили изъ уваженія, изъ благочестія, изъ необходимости имѣть Римъ, но онъ оцѣпенѣлъ въ своемъ одиночествѣ и отсюда начинается для него новая эра. Мы ее можемъ считать съ Карла V, онъ убилъ прошлую жизнь Италіи, такъ какъ убилъ ее въ Испаніи мертвящимъ, бездушнымъ сосредоточеніемъ всѣхъ властей. Карлъ V—первый царь европейскій. Съ него началось нѣмое управленіе, угнѣтеніе всего самобытнаго, мѣстнаго, индивидуальнаго, пошлость и повиновеніе замѣнили средневѣковую вѣрность и честь. Въ эту эпоху, сѣрую и глухую, сложился тотъ Римъ который стоитъ теперь. Онъ въ концѣ XVI, и въ XVII, вѣкѣ лѣпилъ домъ къ дому, церковь къ дому, портилъ площади, все предоставлялъ случайности и строилъ въ самомъ дурномъ стилѣ de la renaissance. Широкая жизнь тѣхъ вѣковъ текла не въ Римѣ. Она шла тамъ гдѣ строились Версали, да Лувры. Римъ вовсе не зналъ изящества новыхъ городовъ съ ихъ удобнымъ щегольствомъ, съ ихъ широкими улицами, съ ихъ

большими площадями. Новые города полные силъ и свѣжести безпрерывно строятся, дѣятельный духъ живущій въ нихъ требуетъ перемѣны, расширенія, роскошной обстановки; на слабомъ и оставленномъ Римѣ лежалъ вампиръ, который высасывалъ всю кровь его. Гдѣ ему было перестроиваться? его дворцы чернѣли, его виллы заростали, его граждане пріучались къ лишеніямъ, онъ остался Римомъ XVII вѣка, ожидая новой жизни, и дождался ея.

Римъ бѣденъ. Его доходы были искуственны, реформація отрѣзала ему Англію и большую часть Германіи, просвѣщеніе—почти все остальное; у него все уменьшалось, кромѣ расходовъ, нищенствующая братія все также жила подаяніемъ, огромныя достоянія монастырей и духовныхъ корпорацій все также служили для поддержки скудельнаго тѣла, отказавшихся отъ міра сего. Римъ обнищалъ и, настоящій Италъянецъ, сидитъ въ лохмотьяхъ, а похожъ на царя и не думаетъ о томъ какъ горю помочь. Римъ, какъ всѣ вѣнчанныя главы, не привыкъ заботиться о матеріальныхъ нуждахъ. Онъ увѣренъ, что онъ по прежнему первый городъ во вселенной, что торговля всего міра стремится на его рынки, что онъ нравственный центръ христіанства, и что Европа лучше ничего не проситъ какъ прислать ему все что нужно, отъ восковыхъ свѣчей и ладону, до драгоцѣнныхъ каменьевъ и слитковъ золота.

Чѣмъ далѣе живешь въ Римѣ, тѣмъ больше изчезаетъ его мелкая сторона, и тѣмъ больше вниманіе сосредоточивается на предметахъ безконечнаго изя-

щества; грязныя сѣни, отсутствіе удобствъ, узкія улицы, нелѣпыя квартиры, пустыя лавки становятся все меньше и меньше замѣтны, и другія стороны римской жизни вырѣзываются какъ пирамиды или горы изъ-за тумана яснѣе и яснѣе. Такова самая Campagna di Roma. Сначала она поражаетъ пустыннымъ видомъ, отсутствіемъ обдѣланныхъ полей, отсутствіемъ лѣсовъ, все бѣдно, угрюмо, будто вовсе не въ средоточіи Италіи, такія пустыри найдутся кажется и на берегахъ Истры, но мало по малу человѣкъ знакомится съ этой вѣчной пустыней, съ этой дикой рамой Рима. Ея безмолвіе, ея опаловая даль, синія горы на горизонтѣ—становится все роднѣе.... тамъ медленно двигается оселъ постукивая бубенчиками, черноволосый пастухъ съ фартукомъ изъ бараньей кожи сидитъ пригорюнившись и смотритъ— женщина несетъ какой-нибудь овощь, въ яркомъ нарядѣ и съ бѣлымъ сложенымъ платкомъ на головѣ, она останавливается отдохнуть, граціозно поддерживая рукой свою ношу на головѣ, и смотритъ вдаль, и черные глаза ея выражаютъ такую тоску, такую задумчивость, о которой она и не подозрѣваетъ,—и будто одна и таже дума налегла, тяжелая и широкая, на безконечное поле и горы, на пропадающую въ неопредѣленной дали зубчатую линію акведуковъ, идущую цѣлыя мили, на пастуха и на крестьянку. Всегда печальная, всегда угрюмая, campagna имѣетъ одну веселую минуту—это захожденіе солнца; тутъ она облита яркимъ свѣтомъ, который мѣняется каждыя двѣ-три минуты, и вдругъ поднимается роса, пурпуръ смѣненъ ночью и даль изчезла—ничего не

видать — кромѣ теперь только замѣтнаго огонька пастуховъ, и двухъ-трехъ ближнихъ развалинъ.

Разъ ночью сидѣлъ я съ однимъ молодымъ Итальянцемъ на полуобрушившемся сводѣ Термъ Каракалы—точно на высокой горѣ. Что за размахъ, что за своды, что за необычайные размѣры, какая могучая фантазія, дерзость замысловъ, упорность въ исполненіи. Совы и летучія мыши шныряли на мѣсячномъ свѣтѣ, вдали былъ слышенъ одинокій протяжный лай собаки на Тибрѣ—Байронъ слышалъ подобный лай изъ Колизея.

"Безъ рабовъ римлянамъ было бы невозможно строить такія колосальныя зданія—они равно свидѣтели ихъ силы и ихъ тиранства", сказалъ мой товарищъ. Я не вытерпѣлъ и отвѣчалъ ему: "да въ томъ-то и величіе ихъ, что руками невольниковъ они умѣли воздвигать великое, что грабя міръ они кладъ не зарывали въ землю, а расчищали достойную арену для своего царскаго разгула. Рабы были не у однихъ Римлянъ, есть страны имѣющія рабовъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, да что-то объ ихъ постройкахъ мало слышно. Признаюсь, что касается до меня, я склоняюсь передъ остовомъ этого Колоса, каждая арка, каждая колонна говорятъ о силѣ, о шири, объ этомъ стремленіи къ раздолью, которое свидѣтельствуетъ что Римляне дѣйствительно пожили, въ полномъ значеніи слова".

—А какая въ нихъ польза?

—Вамъ-ли Итальянцу это говорить—вся поэзія жизни состоитъ изъ ненужностей. Рафаэль рисовалъ ненужныя картинки, Микель Анджело дѣлалъ камен-

ныя куклы, а Данте писалъ вирши, вмѣсто того чтобъ дѣлать дѣло.

—Вы правы—сказалъ расхохотавшись нео-либералъ, увлеченный анти - итальянскими теоріями щедушнаго утилитаризма.

...Вторая великая сторона Рима—это обиліе изящныхъ произведеній, той геніальной оконченности, той вѣчной красоты, передъ которой человѣкъ останавливается съ благоговѣніемъ, со слезою, тронутый, потрясенный до глубины души, очищенный тѣмъ что видѣлъ и примиренный со многимъ; такъ какъ это было со всѣми людьми въ самомъ дѣлѣ, приходившими со всѣхъ концовъ міра на поклоненіе изящному въ Ватиканѣ, въ Капитоліи....и такъ какъ это будетъ со всѣми людьми грядущихъ вѣковъ, до тѣхъ поръ пока время пощадитъ эти великіе залоги человѣческой мощи. Когда мучительное сомнѣніе въ жизни точитъ сердце, когда перестаешь вѣрить чтобъ люди могли быть годны на что нибудь путное, когда самому становится противно и совѣстно жить —я совѣтую идти въ Ватиканъ. Тамъ человѣкъ успокоится и снова что-нибудь благословитъ въ жизни. Ватиканъ не похожъ на всѣ прочія галлереи, это пышныя палаты украшенныя изящными произведеніями, а не выставка картинъ и статуй.

Галлереи вообще очень утомительны и больше полѣзны нежели изящны; каждая статуя имѣетъ свое назначеніе, требуетъ свою обстановку и вовсе не нуждается въ цѣломъ батальонѣ другихъ статуй, всякая картина дѣйствуетъ сильнѣе когда она на своемъ мѣстѣ, когда она одна. Посмотрите какъ фрески Микель-Анджело

хороши въ своемъ одиночествѣ на одной изъ стѣнъ Сикстинской капелы; его Моисей въ церкви—просто дома; пусть будутъ картины на каждой стѣнѣ, но лишь бы эти стѣны не были для картинъ. Въ галлереѣ человѣкъ черезъ часъ чувствуетъ, что онъ не въ состояніи понимать, и все таки смотритъ по обжорливости своей натуры. Я увѣренъ, что много превосходныхъ произведеній утоплены, затеряны въ большихъ галлереяхъ, въ многомъ множествѣ другихъ картинъ, гдѣ еще къ тому они задавлены двумя-тремя chefs-d'oevre-ами. Добро бы еще картины располагались въ строгомъ историческомъ порядкѣ, такого размѣщенія я нигдѣ не знаю, кромѣ въ берлинскомъ музеѣ; за то тамъ кромѣ историческаго порядка ничего нѣтъ. — Я обыкновенно ходилъ къ двумъ-тремъ картинамъ, къ двумъ-тремъ статуямъ, а съ прочими встрѣчался какъ съ незнакомыми на улицѣ—можетъ они и хорошіе люди, можетъ дойдетъ чередъ и до знакомства съ ними, ну а пока, пусть себѣ идутъ мимо.

Чѣмъ больше приглядываешься къ великому произведенію, тѣмъ меньше удивляешься ему; это-то и необходимо, удивленіе мѣшаетъ наслаждаться. Пока картина или статуя поражаетъ, вы не свободны, ваше чувство не легко, вы не нашлись, не возвысились до нея, не сладили съ нею, она васъ подавляетъ, а быть подавленному величіемъ не высокое эстетическое чувство. Пока человѣкъ еще порабощенъ великимъ произведеніемъ, произведенія болѣе легкія доставляютъ болѣе наслажденія, потому-что они соизмѣримѣе,

даются безъ труда, въ какомъ бы расположенiи человѣкъ ни былъ. Что трудного понять, оцѣнить головки Карла Долчи, Марата? онѣ такъ милы, такъ изящны, что нѣтъ возможности ихъ не понять. Великiя картины, напротивъ, часто сначала притѣсняютъ, иногда являются порывы взбунтоваться противъ нихъ; но когда вы однажды ознакомились съ такимъ произведенiемъ, тогда только вы оцѣните разницу того наслажденiя, которое вы прiобрѣли отъ Карла Долчи или Грёза и съ друой стороны отъ Бонаротти, Лаокоона, Аполлона Бельведерскаго . . . Я очень долго не могъ сколько-нибудь отчетливо сладить съ "Страшнымъ судомъ", меня ужасно разсѣевали частныя группы, къ тому-же картина довольно почернѣла и я все попадалъ въ капелу въ туманные дни—какъ-то на дняхъ, выходя вонъ изъ капелы я остановился въ дверяхъ, чтобъ посмотрѣть еще разъ на картину—первое что меня остановило на этотъ разъ было лицо и положенiе богородицы. Христосъ является торжествующимъ, мощнымъ, непреклонпымъ, синiй свѣтъ остановившейся молнiи освѣщаетъ его; давно умершiе поднялись, все ожило—начинается судъ, кара, и въ это время существо кроткое, испуганное окружающимъ, робко прижимается къ нему, глядитъ на него, и въ ея глазахъ видна мольба, не желанiе справедливости а желанiе милосердiя.

Какъ глубоко понялъ Бонаротти христiанскiй смыслъ Дѣвы. Вотъ она всѣхъ скорбящихъ заступница, готовая своей робкой рукой остановить поднятую руку сына, и когда отъ этой группы я сталъ переходить къ окружающему, огромная картина сплавилась

въ нѣчто единое, безконечное множество фигуръ со стороны, по бокамъ, получили смыслъ, котораго я прежде не могъ понять, который теперь начинаю подозрѣвать — и съ этого дня я пересталъ анализировать каждую фигуру, пересталъ удивляться знанію остеологіи и міологіи Микель-Анджело.

Но я себѣ далъ слово не утомлять васъ описаніемъ изящныхъ произведеній, кого интересуетъ читать картины—тотъ найдетъ источники.

Въ слѣдующемъ письмѣ мы поговоримъ о современномъ состояніи Рима, о его risorgimento.

Теперь въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ моихъ прежнихъ письмахъ. До меня дошли слухи, что ихъ дурно приняли въ печати. Одни вступились за французскую буржуазію, за нѣмецкую кухню, всѣ за неуважительный тонъ, за легость и поверхностность, за фамильярность съ предметами почтенными и уважаемыми, за недостатокъ достодолжной скромности въ обращеніи съ старшими братьями, за недомолвки наконецъ, которыя тоже поставили на мой счетъ. Мнѣ кажется что письмамъ изъ Avenue Marigny придали больше значенія, нежели они въ самомъ дѣлѣ имѣли и разсердились на нихъ за то, что они не оправдали ожиданія. Письма эти,—нѣсколько помѣчанныхъ впечатлѣній, нѣсколько набросанныхъ замѣтокъ на скорую руку, середь иныхъ занятій, при недосугѣ, при новости явленій, при оглушительномъ громѣ событій, подъ вліяніемъ досады, которую назвать и опредѣлить было гораздо труднѣе, нежели кажется. Письма эти вовсе не отчетъ о путеше-

ствiи, не результатъ выведенный изъ посильнаго изученiя Европы, не послѣднѣе слово, не весь собранный плодъ — ничего подобнаго у меня не было въ помышленiи; мнѣ просто хотѣлось передать первое столкновенiе съ Европой; въ нихъ вылилось мѣстами рядомъ съ шуткой и вздоромъ, негодованiе, горечь, которая поневолѣ переполняла душу, иронiя — къ которой мы столько-же привыкли какъ Езопъ рабъ Ксанфа къ аллегорiи. У меня не было задней мысли, не было заготовленной теорiи ничему не удивляться или всему удивляться, а было желанiе уловить мелькающiя, лѣтучiя впечатлѣнiя откровенно, добросовѣстно вотъ и все. Что касается до неуважительнаго тона (*) то я не вижу никакой необходимости говорить съ почтенiемъ о вещахъ которыя мнѣ кажутся презрительными, хотя бы мы ихъ и привыкли уважать издали, по старымъ воспитанiямъ. Недостаточно найти страну въ которой все еще хуже, чтобъ находить хорошимъ то, что дѣлается здѣсь. Всѣ кумиры долой — голая, обнаженная истина, лучше приведетъ къ дѣлу, нежели лганье съ доброй цѣлью. Наконецъ я долженъ признаться, что не только въ моихъ письмахъ, но и въ сердцѣ недостаетъ этой смиренной, почтительной струны, готовой умильно скланяться, "принижаться" какъ говорятъ Славянофилы; для которой поклоненiе необходимо, чему бы

(*) Дѣйствительно смѣхъ имѣетъ въ себѣ нѣчто революцiонное. Пока люди вѣрили въ христiанство — не было смѣха. Въ церкви и во дворцѣ никогда не смѣются, по-крайней-мѣрѣ открыто. Крѣпостные люди лишены права улыбки въ присутствiи помѣщиковъ. Одни равные смѣются между собой. Смѣхъ Вольтера разрушилъ больше плача Руссо.

то ни было, золотому теленку или серебряному барану, русскимъ древностямъ или парижскимъ новостямъ. Изъ всѣхъ преступленій я всего дальше отъ идолопоклонства и противъ второй заповѣди никогда не согрѣшу. Человѣкъ тогда только свободно смотритъ на предметъ, когда онъ не гнетъ его въ силу своей теоріи и самъ не гнется передъ нимъ. Уваженіе къ предмету не произвольное, а обязательное ограничиваетъ человѣка, лишаетъ его свободнаго размаха. Предметъ, говоря о которомъ человѣкъ не можетъ улыбнутся не впадая въ кощунство, не боясь угрызеній совѣсти — фетишъ и человѣкъ подавленъ имъ, онъ боится его смѣшать съ простою жизнію. Такъ египетское ваяніе и наша дикая иконопись давали идоламъ неественныя позы и неественный колоритъ, чтобъ отдѣлиться отъ презрѣннаго міра земной красоты и теплой живой карнаціи.

Мнѣ въ Италіи ни надъ чѣмъ не хочется смѣяться, помнится я въ Парижѣ тоже не смѣялся надъ "Франціей за ценсомъ стоящей"; въ плесни покрывающей общество въ Парижѣ въ притязаніи мѣщанъ на образованность, на либерализмъ, все вызывало презрительный смѣхъ, все дразнило меня. Я былъ откровененъ въ обоихъ случаяхъ.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

—

Римъ 4 Февраля 1848 г.

Я видѣлъ нѣсколько разъ Пія IX; мнѣ очень хотѣлось прочесть на лицѣ этого человѣка, поставленнаго во главу не только итальянскаго движенія, но европейскаго, какую-нибудь мысль, словомъ что-нибудь, и я ничего не прочелъ кромѣ добродушной вялости и безстрастнаго спокойствія. Всѣ портреты его, всѣ бюсты похожи; къ нимъ надобно добавить бѣлый, нѣжный цвѣтъ лица, католическую, клерикальную полноту, прозрачную мясистость, и не большіе глаза, выражающіе... что выражающіе?—какую-то безпечную сытость. Я увѣренъ, что Пій IX не способенъ ни къ жестокости, ни къ преслѣдованіямъ, (*) но онъ можетъ допустить и то и другое, и я еще болѣе увѣренъ въ томъ, что какія бы обстоятельства ни пришли его пищевареніе не растроится, онъ тихо погруститъ и успокоится.

(*) Это писано въ началѣ 1848 года. Да проститъ мнѣ Св. Петръ, что я такъ дурно понялъ его представителя; онъ очень способенъ!

Первый разъ я видѣлъ его въ квиринальской капеллѣ, гдѣ онъ служилъ. Его окружали всѣ кардиналы, находившіеся на-лицо въ Римѣ,—что это за вѣющіе несчастіемъ лица, напоминающіе инквизицію и аутодафе. Какъ ясно выражалась въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи этихъ безсемейныхъ стариковъ, жизнь проведенная въ двоедушіи и домагательствахъ, ненависть ко всему свободному, властолюбіе, зависть, готовность мести, отсутствіе всего человѣческаго, теплаго. Каждый въ свою очередь подходилъ къ Папѣ, кланялся ему съ колѣнопреклоненіемъ, онъ каждаго накрывалъ руками; и въ томъ числѣ былъ Ламбрускини, съ видомъ стараго шакала; я ждалъ что онъ укуситъ св. отца, но они разцаловались преспокойно.

Во второй разъ я видѣлъ св. отца во всѣмъ блескѣ понтификата въ церкви Santa Maria Maggiore, гдѣ онъ прогуливался nella sedia gestatoria, это было гораздо смѣшнѣе Квиринала. Пія IX носили по церкви въ креслахъ, подъ разноцвѣтными опахалами. Этотъ индейской видъ совсѣмъ не шелъ къ нему. Въ церкви была жара страшная, Папу закачало какъ на лодкѣ, и онъ блѣдный отъ приближавшейся морской болѣзни, съ закрытыми глазами благословлялъ на право и на лѣво. По дорогѣ стояли съ обѣихъ сторонъ солдаты, красная guardia nobile и пестрые Svizzeri, въ средневѣковой одеждѣ. Офицеры командовали при приближеніи кортежа Ar-mi! и ружья брякали на караулъ середь церкви; офицеры командовали Ginocchiô! и солдаты становились по темпамъ на колѣни. Я не могу привыкнуть къ военной обстановкѣ предметовъ по преимуществу мир-

ныхъ—ружья, мечи, штыки, сабли, кивера, пики и шлемы оскорбляютъ въ церкви; прибавте къ этому непріятное кастратское пѣніе, толпу откормленныхъ монсиньоровъ, сытыхъ каноников, переваливающихся съ какою-то отвратительной фамильярностью съ ноги на ногу, рядомъ съ сухими и желтыми іезуитами и полудикими монахами изъ дальнихъ монастырей, и вы поймете какого должно быть впечатлѣніе.

Странная вещь! католицизмъ, умѣвшій создать такіе храмы, умѣвшій украсить ихъ такими фресками, такими картинами и статуями, не умѣлъ уладить торжественнѣе, поэтичнѣе свой ритуалъ въ самомъ Римѣ. Разумѣется время всѣхъ ритуаловъ вообще прошло, и они дѣйствуютъ не болѣе какъ оперныя процессіи, самая толпа смотритъ съ любопытствомъ, а не съ благоговѣніемъ, на всѣ эти ненужности, но тѣмъ не менѣе постановка могла быть художественнѣе и ближе къ духу религіи. Ритуалъ восточной церкви несравненно изящнѣе и величественнѣе.

Наконецъ третій разъ я видѣлъ папу болѣе въ трагической роли, нежели въ комической, какъ прежде. Для того чтобъ вамъ было понятно, надобно разсказать что было на канунѣ новаго года. Вечеромъ 31 декабря дождь лилъ проливной, сильные удары грома и безпрерывныя молніи, кромѣ всего остальнаго, напоминали что это не русскій новый годъ; между тѣмъ Piazza del Popolo покрылась народомъ и зажженные torci, невесело потрескивая и дымясь, зажигались тамъ и сямъ. Я смотрѣлъ въ окно на это приготовленіе, толпа построилась правильной колоной и, грянувъ scuoti il polvere, пошла по Корсо къ Квириналу. Анджело Брунетти,

т. е. Чичероваккіо, велъ римскій народъ поздравить св. отца съ новымъ годомъ, прокричать ему evviva, такъ какъ ему одному кричать, и напомнить что Римляне ожидаютъ въ этомъ году исполненіе тѣхъ упованій, на которыя онъ дозволилъ надѣяться, но которыя еще не удовлетворены консультой. Савелли, римскій губернаторъ, открытый врагъ движенія, отправился къ Пію и увѣрилъ его, что мятежная толпа народа собирается посѣтить его на monte Cavallo. Папа, который лично зналъ Чичероваккіо, котораго Чичероваккіо спасъ отъ Ламбрускиніевскаго заговора, повѣрилъ и перепугался. Онъ велѣлъ созвать чивику и не вдалекѣ отъ Квиринала приготовить полкъ берсальеровъ. Между-тѣмъ въ двѣнадцатомъ часу ночи, по дождю и грязи, спокойно и стройно пришла колона съ факелами къ monte Cavallo, съ крикомъ viva Pio nono, e viva sempre! Народъ звалъ папу на балконъ, папа не вышелъ, а выслалъ сказать чтобъ народъ расходился. Отношенія, образовавшіеся между народомъ и папой, избаловали Римлянъ; они нѣсколько разъ вмѣстѣ плакали и клялись въ взаимной любви. Отказъ папы удивилъ всѣхъ. Люди промокнувшіе до костей не ждали такаго пріема, они стали еще громче и настоятельнѣе требовать появленія папы; тогда губернаторъ объявилъ имъ, что если они не пойдутъ сейчасъ-же по домамъ, то онъ по приказанію св. отца, ихъ разгонитъ солдатами и чивикой. Народъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ солдаты подъ ружьемъ. Еслибъ Григорій XVI пустилъ ядро вдоль по Корсо во время moccoletti, это не удивило бы, не оскор-

било бы такъ глубоко Римлянъ, какъ грубый отвѣтъ Пія IX.

Тактъ Римлянъ въ этихъ случаяхъ удивителенъ. Вдругъ все перемѣнилось; факелы погасли; ни одного крика; мрачно, безмолвно, свернувши свое знамя, народъ пошелъ домой. На другой день нигдѣ ни толпы, ни веселья; праздника нѣтъ, городъ оскорбленъ, чивика громко ропщетъ, двое сенаторовъ приняли сторону народа и отправились къ Пію IX; Пій IX, расплакался, сказалъ князю Корсини, что его ввели въ заблужденіе. и объявилъ, что для вознагражденія Римлянъ онъ самъ поѣдитъ ихъ благословлять на новый годъ и для этого подъѣдитъ ко всѣмъ главнымъ кордегардіямъ чивики.

Часовъ въ двѣнадцать 2 января Корсо покрылся людьми. Правильная масса народа двигалась съ Piazza Colona, Чичериваккіо шелъ впереди съ знаменемъ, на которомъ былъ написанъ слѣдующій упрекъ, кроткій, простый и полный смысла: S. P. Gustizia al popolo chi è con voi! Процессія остановилась на перекресткѣ Corso и via Condotti; папѣ нельзя было миновать которой нибудь изъ улицъ; народа было по-крайней-мѣрѣ тысячь двадцать, ни хохоту, ни крику, ни кто не толпился, не давилъ, ни одного карабинера, ни одного полицейскаго не было видно (они вообще здѣсь гдѣ-то прячутся, особенно когда есть демонстрація). Явилась чивика безъ ружей и стала въ ряды народа. Порядокъ былъ удивителенъ, только по временамъ поднимался крикъ, который распространялся далѣе и далѣе, разростаясь какъ кругъ въ водѣ отъ брошеннаго камня. Крики

были выразительнѣе, нежели прежде: Abasso i gesuiti, abasso il palazzo madama, (тутъ живетъ Савелли) Viva la stampa libera, i fratelli Bandiera,— abasso i oscurantisti и потомъ viva Pio nono, ma solo, solissimo. Кто-то прокричалъ viva i Piemontesi — народъ подхватилъ; при этомъ вдругъ продирается сквозь густую толпу, сѣдой но здоровый старикъ и начинаетъ благодарить Римлянъ отъ имени Генуи, словъ его я не разслышалъ, но по мимикѣ можно было догадаться; лицо у него разгорѣлось, онъ плакалъ, въ концѣ рѣчи онъ закричалъ: viva la liberta! бросилъ свою шапку вверхъ и самъ бросился обнимать солдата національной гвардіи, потомъ другаго, третьяго. Это была сцена изъ первыхъ дней французской революціи. Народъ бѣшено рукоплескалъ Генуэзцу.....Часа въ два раздалось "Ѣдитъ, ѣдитъ". Папа ѣхалъ шагомъ, сопровождаемый четырьмя драгунами и каретой, въ которой сидѣлъ кто-то изъ министровъ. Онъ былъ взволнованъ и очень блѣденъ. Народъ его встрѣтилъ громкимъ, безконечнымъ привѣтствіемъ. Чичероваккіо поднялъ знамя къ его окошку и двадцать тысячь человѣкъ пошли провожать Пія IX. На первую минуту миръ былъ заключенъ. Конечно не вина народа, если съ тѣхъ поръ онъ еще дальше сталъ съ папой, нежели былъ въ новый годъ.

Піи IX, какъ всѣ слабые люди, упрямъ; онъ сдѣлаетъ что требуютъ—да послѣ, раздразнивши прежде отказомъ, и тогда когда ужъ хотятъ чего-нибудь другого. Такъ онъ испортилъ дѣйствіе 2 января, но день этотъ для него былъ торжественъ, грозно торжественъ...по морю весело прокатиться, а чувствуешь

что утонуть можно. Балконы были усыпаны дамами, всѣ окна раскрыты, отовсюду махали платками, карета Папы двигалась шагъ за шагомъ, всадники были смяты, народъ держался за постромки, за лошадей, за колеса, кучера и лакеи не препятствовали, потому что невозможно было ничего сдѣлать. Чичероваккіо влѣзъ на вторую карету и сѣлъ съ знаменемъ на имперіалѣ, жалкая фигура какого-то кардинала выглядывала, испуганная изъ-подъ его ногъ, покрытыхъ пылью. Часовъ до семи продолжалось это шествіе, текла эта живая рѣка отъ via Condotti до monte Cavallo; съ переулковъ и площадей раздавались привѣтствія и крики, повторяемые всякой разъ нѣсколькими тысячами человѣкъ возлѣ ушей Папы: Abasso i mascheri, Viva Ganganelli, (Климентъ XVI, изгнавшій іезуитовъ изъ Рима), Viva l' independenza, abasso i gesuiti. Когда процессія пришла къ Квириналу смерклось; обширная площадь, на которой стоятъ знаменитые Фидіасовы лошади, была полна народомъ, ожидавшимъ возвращенія Св. отца и его благословенія. Но онъ изнемогъ; блѣдный, онъ опустилъ благословляющую руку и голова его склонилась на подушку, онъ лишился чувствъ. Драгунъ, ѣхавшій возлѣ кареты, сказалъ что-то Чичероваккіо; Чичероваккіо далъ знакъ рукой и мало-по-малу водворилась тишина, прерываемая время отъ времени крикомъ встрѣчавшихся, которымъ тотчасъ показывали, чтобъ они молчали. Тишина придала еще больше торжественности зрѣлищу. Молча проводилъ народъ папу до воротъ, никто не требовалъ чтобъ онъ вышелъ на балконъ, его повели

подъ руки на лѣстницу. A casa, a casa! закричали передніе ряды и толпы народа молча и съ поднятыми знаменями пошли—а полицейскихъ все не было.

Еще разъ, народныя движенія въ Римѣ носятъ на себѣ особый характеръ величаваго порядка, мрачной поэзіи, какъ ихъ развалины, какъ ихъ Campagna. Лица, фигуры этихъ людей сохранили античныя черты, черты доблести и благородства; католицизмъ имъ придалъ, вмѣстѣ съ бѣдствіемъ, съ неволей, видъ угрюмый, печальный, который еще болѣе поражаетъ въ соединеніи съ страстнымъ выраженіемъ и съ племянною красотой. Эти люди, которые смѣются разъ въ годъ — на карнавалѣ—терпѣли вѣка и наконецъ спокойно сказали "Довольно!"

Папа былъ потрясенъ, плакалъ, занемогъ, и — ничего не сдѣлалъ. Онъ не умѣлъ воспользоваться этимъ днемъ, и совершенно лишился народной любви. Всѣ ждали новое министерство, увольненіе Савелли. Савелли остался, и ни одной льготы: народъ обидился второй разъ и врядъ помирится-ли. Пустыя и безполезныя полицейскія мѣры внесли больше горечи въ эту размолвку, нежели бы могли сдѣлать дѣйствительныя притѣсненія. Римляне привыкли всякое утро читать маленькой листокъ Pallade, приклѣенный по стѣнамъ на улицахъ. Можете себѣ представить какъ должна быть дорога нѣкоторая свобода книгопечатанія для народа жившаго вѣка подъ гнетомъ самой варварской ценсуры. Папа запретилъ приклѣивать Палладу по стѣнамъ, запретилъ даже продавать на улицахъ. Редакція объявила афишами на всѣхъ углахъ объ этомъ запрещеніи и увѣдомляла

читателей, что она перенесла сбыть своего журнала во всѣ табачныя лавки, во всѣ кофейныя ; и что не имѣя права носить Палладу по улицамъ, ни приклѣивать къ стѣнамъ, они поставятъ столы и положатъ на нихъ свой журналъ для чтенія. Савелли побоялся запретить — и римской Шаривари надъ ними-же нахохотался до сыта.

Въ концѣ декабря дѣлали демонстрацію швейцарскому послу, поздравляя его съ разбитіемъ Зондербунда. Вдругъ черезъ двѣ недѣли св. отецъ надумался и повелѣлъ всѣмъ участникамъ анти-католической демонстраціи три дня поститься, предоставляя исполненіе этой полезной мѣры на собственную совѣсть тѣхъ, которые были на демонстраціи. Римъ разхохотался отъ однаго конца до другаго, прочитавъ въ оффиціальной газетѣ эту шалость будирующаго намѣстника Св. Петра.

Но въ сущности Римъ былъ далекъ отъ смѣха. Мрачная тишина и тяжелое расположеніе духа, становились очевидны съ половины Января. Сомнѣніе въ св. отцѣ, недовѣріе къ нему работалю во всѣхъ умахъ, въ аристократическомъ Circolo Romano и въ народномъ Circolo Popolare, основанномъ на дняхъ Чичероваккіемъ. Пій IX хмурился и давалъ созрѣть этимъ мыслямъ. Его поведеніе дѣйствительно было не понятно. Всякій день приносилъ какую-нибудь потрясающую вѣсть — то изъ Милана, то изъ Павіи, Неаполя, Сициліи. На монте-Кавалло, въ Квириналѣ царила тишина недоумѣнія; ни слова успокоенія, ни слова утѣшенія. Римляне боятся Людовика Филиппа, боятся короля Альберта, ненавидятъ

Австрію — и спрашивают съ кѣмъ св. отецъ, противъ кого? .... Глаза всѣхъ обращаются на Пія IX, на человѣка эпохи—а Пій IX притихъ, какъ-будто его нѣтъ; хотя впрочемъ и разрѣшилъ торжественную панихиду по убіеннымъ Ломбардцамъ, не смотря на протестъ австрійскаго посланника.

Такъ проходилъ Январъ, тревожно внутри и тихо снаружи, при отвратительной мокрой погодѣ, что уже само по себѣ въ Италіи составляетъ общественное несчастіе, какъ вдругъ, вслѣдъ за сбивчими слухами, пришли достовѣрныя вѣсти не токмо о возстаніи Палермы, но и о геройской защитѣ города. Съ этого дня Римъ вступилъ въ новую фазу пробужденія, онъ еще больше проснулся. Уступки неаполитанскаго короля, которыя за мѣсяцъ были бы приняты рукоплесканіемъ всей Италіи, были приняты презрѣніемъ; онѣ выражали страхъ и безсиліе. Неаполь молчалъ, осыпаемый сарказмами римскихъ и флорентинскихъ журналовъ. Наконецъ 28 Января двинулся и онъ; король попробовалъ усмирить народъ, не сладилъ и скрѣпя сердце, обѣщалъ конституцію и амнистію. Вѣсть эта дошла до Рима на другой день. Толпы народа бѣгали по главнымъ улицамъ съ крикомъ: Lumi! Lumi!—и всѣ окна освѣтились. Сенатъ и шатающееся министерство поняли, что тутъ распасться съ народомъ, значило погубить себя, а потому подъ завѣтными буквами S. P. Q. R. они объявили al popolo romano, что 3 Февраля назначается молебствіе и торжествованіе "возстановленія мира въ королевствѣ обѣихъ Сицилій". Снова ошибка, снова слабость въ обѣ сторо-

ны, и слѣдственно неудача въ обѣ стороны. Корсо горѣло огнями, демонстрація была величественна и колосальна; вся чивика, все народонаселеніе Рима принимало участіе, но для Пія IX горекъ былъ этотъ день, національная гвардія сняла его кокарду (желтую съ бѣлымъ) и надѣла трехцвѣтную. Ликующій народъ прошелъ по всему Риму, посѣтилъ Форумъ и Капитолій, но миновалъ Monte Cavallo; Пій IX былъ исключенъ изъ торжества. Правительство лишилось всякой моральной силы. Папа снова готовится къ уступкамъ и снова дразнитъ народъ. Начальникъ національной гвардіи велѣлъ снять трехцвѣтную кокарду, его не послушались; на другой день вышелъ приказъ разрѣшавшій трехцвѣтныя кокарды! 3 Февраля къ крику Viva Pio nono прибавляли всякой разъ: e la costituzione, e la libertà. Замѣчательно, что во все время ликованій ни одному человѣку не пришло въ голову, или никто не осмѣлился по-крайней-мѣрѣ прокричать, какое-нибудь привѣтствіе неаполитанскому королю.

Завтра отправляюсь посмотрѣть своими глазами на Неаполь въ революціи, на Неаполь не только изящный, но и свободный. Пока, пользуясь дождемъ, я намѣренъ сказать еще нѣсколько словъ объ итальянскихъ дѣлахъ.

Какъ это случилось, что страна, потерявшая три вѣка тому назадъ свое политическое существованіе, униженная всевозможными униженіями, завоеванная, раздѣленная иноплеменниками, полтора вѣка раззоряемая, и наконецъ совсѣмъ сошедшая съ арены народовъ какъ дѣятельная мощь, вліяющая сила,

страна воспитанная іезуитами, отставшая, обойденная, облѣнившаяся—вдругъ является съ энергіей и силой, съ притязаніемъ на политическую независимость и гражданскіе права, съ притязаніемъ на новое участіе въ европейской жизни?

Судьба полуострова, шла въ послѣдніе три вѣка не торной дорогой исторіи, и отъ того его современное состояніе на первой взглядъ не совсѣмъ понятно; можетъ одинъ западной народъ и есть, котораго быть народный еще непонятнѣе—это Испанцы.

Мы легко привыкаемъ по умственной лѣни къ шаблонамъ и нормамъ, къ исторической алгебрѣ алгебра эта составлена по тремъ типамъ: по англійскому, французскому и нѣмецкому. Италія шла инымъ путемъ. Когда весь міръ забылъ древній Римъ, память о немъ хранилась въ Италіи. Когда-же напротивъ, вся сѣверо-западная Европа стремилась къ государственной централизаціи, къ римской монархіи—Италія продолжала быть феодальной, была побѣждаема, притѣсняема, но не дѣлалась монархическою, кромѣ Піэмонта и Неаполя. Въ Италіи не было періода индустріи, не было революціи въ пользу средняго сословія; ея горожане не освобожденные рабы, не буржуазія, а вольные люди утратившіе всѣ права кромѣ муниципальныхъ

Въ XVI вѣкѣ Италія накрыта внѣшнимъ гнетомъ, захвачена иноплеменными войсками и оставлена при своемъ мѣстномъ, муниципальномъ правѣ. Мертвая какъ государство, она жила въ городскихъ комунахъ, вся жизнь ея притекла къ этимъ сердцамъ народнаго существованія. Гнетъ тяготѣвшій надъ

Италіей до ломбардо-венеціанскаго королевства не былъ ни равномѣренъ, и ни всеобщъ, онъ не имѣлъ принятой, проведенной во всѣ стороны системы. Есть части Италіи, которыя со временъ греческихъ императоровъ и до нынѣшняго дня едва по наслышкѣ знали о правительствѣ, платили подать, давали солдатъ, и внутри управлялись своими обычаями и законами, такова Калабрія, Базиликатъ, Абруцы, цѣлыя части Сициліи. Съ другой стороны, напримѣръ, Тоскана никогда не выносила того лишенія всѣхъ человѣческихъ правъ какъ ея сосѣди.

Территоріальныя раздѣленія Италіи мѣнялись на тысячу ладовъ, народъ ихъ переносилъ, рѣдко былъ доволенъ и никогда не переносилъ ихъ за нѣчто истинное, прочное, а за грубый фактъ насилія. Всѣ усилія Гогенштауфеновъ и ихъ наслѣдниковъ развить въ Италіи монархическое начало остались тщетными и собственно теорія Гибелиновъ, о которой писали тяжелыя трактаты, ученые легисты и которую они старались представить послѣднимъ словомъ и органическимъ развитіемъ римскаго права, никогда не прививались итальянскому народу; философію права и государственныя понятія Итальянцевъ надобно искать въ сочиненіяхъ Макіавелли и въ ихъ историкахъ. Народъ былъ всегда Гвельфомъ и только по ссорѣ съ папой или съ сосѣдними городами бросался къ стопамъ императоровъ, предоставляя себѣ право при первой возможности возстать и отдѣлиться. Методическое, холодное, безнадежное управленіе, вводимое Нѣмцами, было невыносимо для Итальянцевъ. Древній Римъ могъ переносить Цезарей со

всемъ ихъ тиранствомъ, потому-что ихъ управленіе болѣе походило на беззаконную диктатуру, на какое-то личное, случайное исключеніе, ихъ владычество было сочетаніемъ деспотизма съ анархіей; однообразный, систематическій гнетъ германизма совершенно противуположенъ Итальянцу, и онъ больше ненавидитъ Барбаросу, нежели своего Еццелино.

Совсѣмъ напротивъ власть папская, была совершенно національна, потому что она была неопредѣленна. Римъ, Романья едва слушались Папъ, они дома были цари тайкомъ; чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ власть папская становилась сильнѣе и наконецъ достигала страшной мощи уже внѣ Италіи. Папы дѣйствовали совсѣмъ обратно императорамъ, они опирались на мѣстныя различія и поддерживали муниципальную жизнь. Григорій VII, съ своей геніальной проницательностью, понялъ элементъ, который спасетъ Италію отъ императоровъ, и городская жизнь, ободренная и двинутая имъ, переросла германизмъ, плохо дающій корни въ почвѣ, въ которой былъ сохраненъ языческій Римъ. Италія жила и развивалась всѣми точками; города ея цвѣли, она была самое образованное и самое торговое государство въ XIV столѣтіи и между-тѣмъ, десяти лѣтъ не проходило безъ того чтобъ она не покрывалась кровью и пепломъ. Города становились роскошнѣе послѣ пожара, сильнѣе послѣ раззоренія. Шутка одного стариннаго историка "война—миръ для Генуи", можетъ относится ко всему полуострову. Необыкновенно живучая страна! Жизнь, развитіе, подавленныя въ одномъ мѣстѣ, ускользали какъ яще-

рица въ травѣ и являлись во всѣмъ блескѣ на другомъ мѣстѣ. Въ сѣверной Европѣ давнымъ-давно централизація задавила средневѣковую жизнь и сильныя государства образовались, опираясь на постоянныя арміи и служебное дворянство; въ Италіи продолжалась прежняя жизнь нѣсколькихъ городовъ на первомъ планѣ, и множества другихъ не столько важныхъ въ политическомъ отношеніи, но свободныхъ, независимыхъ и образованныхъ на второмъ и третьемъ. Такъ она дожила до страшной годины когда Карлъ V и Францискъ II выбрали прекрасныя поля ея для кровавой войны, для войны продолжавшейся болѣе столѣтія. Эта война сокрушила страну, Италія крѣпилась, крѣпилась,—наконецъ силъ ея нестало противустоять войскамъ, безпрерывно усилившимся, свѣжими толпами изъ Франціи, Германіи, Испаніи, и вольнонаемными шайками изъ Швейцаріи. Можетъ быть еслибъ идея народнаго единства, идея государства была развита въ Италіи, она отстояла бы себя—но этой идеи не было.

Врагъ имѣлъ всегда дѣло съ частью. Города сражались какъ львы, крестьяне составляли вооруженныя толпы, нападавшія на непріятеля нежданно, между горъ, въ тѣснинахъ, въ домахъ,—но вся отвага ихъ погибла по пустому, ихъ подавили числомъ. Типъ итальянской войны, также какъ и гражданскаго устройства, отдѣльность, дробность, городское возстаніе, партизанская война, война отдѣльными вооруженными дружинами. Государство требующее поглощеніе городовъ, армія требующая поглощенія личностей для Итальянцевъ противны; нѣтъ народа

менѣе способнаго къ дисциплинѣ, къ полицейскому устройству, къ монархическому порядку. Съ другой стороны отсутствіе единства столькоже спасло Италію, сколько погубило ее на время. Жизнь Италіи не была связана ни съ Римомъ, ни съ Венеціей, ни съ Флоренціей. Задавленная въ большихъ городахъ, она вдругъ являлась въ Феррарѣ, въ Болоньи; вытѣсняемая въ Неаполѣ, она переплывала въ Палерму, Мессину; въ Генуѣ она сохранилась до революціи. Италія Гидра лернская; задушить такую многоголовую жизнь—невозможно.

Побѣжденная Италія, уступая мало по малу политическую жизнь, является въ главѣ художественнаго и умственнаго развитія; она воскрешаетъ греческую философію, она создаетъ живопись и, вѣрная своей федеральной натурѣ даже въ искуствѣ, рисуетъ на три типа, рисуетъ такъ, что вы узнаете города по школамъ; художественный періодъ итальянской жизни совпалъ съ дѣйствительнымъ возрожденіемъ мысли, послѣ скучнаго теологическаго схоластицизма. Итальянскіе представители новаго движенія, вышли съ отроческимъ увлеченіемъ и съ необыкновенной отвагой на арену, на которой ихъ ужъ ждали, не апотеоза какъ Петрарку, а плаха и костёръ. Преслѣдованіе мысли во имя религіи нанесло новый ударъ Италіи, убило послѣднюю сферу, въ которой она могла развивать избытокъ своихъ силъ. Ей позволяли рисовать, ваять и строить, но запретили думать, но Галилея свели въ тюрьму за астрономію, Ванини и Бруно казнили за метафизику. Время доблѣстныхъ, гуманныхъ папъ прошло, реформація внесла ужасъ

въ Ватиканъ, начальники инквизиціи надѣвали тіару; вопреки вѣку, нравамъ, странѣ, эти люди снова возвращались къ суровому и дикому монашеству. Лукавый и злой характеръ католицизма развернулся до конца реформаціей, доминиканцы подняли знамя крестоваго похода противъ мысли, іезуиты — Янычары церкви, были недовольны кротостью инквизиціи и папъ—папъ которые въ Ватиканѣ, въ сѣняхъ Сикстинской капелы велѣли на стѣнахъ, нарисовать фрески представляющіе сцены изъ Варѳоломеевской ночи и которыя я видѣлъ.

Силы страны наконецъ также сочтены какъ силы лица. Италія обиженная во всемъ человѣческомъ, занятая чужими солдатами, связанная по рукамъ и ногамъ, казнимая за мысль, отдалась своей судьбѣ, такъ какъ преслѣдуемая, несчастная женщина отдается старческимъ объятіямъ, не изъ любви, — а отъ устали, отъ отчаянія, и однажды отдавшись падасть глубже и глубже.

Прошли двѣсти томныхъ лѣтъ; и въ двѣсти лѣтъ всѣ эти вампиры въ коронѣ и въ тіарѣ не могли высосать ея крови—удивительный народъ!

Люди не даютъ себѣ труда оцѣнивать несчастія. Гёте, который такъ глубоко понималъ природу Италіи и ея искуство, бросилъ ея народу нѣсколько стиховъ злаго укора, въ которомъ нигдѣ нѣтъ ни упованія, ни утѣшенія. Тяжелый сонъ Италіи, ея паденіе, ея слабую сторону онъ схватилъ мѣтко, но пробужденія не предвидѣлъ. "Такъ это то Италія?" говоритъ онъ и отвѣчаетъ "Нѣтъ это ужъ не Италія".

Pilgrime sind wir Alle, die wir Italien suchen,
Nur ein zerstreutes Gebein ehren wir gläubig und froh.

Гёте, который по превосходному выраженію Баратынскаго умѣлъ слушать какъ трава растетъ и понимать шумъ волнъ—былъ тутъ на ухо когда дѣло шло о подслушиваніи народной жизни скрытной, неясной самому народу, необличившейся офиціальнымъ языкомъ. Онъ не могъ совсемъ не видать жизни, прорывавшейся странными и неустроенными проявленіями, для этого достаточно было посмотрѣть на народныя игры, на лица и глаза, послушать пѣсни...онъ видѣлъ и слушалъ, но знаете-ли какъ оцѣнилъ?....

Leben und *Weben* ist hier, aber nicht *Ordnung* und *Zucht*!

Еслибъ въ половинѣ XVIII столѣтія въ Италіи были Ordnung и Zucht — какъ въ Веймарѣ — то навѣрное не было бы risorgimento въ половинѣ XIX столѣтія. Еслибъ можно было привести Итальянцевъ въ порядокъ и покорить ихъ нѣмецкой дисциплинѣ, то они превратились бы въ лаццароновъ, въ монаховъ, т. е. въ лакеевъ, въ воровъ и тунеядцевъ; а при помощи іезуитовъ, тедесковъ и дипломатическихъ вліяній впали бы въ варварство, уничтожились бы какъ народъ. Неуловимая беспорядочность спасла Итальянцевъ.

Не смотря на всѣ дѣйствія, на чужеземный гнетъ, на нравственную неволю, Итальянецъ никогда не былъ до того задавленъ какъ Французы и Нѣмцы. Не надобно забывать что правительства итальянскія прескверно организованы, что ихъ государственные люди также беспечны какъ землелѣльцы. Но главная причина въ томъ, что Итальянецъ не всю свою жизнь

связывалъ съ государствомъ, для него государство всегда было формой, условіемъ, а не цѣлью какъ для Француза; оттого паденіе государства не могло совсѣмъ раздавить человѣка. Крестьянинъ средней Италіи также мало похожъ на задавленную чернь, какъ русскій мужикъ—на собственность. Нигдѣ не видалъ я кромѣ Италіи и Россіи, чтобъ бѣдность и тяжелая работа такъ безнаказанно проходили по лицу человѣка, не исказивъ ничего въ благородныхъ и мужественныхъ чертахъ. У такихъ народовъ есть затаенная мысль, или лучше сказать не мысль, а непочатая сила, непонятная имъ самимъ, до поры, до времени, которая дастъ возможность переносить самыя подавляющія несчастія, даже крѣпостное состояніе.

Послѣ Гете, Французы попробовали завести свои порядки въ Италіи. Французы поступали такъ какъ они всегда поступаютъ — насильственно освобождая. Они выдумали нѣсколько республикъ въ Италіи и устроили ихъ по образу и подобію своего директоріальнаго правленія. Не принимая въ расчетъ ничего индивидуальнаго они гнули Итальянцевъ въ формы выдуманныя въ Парижѣ и которыя Французы добросовѣстно считали равно годными для Отаити и для Исландіи. При всѣхъ недостаткахъ новыхъ республикъ, онѣ были лучше смѣненныхъ правительствъ, они покончили нелѣпыя, феодальныя права, секуляризовали бездну имѣній, дали нѣкоторую свободу мысли и слова. Не смотря на это народъ смотрѣлъ враждебно и недовѣрчиво на новыя правительства, онъ не вѣрилъ въ республики заво-

димые такими республиканцами какъ Бонапартъ и Массена. Время доказало кто былъ правъ народъ-ли принявшій освобожденіе за новую фазу рабства или среднее состояніе бросившееся въ объятія Наполеону, для того чтобъ тотъ могъ ихъ дарить брату Іосифу, зятю Іоахиму, пасынку Евгенію, сестрѣ Полинѣ, собственному сыну и прочимъ сродникамъ изъ Аячіо. Состояніе Италіи послѣ наполеоновскаго періода ухудшилось. Реакція во всей Европѣ была чудовищна, удушливое время отъ 1815 года до 30 не вполнѣ оцѣнено, я совѣтую почитать напримѣръ исторію Волабелы, чтобъ узнать что такое было terreur blanche во Франціи.

Замѣчательно, что въ Италіи реакція дѣйствовала также не національно, какъ революція. Піэмонтъ и Неаполь вздумали пробывать въ двадцатыхъ годахъ у себя заальпійскую монархію съ притѣснительной бюрократіей и съ готовностью войсками подавлять всякой ропотъ. Австрія учреждала Ломбардію на австрійскій манеръ. Противъ реакціи возстала оппозиція въ духѣ Лафайета и Бенжамена Констанъ. Оппозиція была побѣждена, Италія стояла одной ногой въ гробѣ. Метернихъ съ улыбкой повторялъ что "Италія географическій терминъ"; все энергическое, благородное не попавшее въ Шпильбергъ, С. Эльмъ или С. Анджело бѣжало, экспатрировалось. Въ задавленной литературѣ если что-нибудь прорывалось, то это былъ вопль и стонъ безнадежнаго отчаянія Леопарди, доходящій до люциферскаго, мрачнаго смѣха. Но были люди вѣровавшіе въ будущее Италіи, и Маццини, начавшій работать

темной почью для разсвѣта, вполнѣ оправданъ теперь. Вы помните благородныя попытки безумныя до величія, самоотверженныя до безумія, кончавшіяся страшными казнями, новыми залогами, онѣ свидѣтельствовали, что народъ этотъ "не умеръ, а спитъ".

Мрачная эпоха преслѣдованій и казней достигла полной высоты своей избраніемъ Григорія XVI. Людвигъ Филиппъ и Метернихъ съ любовью подали ему руку и его министру Ламбрускини. Король Французовъ посылалъ доносы папѣ римскому, папа римскій посылалъ доносы Метерниху, кардиналъ Ламбрускини помогалъ руской дипломаціи. Тюрьмы въ папскихъ владѣніяхъ къ концу святительства Григорія XVI были до того полны, что во всѣхъ публичныхъ зданіяхъ начали помѣщать — i politici. Наконецъ Романья подала голосъ, наконецъ стонъ Болоньи былъ услышанъ; этотъ стонъ, этотъ голосъ шли изъ другаго начала нежели голосъ оппозиціи о которой мы говорили, это не былъ отголосокъ французскаго либерализма, а негодованіе народа, которому наконецъ нельзя дышать. Григорій XVI понялъ опасность и рѣшился во чтобъ то ни стало задушить народъ. Чтобы не распространяться объ этомъ тупомъ и пьяномъ злодѣѣ и объ его мѣрахъ, я скажу одно, но это одно важнѣе цѣлаго тома in folio: Австрійскій кабинетъ, долго съ умиленіемъ смотрѣвшій на дѣла св. отца, не могъ наконецъ вынести и закричалъ: "basta Santo Padre!" Метернихъ послалъ ноту въ защиту Романьоловъ, въ которой напоминалъ представителю Христа, что есть-же наконецъ мѣра притѣсненіямъ. Объ этомъ папѣ во Французской камерѣ

перовъ С. Олеръ сказалъ на дняхъ "Григорій XVI — былъ святой человѣкъ!"

Наконецъ "святой человѣкъ" умеръ отъ старости и отъ марсалы. Конклавъ избралъ кардинала Мастая Ферретп. Въ избраніи Ферретп — кроткаго, благороднаго Римлянина, участвовало съ одной стороны желаніе дать вздохнуть странѣ, опустить натянутые поводья, съ другой стороны въ его избраніи было славянское желаніе выдвинуть личность ничѣмъ невыдающуюся, "не выскочку, не указчика міру". Конклавъ считалъ на слабость Пія IX и ошибся, именно потому что былъ правъ. Кардиналы, какъ и слѣдуетъ имъ, не взяли въ расчетъ духа времени, эпохи; зная мягкій и слабый характеръ Пія, они не подумали, что положеніе народа и всей Италіи вообще будетъ на него дѣйствовать, что найдутся люди, которые молчали при Григоріи XVI, потому что знали его неблагородную и ограниченную душу и которые будутъ искать вліянія на Пія, душа котораго была раскрыта любви народной и патріотизму. Пій IX въ самомъ дѣлѣ былъ одушевленъ желаніемъ добра, когда сѣлъ на престолъ, первое время его понтификата было истинно поэтической эпохой.

Удивленный народъ не зналъ, вѣрить или не вѣрить такому странному явленію, народныя рукоплесканія и восторженные крики, привѣтствія понравились папѣ. Онъ предложилъ святой коллегіи объявить всепрощеніе политическихъ преступниковъ, кардиналы съ негодованіемъ подали голоса противъ. "Corraggio Santo Padre!" кричалъ ему народъ на улицахъ и Пій IX объявилъ, что по власти данной ему

свыше "вязать и разрѣшать" онъ объявляетъ амнистію.

Крикъ искренняго восторга раздался не только въ церковной области, но во всей Италіи; все уповавшее лучшей будущности окружило Пія IX; они сдѣлали изъ добраго, благонамѣреннаго человѣка — великаго понтифа, освободителя Италіи, величайшаго вѣнценосца въ Европѣ.

Кардиналы содрогнулись отъ досады и сдѣлали вторую ошибку. Вмѣсто того чтобъ нѣсколько обождать, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать на религіозность Пія и испугать его, они выдумали заговоръ подъ начальствомъ Ламбрускини, въ немъ учавствовалъ австрійскій посланникъ, неаполитанскій король, начальникъ шпіоновъ Григорія XVI и разумѣется іезуиты. Они хотѣли силою заставить папу отречся отъ всего имъ сдѣланнаго, и были готовы не только свергнуть его съ престола, если онъ не согласится, но даже убить его, предоставляя себѣ удовольствіе свалить потомъ злодѣйство на либеральную партію. Для этого имъ нужно было народное волненіе, уличной шумъ. Приготовленія къ этому движенію узналъ Чичероваккіо и съ хитростью Итальянца добрался до главныхъ заговорщиковъ. Мысль объ опасности, которой подвергался Пій IX, наполнила ужасомъ Римлянъ, они всѣми мѣрами старались ему показать свою любовь и готовность защищать его своею кровью; Пій еще болѣе сблизился съ своимъ народомъ и разрѣшилъ составленіе народной внутренней стражи—чивики. Имена заговорщиковъ явились публикованными на улицахъ, часть ихъ бѣжала, часть ихъ

переловилъ Чичероваккіо и они до сихъ поръ сидятъ въ крѣпости Сентъ-Анджело и ихъ не судятъ, потому что папа не можетъ рѣшиться посадить съ ними кардинала Ламбурскини.

Съ этого заговора начинается важная роль Чичероваккія во всѣхъ римскихъ движеніяхъ. Il gran popolano простой, честный римскій плебей, знаемый всѣми въ Римѣ и знающій всѣхъ, идолъ черни, трибунъ питейныхъ домовъ и народныхъ сходокъ; онъ давно пріобрѣлъ вліяніе въ Римѣ, къ нему ходили совѣтоваться объ семейныхъ и торговыхъ дѣлахъ, онъ судилъ и разбиралъ ссоры, отдавалъ послѣднія деньги товарищамъ и былъ въ страшномъ почетѣ между ними. Съ избраніемъ папы, Чичероваккіо бросился на политическую арену, онъ принесъ свое вліяніе въ опору меньшинству работавшему съ Піемъ IX въ пользу Рима. Значеніе его съ тѣхъ поръ возросло; упорный защитникъ народныхъ требованій, неутомимый представитель народныхъ нуждъ, онъ тѣмъ больше пріобрѣталъ авторитетъ, что былъ совершенно чистъ характеромъ, не хотѣлъ никакой общественной перемѣны своего положенія и оставался тѣмъ-же плебеемъ какъ былъ по платью, по нравамъ, по языку. Отправляясь къ лорду Минто, онъ по дорогѣ игралъ съ его кучеромъ въ мору и выходя отъ папы шелъ въ кабакъ съ какимъ-нибудь солдатомъ. Съ дня открытія заговора, полиція, замѣшанная въ немъ, изчезаетъ, порядокъ въ городѣ увеличивается, Чичероваккіо исправляетъ такъ сказать должность полицмейстера, ему помогаютъ факины, дровосѣки, и весь народъ. Губернаторъ приказываетъ выслать изъ Ри-

ма неаполитанскаго изгнанника; Чичероваккіо отправляется къ губернатору и говоритъ, что онъ ѣдитъ его провожать, сыскать ему мѣсто и что онъ не отвѣчаетъ—за то что народъ оскорбленный этимъ грубымъ поступкомъ сдѣлаетъ безъ него въ Римѣ; губернаторъ беретъ назадъ приказъ. Порядокъ и тишина въ Римѣ во все послѣднее время, блестящій результатъ муниципальной жизни, это self governement своего рода. Пію IX сначала понравилось такое легкое управленіе. Теперь онъ спохватился захотѣлъ нѣсколько притянуть возжи — Troppo tardi!

На сей разъ довольно.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

—

Неаполь, 25 февраля 1848 г.

Я думаю еслибъ вездѣ былъ такой воздухъ, такой климатъ и такая природа, то было бы гораздо меньше святыхъ и мудрецовъ и гораздо больше счастливыхъ и беззаботныхъ грѣшниковъ. Съ религіозной точки зрѣнія нельзя допустить, чтобъ люди жили на этомъ сладострастномъ берегу и почемъ знать можетъ усердныя молитвы первыхъ христіанъ много способствовали къ изверженію Везувія, погубившему Помпею и Геркуланумъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ тепломъ, влажномъ, волканическомъ воздухѣ, дыханіе, жизнь — нѣга, наслажденіе, что-то ослабляющее, страстное. Самый сильный человѣкъ дѣлается здѣсь Самсономъ остриженнымъ подъ гребенку, готовымъ на всякое увлеченіе и неспособнымъ ни на какое дѣло. Бѣда если къ тому-же кто-нибудь докажетъ что именно увлеченье-то и есть жизнь, а дѣла—вздоръ, что ихъ совсѣмъ и дѣлать не нужно.....

Переходъ отъ римской природы къ неаполитанской до того поразителенъ, до того рѣзокъ, что я хочу сказать нѣсколько словъ о маленькомъ переѣздѣ нашемъ. Печальная Кампанья съ своими водопроводами и голубыми горами пропадающими на горизонтѣ — смѣняется еще болѣе печальными понтинскими болотами; ихъ все торопится миновать, боясь малярiи; сырая почва этихъ потныхъ полей испаряетъ изнурительныя и трудно излечимыя лихорадки; даже стада становятся рѣдки. И въ тоже время возлѣ нихъ степенные на видъ и заброшенные города Велетри, Албано удивляютъ своимъ населенiемъ; это цвѣтъ романскаго племени, каждая женщина типъ правильной, класической красоты, каждый мужчина можетъ служить моделью для художника, и что за грацiя въ движенiяхъ, въ позахъ, что за стройность. Вы этихъ людей знаете на пр. по гравюрамъ съ Робертовыхъ картинъ. Вы можетъ даже согрѣшили передъ живописцемъ, находя нѣкоторую театральность въ положенiи лицъ; намъ это кажется оттого театральностiю, что мы въ вседневой жизни не привыкли видѣть такiя изящныя формы, такую аристократическую породу людей, которымъ ловкость и грацiя врожденна, такъ какъ русскому парню врожденна удаль, такъ какъ нашему ямщику страсть скакать. Робертъ, совсѣмъ напротивъ, удивительно вѣрно поймалъ въ своихъ "жнецахъ" характеръ романскихъ крестьянъ, онъ не забылъ подернуть легкой дымкой задумчивости, и печали всѣ лица, даже тѣхъ которые пляшутъ.

Дикая полоса продолжается до Террачины. Не-

большой городъ угрюмъ, средиземное море безпокойно бьется за старинными воротами его; огромная и совершенно одинокая скала стоитъ у выѣзда. На скалѣ этой жилъ нѣкогда грозной кондотьеръ, о которомъ народъ теперь еще разсказываетъ легенды; около нея жили очень не давно толпы разбойниковъ, уничтоженныя при Львѣ XII. Скала эта превосходно заключаетъ папскія владѣнія, это точка поставленная послѣ римскихъ развалинъ, кампаньи и болотъ.

За скалой начинается природа веселая, смѣющаяся, совсѣмъ иная; населеніе гораздо менѣе красивое, но больше движущееся, шумливое; одичалыя черты лаццарони и подобострастныя манеры неаполитанской черни начинаютъ показываться; серьезной и гордый видъ крестьянина, нищаго, пастуха Кампаньи замѣняется насмѣшливымъ выраженіемъ и движеніями пулчинеллы; на мѣсто величавой, правильной красоты романьольской женщины, внушающей уваженіе, встрѣчаются дерзкіе, зовущіе взгляды, милая вертлявость, неправильныя черты, внушающія чувства вовсе не похожія на уваженіе. Въ неаполитанскомъ населеніи есть что-то фавновское и пріапическое, здѣсь никто и не подозрѣваетъ нѣмецкаго изобрѣтенія платонической любви.

Всю эту разницу двухъ странъ, двухъ природъ, двухъ населеній, вы видите па самомъ рубежѣ ихъ, переѣзжая отъ Террачины до Гаеты. Эта рѣзкость предѣловъ, опредѣленность характеровъ, самобытная личность всего, горъ, долинъ, травы, города, растительности, населенія каждаго мѣстечка—одна изъ главныхъ чертъ и особенностей Италіи. Неопредѣ-

ленные цвѣта, неопредѣленные характеры, туманныя мечты, сливающіеся предѣлы, пропадающіе очерки, смутныя желанія — это все принадлежность сѣвера. Въ Италіи все опредѣленно, ярко, каждой клочекъ земли, каждой городокъ имѣетъ свою физіономію, каждая страсть свою цѣль, каждой часъ свое освѣщеніе, тѣнь какъ ножемъ отрѣзана отъ свѣта, нашла туча—темно до того, что становится тоскливо; свѣтитъ солнце—такъ обливаетъ золотомъ всѣ предметы и на душѣ становится радостно. Федеральность въ самой землѣ, въ самой природѣ итальянской. Какая огромная разница въ характерѣ Піэмонта и Генуи, Піэмонта и Ломбардіи; Тоскана нисколько не похожа ни на сѣверную Италію, ни на южную, переѣздъ изъ Ливурны въ Чивита-Веккію не меньше рѣзокъ какъ переѣздъ изъ Террачины въ Фонди. Ливурна кипитъ народомъ, городъ шумный, оппозиціонный, дѣятельный и торговый—столько-же выражаетъ цвѣтущую и нѣсколько распущенную Тоскану, какъ пустая и безлюдная крѣпость съ высокими, старинными стѣнами, которыя нехотя полощетъ море—выражаетъ неторговый, мрачный, монашескій Римъ.

Но самая рѣзкая противуположность, самый крутой антитезисъ составляетъ Римъ и Неаполь, они столько-же похожи другъ на друга какъ строгая и величавая матрона на рѣзвую, легкомысленную гетеру, какъ Римъ временъ пуническихъ войнъ на Римъ временъ Тиверія и Нерона, искавшій по сочувствію неаполитанскаго неба. Римъ напоминаетъ о бренности вещей, о минувшемъ, о смерти, это вѣчное memento mori, Неаполь объ упоительной прелести настоящаго, о жизни, о carpe diem. Римъ какъ вдова

вѣрная прошедшему, не отрывается отъ кладбища, не забываетъ утраченнаго, его развалины ему больше необходимы, нежели Квириналъ. Неаполь вѣренъ наслажденію, вѣренъ настоящему, онъ бѣснуется и пляшетъ на Геркуланумѣ, т. е. на гробовой доскѣ; дымящій Везувій напоминаетъ ему, что надобно пользоваться жизнію, пока до лавы. Философія Анакреонта и Горація сдѣлалась его кодексомъ, перешла въ нравы.

Поживши въ Римѣ невозможно его не уважать, но отъ Рима устаешь, устаешь такъ какъ отъ людей съ которыми безпрерывно надобно говорить о важныхъ предметахъ. Римъ дѣйствуетъ на нервы, поддерживаетъ натянутое состояніе восторженности—можетъ оттого-то у него и было столько героевъ и столько фанатиковъ. Неаполь нельзя не любить и еслибъ вы только пробыли въ немъ одинъ день, всю жизнь стали бы вспоминать со вздохомъ объ этомъ днѣ.

—Мы пріѣхали вечеромъ. Солнце садилось, пурпуровымъ свѣтомъ освѣщая море, синее, темно-синее, и гору застроенную домами, на которой стоитъ камалдулинскій монастырь и крѣпость С. Элмъ. По мѣрѣ того какъ садилось солнце, дымъ надъ жерломъ Везувія краснѣлъ и струйка каленой и растопленой лавы медленно стекала по горѣ. Улицы кипѣли народомъ, пѣсни, органы, разные инструменты раздавались со всѣхъ сторонъ, маріонетки и пулчинелли—плясали, сыпали скороговорками; на балконахъ стояли дамы между цвѣтовъ, въ окнахъ начали показываться огоньки...я ничего подобнаго и не подозрѣвалъ, просто упиваешься, забываешь

все на свѣтѣ, тѣлесно наслаждаешься собой и природой. Sta viator! лучшаго ты не увидишь "посмотри на Неаполь и потомъ умри"—какъ это глупо!—"Посмотри на Неаполь—и возненавидь смерть!"

Тутъ-то бы кажется и развиваться человѣчеству—такъ нѣтъ, судьба этого удивительнаго края самая жалкая. Неаполь лишенъ даже тѣхъ блестящихъ и яркихъ воспоминаній, которыми себя утѣшали другіе города Италіи во время невзгоды. Онъ имѣлъ эпохи роскоши, богатства, но эпохи славы не имѣлъ. Старый Римъ бѣжалъ умирать въ его объятія, и разлагаясь въ его упоительномъ воздухѣ, онъ заразилъ, онъ развратилъ весь этотъ берегъ. А потомъ одинъ врагъ за другимъ являлись его тормошить и мучить; Неаполь служилъ приманкой всѣмъ дикимъ завоевателямъ Сарацынамъ и Гогенштауфенамъ, Норманамъ и Испанцамъ, Анжуйцамъ и Бурбонамъ. Ограбивши его, не оставляли его въ покоѣ, какъ другіе города, въ немъ жили—потому-что въ немъ хорошо жилось. Какъ-же было не образаватся такой черни какъ лаццарони,—помѣсь всѣхъ рабствъ, нисшій слой всего побитаго, осадокъ десяти-народностей перепутавшихся, выродившихся.

Соперница Неаполя—Палермо и вся Сицилія перенесла многое, но иначе; замкнутый характеръ островитянъ, другой закалъ и менѣе чужаго постоя позволили Сициліи хоть сколько-нибудь дышать, Сицилія—"отечество", Палермо ея столица. Неаполь если хотите не принадлежитъ ни къ чему, это городъ и больше ничего, развѣ прибавимъ къ нему его окрѣстности, да небольшую морскую полоску; онъ

ничего не имѣетъ общаго съ другими частями, никто не любитъ его, кромѣ тѣхъ которые въ немъ. Что за дѣло Абруцамъ и Калабріи до Неаполя; до Палермо дѣло всей Сициліи. Оттого Палермо подставила въ Январѣ свою грудь ядрамъ и пріобрѣла Неаполю представительное правительство.

Въ первые дни, послѣ моего пріѣзда, я увидѣлъ что Неаполитанцы недовѣряютъ обѣщанію Фердинанда II и ждутъ съ трепетомъ 9 февраля, въ которое назначено было объявить новое уложеніе. Король сидѣлъ на запертп въ своемъ дворцѣ, окруженномъ солдатами и пушками. Министры чтобъ дать залогъ народу, велѣли въ силу амнистіи освободить политическихъ арестантовъ изъ С. Эльма, кастель del'Ovo и другихъ мѣстъ заключенія. Народъ толпился у тюремъ въ день ихъ освобожденія. Выходя изъ воротъ они встрѣтили своихъ друзей и либеральную часть населенія, ихъ окружили и повели торжественнымъ шествіемъ по улицѣ Толедѣ; въ café del'Europa былъ приготовленъ для нихъ пышный обѣдъ. Народъ толпился у оконъ кафе. Бывало la roture ходила смотрѣть въ щелочку, какъ пируютъ ея господа; теперь граждане тѣснились чтобъ увидѣть блѣдныя, истомленныя лица колодниковъ, давно отвыкнувшихъ отъ надеждъ, давно сдружившихся съ мыслію о палачѣ, о галерахъ. Для нихъ вѣроятно все казалось сномъ: улица Толедо, богатый кафе, пышный столъ, цвѣты, бокалы, яркое освѣщеніе—и это черезъ часъ послѣ темныхъ казематъ. Ромео, котораго голова была оцѣнена, спокойно пьетъ за независимость Италіи въ café del'Europa! Имъ жмутъ руки, привѣтствуютъ, а вчера боялись

произнести ихъ имяна, какъ будто въ самомъ звукѣ уже слышалась бѣда, соприкосновенность къ дѣлу, пытка.....

Послѣ обѣда ихъ повели въ S. Carlo, окруженныхъ цѣлымъ легіономъ людей, которые несли факелы, дирекція вышла на встрѣчу и просила экс-каторжныхъ занять безденежно первыя мѣста въ сталяхъ оркестра. Конечно это очень хорошо, а все-же жаль что выпуская ихъ—не посадили на ихъ мѣста другихъ..... Дѣло-то было бы попрочнѣе.

Одинадцатаго Февраля, часа въ три передъ обѣдомъ, Санта Лучія покрылась народомъ, который бѣжалъ на дворцовую площадь съ крикомъ: Ha firmato! пошелъ и я. Si, si сказалъ мнѣ мой сосѣдъ, пожилой человѣкъ, ha firmato stamatina.—Eccolo, прибавилъ онъ, и снялъ свою шляпу santo nome di Dio—é per la prima volta, per la prima volta, добавилъ онъ извиняясь. Eviva il re constituzionale—раздалось и не умолкало минутъ десять—шляпы летѣли на воздухъ, народъ сошелъ съума отъ радости. Король съ открытой головой въ длинно-поломъ зеленомъ пальто кланялся на балконѣ народу, низко, очень низко. Возлѣ меня стоялъ Римлянинъ, который ѣхалъ съ нами въ дилижансѣ и котораго я зналъ за рѣшительнаго революціонера. "А что, сказалъ я ему на ухо, вѣдь молодой-то человѣкъ ближе нежели на пистолетный выстрѣлъ".—Ближе, отвѣчалъ С.—"Чего-же зѣваютъ?" Помилуйте въ такой день, когда онъ даетъ конституцію.—"Въ другой день за то онъ не подойдетъ и на пушечный выстрѣлъ, вѣдь мы въ Неаполѣ—carpe diem!" С. улыбнулся (*). Толпа хлынула

(*) Въ 1850 году въ Женевѣ я встрѣтилъ С. изгнанникомъ,—

отъ дворца на Толеду. Что тутъ было въ этотъ вечеръ, не возможно описать, представьте себѣ оргію, въ которой участвуетъ цѣлый городъ; это была политическая Walpurgisnacht, безумная сатурналія, имѣвшая совершенно другой характеръ, нежели римскія демонстраціи. На этотъ разъ не кучка героическихъ арестантовъ праздновала свое освобожденіе, а цѣлое народонаселеніе. Люди съ восторгомъ въ глазахъ, съ разгорѣвшимся лицемъ, со слезами бросались другъ другу въ объятія, незнакомые останавливали незнакомыхъ и поздравляли, домы освѣтились на Толедѣ, Кіаіѣ и Санта Лучіи; нарядныя дамы ѣхали, стоя въ колягкахъ съ факеломъ въ рукахъ и съ крикомъ viva la libertà! полуголые мальчишки прыгали середь улицы, и распѣвали во всю глотку гимнъ въ честь Masaniello на голосъ извѣстной народной пѣсни Perche t'ingriffi com'un gatto, которую пальясы поютъ по улицамъ съ самой уморительной декламаціей. Живость и комизмъ Неаполитанцевъ не могъ не отразится на такомъ праздникѣ, они съ хохотомъ и кривляніемъ, бросая башмакъ на воздухъ и ловя его ногой, кричали viva la costituzione e i maccaroni.

Toledo съ утра кипитъ народомъ, мальчишки пристаютъ съ политическими памфлетами и каррикатурами, такъ какъ прежде приставали съ предложеніемъ цвѣтовъ (обоихъ царствъ растительнаго и животнаго).....Какое-же тутъ писанье.

долго говорили мы о всемъ, что было послѣ моего отъѣзда изъ Италіи. С. вспомнилъ нашъ короткій разговоръ передъ дворцомъ и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ мнѣ " А вѣдь Birbone былъ тогда ближе пистолетнаго выстрѣла".

Прибавлю только что я видѣлъ какъ король присягалъ новому уложенію въ соборѣ S. Francesco di Paolo. Онъ формулу присяги прочелъ громко, но лице его имѣло скверное выраженіе. Въ чертахъ его есть дальнее сходство съ Людовикомъ Филиппомъ, со всѣми Бурбонами и еще больше съ римскими бюстами императорскихъ временъ, съ бюстами Гальбы, Вителія. Лицо его толсто, выражаетъ животную чувственность и лукавую жестокость; нижняя часть особенно развита, взглядъ лишенъ всякой привѣтливости, бакенбарды en collier придаютъ всѣмъ чертамъ что-то неблагородное.

Когда онъ вышелъ изъ собора и сталъ садиться на лошадь, онъ потихоньку перекрестился. — Трусъ и ханжа, какъ-же ему не быть тираномъ.—Прощайте.

Черезъ недѣлю.

Завтра мы ѣдимъ опять въ Римъ. Разскажу вамъ теперь что за происшествіе случилось здѣсь со мной.

Разъ возвращаясь домой я не нашелъ портфель, въ немъ были ломбардные билеты, векселя, кредитивное письмо, и къ тому-же мой пассъ, словомъ, все мое состояніе. Что было дѣлать! я бросился къ Ротшильду, къ графу Феррети, двоюродному брату Пія IX, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Феррети ничего не сдѣлалъ, только нюхалъ какъ-то не по людски и очень противно табакъ. Ротшильдъ, велѣлъ написать рекомендательное письмо къ префекту, графу Тофано.

Отправляясь къ нему, я встрѣтилъ Спини, редактора Эпохи.

Спини предложилъ прежде префекта идти къ Микеле Вальпузо, это былъ революціонный начальникъ неаполитанской черни, въ родѣ Чичероваккія, 15 Мая 48 г. онъ палъ мертвый на улицѣ Толедѣ геройски защищая барикаду. Вальпузо сказалъ "что если портфель цѣлъ и въ Неаполѣ, то его доставитъ", и совѣтовалъ между прочимъ объявить афишами, что я даю сто скудовъ, тому кто найдетъ потерянный портфѐль. На слово "потерянный" онъ особенно налегалъ, говоря что если будетъ сказано : украденный, то никто не принесетъ.

Префектъ принялъ меня очень внимательно, обѣщалъ всевозможную помощь со стороны полиціи, хотѣлъ мнѣ дать агента, двухъ даже, знающихъ городъ какъ свои карманы и совершенно одобрилъ предложеніе Микеля Вальпузо.

Измученные возвращались мы съ Т. мимо огромнаго S. Carlo, возлѣ котораго стоятъ лошади съ Аничкина моста, подаренные Николаемъ своему другу королю.

"Неужели, сказалъ я Т., оттого и въ театръ не ѣхать что меня обокрали ?"

Въ этотъ день король являлся въ театръ мириться съ публикой, аристократическій Неаполь собирался сдѣлать ему въ С. Карло оваціо за подпись уложенія.

Т., какъ настоящій русскій, нашелъ, что дѣйствительно нѣтъ достаточной причины, чтобъ не ѣхать въ театръ. У меня въ кошелькѣ были четыре золотыхъ, на ту минуту это составляло все мое достояніе, два съ половиной я отдалъ за полъ ложи.

Между тѣмъ прошли дня три, о портфелѣ не было

ни слуху, ни духу, я сообщилъ всѣмъ главнымъ банкирамъ въ Европѣ, сообщилъ въ московскій опекунскій совѣтъ. Всякой день таскался я отъ префекта въ остерію, гдѣ Вальпузо завтракая давалъ аудіенціи, отъ Вальпузо къ Феррети, который все также гадко нюхалъ табакъ и утѣшалъ меня тѣмъ, что теперь все управленіе новое, честное, но непривычное и стало для него открыть трудно. Вальпузо повторялъ свое "портфель принесутъ, если онъ въ Неаполѣ".

Наконецъ рѣшился я ѣхать въ русское посольство, тогда еще мнѣ не была заперта дверь нашихъ миссій, но я никогда не пробовалъ ее отворять.

Я безъ отвращенія не могу входить вообще ни въ какое присутственное мѣсто, ни въ какую канцелярію — но въ особенности въ русскую. Тутъ нѣтъ ничего личнаго, я не могу пожаловаться ни на одного посольскаго чиновника; но мысль, что тамъ русскіе дипломаты, чиновники, дѣлаетъ на меня нервное вліяніе, которое на многихъ производятъ тараканы и мыши. Нѣтъ человѣка, который бы боялся таракана изъ-за вреда который онъ можетъ причинить... это чувство невольное, и трудно побѣждаемое. Я изъ Россіи выѣхалъ за тѣмъ, чтобъ не видать офицерства и чиновничества, чтобъ не видать всѣхъ этихъ Поздревыхъ и Хлестаковыхъ, что-же за радость видѣть ихъ на Кіаіѣ, на Санта Лучіи въ виду Везувія и Кастелла-Маре.....

Нужда солому ломитъ...отправился я въ посольство. Сначала кучеръ меня завезъ въ австрійское — такъ въ понятіяхъ Неаполитанцевъ нераздѣльны двѣ имперіи съ своими пернатыми Рита-Христинами на флагѣ.

Когда я сказалъ швейцару мою фамилію, онъ вдругъ такъ мнѣ обрадовался, какъ будто я былъ его родной дядя возвратившійся съ кулями золота изъ Батавіи; онъ засуетился, подалъ мнѣ стулъ—кажется два и послѣ какихъ-то несвязныхъ учтивостей спросилъ меня "такъ это вы, графъ, потеряли портфель?" Ну хотя я и не графъ, а портфель дѣйствительно потерялъ. "Очень радъ, очень радъ, oh que je suis content"!—Я думалъ что это изъ особой тонкой политики министерія для русскихъ посольствъ беретъ швейцаровъ изъ сумашедшаго дома.

— Видите, сказалъ онъ, этого человѣка. Я оглянулся и увидѣлъ больше нежели нужно, потому-что человѣкъ на котораго онъ указывалъ былъ совершенно нагой и только на плечѣ въ должности алмавивы болтался клокъ паруса. Это былъ, худой оливковаго цвѣта, породистый лаццарони, лѣтъ 17 съ плоскимъ лбомъ, съ хищными зубами, весь изъ мускуловъ, весь обозженный солнцемъ. Онъ лежалъ у посольскихъ воротъ и казалось нисколько не заботился о томъ, что дождь накрапывалъ.

— Вижу.—Ну онъ то и нашелъ вашъ портфель.

—Какъ нашелъ?

— Онъ тутъ уже часа три лежитъ, ждетъ чтобъ за вами послали.

— Гдѣ-же портфель?

— У посланника.

— Доложите ему что я здѣсь...

— Его дома нѣтъ. Совѣтникъ посольства тутъ — пожалуйте къ нему — но, сказалъ швейцаръ тихо и выразительно, отворяя дверь и поглядывая на меня

страстнымъ и нѣжнымъ взглядомъ, но графъ, не забудетъ, что первую вѣсть о портфелѣ онъ получилъ отъ меня.

— Не забудетъ—отвѣчалъ я и взошелъ въ канцелярію. Вскорѣ явился человѣкъ въ шитомъ мундирѣ; зачѣмъ онъ былъ въ шитомъ мундирѣ я не знаю.

Ни Швейцаръ, ни Вальпузо, ни Тофано, не сомнѣвались что я—я. Шитый мундиръ сомнѣвался, я началъ съ нимъ говорить по русски, далъ ему записку всего находящагося въ портфелѣ и разсказалъ ему содержаніе писемъ.

Онъ держалъ портфель въ рукахъ и разсматривалъ бумаги.—Я не думаю сомнѣваться, но всѣ эти дѣла должны быть подвергнуты нѣкоторымъ формамъ, сказалъ онъ. Не угодно-ли вамъ написать въ посольство письмо о потерѣ вашего портфеля и просить содѣйствіе императорской миссіи объ отысканіи его. Мы вамъ тогда вашъ портфель и выдадимъ съ свидѣтельствомъ и возмемъ съ васъ росписку.

— Я полагаю что съ этого бы можно начать.

— Невозможно, у насъ свой заведенный порядокъ, отъ котораго не отступаемъ безъ крайности, дѣла должны быть подвергнуты нѣкоторымъ формамъ. Вамъ все равно.

— Позвольте листъ бумаги я здѣсь напишу.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

И такъ въ виду портфеля я попросилъ посольство сыскать его. А чиновникъ велѣлъ другому чиновнику написать мнѣ отвѣтъ "что-де миссія съ удовольствіемъ извѣщаетъ, что въ слѣдствіе ея сношеній съ полиціей портфель отыскана"!!

Я далъ росписку и портфель взялъ. Разскрывая его, я увидѣлъ что рускіе билеты и пассъ были на лице, но что недоставало двухъ векселей тысячь на тридцать и кредитнаго письма.

Я позвалъ лаццарони и просилъ швейцара растолковать ему, что я не дамъ ста скуди, пока онъ не принесетъ всего. Онъ бормоталъ свое—"Я такъ нашелъ, я вечеромъ нашелъ, я что нашелъ то и принесъ."

— Да гдѣ-же портфель былъ четыре дня?

— Тутъ у старичка гдѣ мы живемъ, тутъ и былъ.

— Да гдѣ-же этотъ старичекъ?

— За Dogana di sale.

— Поѣдимъ къ нему.

Смертельно не хотѣлось мальчику ѣхать, однако онъ помѣстился на козлы съ кучеромъ. Сцена эта была неподражаема, онъ свой парусъ надѣлъ какъ русскіе попы носятъ ризу, что его очень мало покрывало, между тѣмъ дождь ливьмя лилъ. Онъ раза два хотѣлъ сойти, но кучеръ изъ нашего отеля, зная въ чемъ дѣло, не пускалъ его.

Лаццарони думалъ, что я его отдамъ въ полицію и совершенно какъ звѣрь косился и посматривалъ на меня. Дома я засталъ Спини и поручивъ ему моего однопаруснаго пріятеля, котораго убѣдилъ что въ полицію не отдамъ, поѣхалъ къ Тофано.

Тофано былъ очень радъ что портфель нашелся и тотчасъ предложилъ схватить лаццарони.

Я отказался. — Мы ему ничего не сдѣлаемъ, а только пугнемъ тюрьмой, онъ завтра все разскажетъ. Полиція теперь не такъ страшна, какъ вы думаете...

мы начинаемъ бояться народа, а не народъ насъ... прибавилъ префектъ смѣясь.

— Я ему обѣщалъ, графъ, что не отдамъ его.

Тофано не настаивалъ, но сказалъ что если мнѣ покажется что-нибудь подозрительнымъ въ домѣ старика или онъ откажется отдать, то что онъ тотчасъ распорядится, а пока лаццарони оставитъ въ покоѣ.

Спини, я и молодой человѣкъ отправились къ старичку за dogana di sale; онъ указалъ въ вороты большаго полуразвалившагося дома, мы въѣхали на вонючій и нечистый дворъ. Въ окнахъ болтались грязныя рубашки, тряпье; домъ былъ похожъ на запущенные казармы, на оставленную фабрику.

Мы взошли въ довольно темныя сѣни, на площадкѣ и въ коридорѣ лежали на камняхъ, по которымъ текла какая-то темная, непрозрачная и подозрительнаго свойства жидкость, нѣсколько лаццарони; все лежало на голыхъ камняхъ, и все было одѣто въ родѣ моего юноши, который отправился за старикомъ сказавъ намъ чтобъ дожидаться его тутъ.

Хилой мальчишка, лѣниво всталъ съ полу и почесывая голову, подошелъ ко мнѣ, растапырилъ ноги и сталъ расматривать меня съ величайшей подробностью.

Старикъ лежавшій неподалеку, толкнулъ мальчишку ногой, такъ что тотъ отскочилъ шага на три, старикъ грубо прикрикнулъ: Пошелъ къ черту, ну что лѣзишь, é un padrone! Но изъ угла послышался сиплой голосъ другаго старика. Siam anche noi padroni — viva l'ugualianza!

— Viva! отвѣчалъ я демократу.

— А что, нѣтъ-ли съ вами сигаръ?

— Есть, — и пять-шесть человѣкъ бросилось на меня. Сигары было три.

Явился старикъ. Его физіогномія, его рѣчь, его движенія я никогда не забуду. Это типическое лицо. Во-первыхъ, онъ былъ довольно чисто одѣтъ, въ родѣ итальянскаго моряка, низенькой, плечистый, съ небольшими, сверкавшими волчьими глазами, онъ какъ-то смотрѣлъ и не смотрѣлъ, мало говорилъ, и все наблюдалъ что дѣлается. По его недовѣрчивому, пытливому взгляду, по безднѣ морщинъ на лбу и щекахъ, по обдуманности съ которой онъ говорилъ, по огню, который иногда прорывался изъ глазъ — можно было догадатся, сколько страстей кипѣло тутъ и сколько борьбы, постоянной борьбы съ обществомъ, онъ вынесъ, борьбы отчаянной изъ-за куска хлѣба, изъ-за крова.

Старикъ началъ говорить на ненаполитан скомъ нарѣчіи, который и Итальянцамъ трудно понимать, говорилъ, что молодой человѣкъ вечеромъ на улицѣ въ углѣ нашелъ портфель, что они было такъ его оставили, но увидѣли объявленіе и послали его въ посольство. Можетъ, говорилъ онъ, и были другія бумаги, кто ихъ знаетъ.

Лица наши ободрили его. Онъ сталъ говорить на чистомъ итальянскомъ нарѣчіи.

—Двадцать пять скудовъ я прибавлю, сказалъ я, къ тому-же по векселямъ денегъ получить невозможно, я уже писалъ, и кто явится съ ними будетъ непремѣнно арестованъ.

— Разумѣется, съ такими векселями арестуютъ и

подѣламъ — какъ-же можно грѣхъ какой . . . . . Мнѣ не нужно вашихъ 25 скудовъ, за рюмку хорошаго коньяку я отдалъ бы вамъ. Да гдѣ-же взять бумаги, знаете какое дѣло, тутъ ребятишки.... Братцы, продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ посланнымъ на грязномъ полу—а слышите, 25 скудовъ прибавки, что не поискать-ли гдѣ — видите какой добрый баринъ.

— Гдѣ искать черезъ пять дней, отвѣчалъ подземный хоръ какъ въ Робертѣ.

— Негдѣ искать — сказалъ старикъ.

Спини разсердился и замѣтилъ—Мой другъ съ вами церемонится, вотъ я сейчасъ отправлюсь къ префекту, я знаю теперь вашъ вертепъ,—непремѣнно надобно повальный обыскъ сдѣлать, тогда и не то отыщится".

Старикъ отвѣчалъ ему смиренно. "Что-же, мудрено-ли обидѣть бѣдныхъ людей, siamo miserabile gente, беззащитные. Воля начальства и повальный обыскъ можно сдѣлать — мы люди маленькіе.

Это была самая торжественная минута старика, говоря смиренно эти слова, у него было въ лицѣ больше нежели иронія, презрѣніе къ намъ. Въ переводѣ его слова значили—сунься, сунься съ полиціей, много найдешъ.

Товарищи его начали что-то поговаривать межъ собой. Спини попробовалъ, съ нимъ-ли пистолетъ, пистолета не было, мы были довольно далеки отъ двери, и между нами и дверями было еще человѣкъ пять вновь взошедшихъ лаццарони. Спини посмо-

трѣлъ на меня, я ему отвѣтилъ сквозь зубы, "у меня ничего нѣтъ".

Легкая улыбка пробѣжала по лицу старика и волчьи глаза сверкнули. "Что вы это въ самомъ дѣлѣ толпитесь, сказалъ онъ, люди пришли толковать о дѣлѣ, всякому своего жаль. Видите какая бѣда, векселя пропали...Что тутъ лезть, искали бы лучше вмѣсто того чтобъ болтаться. Ce sont de braves gens, замѣтилъ онъ мнѣ по французски—mais des paresseux".

Старикъ торжествовалъ, онъ видѣлъ минуту нашей робости послѣ угрозы. Ахъ эти волчьи глаза!

—Ну окончимте, сказалъ я ему, вы можете быть увѣрены, что денегъ по векселямъ не получите, это одно упорство что вы не отдаете. Я даю сто скуди молодому человѣку и 25 вамъ, если принесете. Если нѣтъ вы не пѣняйте на меня, дѣло это извѣстно полиціи. Я даю вамъ срокъ подумать до завтрашняго дня.—Старикъ кланялся, увѣрялъ что не знаетъ что и дѣлать, проводилъ насъ до коляски, жалѣлъ и ничего не обѣщалъ.

Путь до Санта Лучіи былъ довольно далекъ, домъ префекта па дорогѣ, я вышелъ на одну минуту изъ коляски, чтобъ разсказать что было секретарю префекта и прямо поѣхалъ домой.—

Представьте себѣ мое удивленіе, когда первое лицо встрѣтявшее меня у отеля—былъ мой старикъ; на тротуарѣ и на мраморныхъ ступеняхъ лежало человѣка четыре, сильно плечистыхъ лаццарони. На сей разъ къ костюму старика прибавились большіе серебряные очки. Онъ подошелъ ко мнѣ и съ видомъ шестилѣтняго ребенка сказалъ: А я вотъ пришелъ

къ вамъ, послѣ васъ мы всѣ углы перешарили, нашли еще какія-то бумаженки, уже не эти-ли? я хотѣлъ было прочитать, да глаза слабы.

Эти бумаженки были два векселя каждый въ 15,000 франковъ.

—Вотъ давно бы такъ, старикъ. Ну за чѣмъ тратили слова?

—А вы все не вѣрите—вотъ въ углу лежали, за кроватью—ты вѣдь за кроватью нашелъ Бепо?

—За кроватью—отвѣчалъ Бепо, лежа на брюхѣ и отогрѣвая спину каленымъ солнцемъ.

—Хорошо, хорошо, вамъ двадцать пять и ему сто, да я было забылъ, вы хотѣли рюмку хорошаго коньяку, пойдемте, я вамъ отдамъ деньги и выпьемъ вмѣстѣ отличнаго коньяку.

—Ну коли вамъ все равно, отвѣчалъ старикъ, такъ ужъ прикажите слугѣ сюда вынести рюмку, я старъ, поясница болитъ по лестницамъ ходить.

Я расхохотался. Онъ намъ платилъ тойже монетой и не очень довѣрялся.

Этимъ дѣло и кончилось. Но для полноты картины надобно себѣ представить семнадцатилѣтняго дикаго мальчика, одѣтаго въ парусъ, когда я ему далъ сто скуди серебромъ. Онъ не зналъ куда ихъ дѣть, у него не было ни кармана, ни тряпки. Старикъ, отечески улыбаясь сказалъ ему "ты все растеряешь, дай-ка я тебѣ донесу до дому".

Я увѣренъ что мальчику больше десяти скудовъ не досталось.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

—

Римъ, 3 марта 1848.

Мы посиѣли и здѣсь къ концу карнавала. Онъ шелъ вяло, плохо, всѣ заняты другимъ, вниманіе всѣхъ обращено на иное, печальныя вѣсти изъ Ломбардіи мѣшаютъ маскамъ, moccoletti совсѣмъ не были. Сегодня заходилъ ко мнѣ редакторъ "Эпохи" съ вѣстью, что Парижъ вспомнилъ что онъ Парижъ, что строютъ барикады и дерутся.

4 марта утромъ.

Ночью я былъ на маскарадѣ въ Торъ-ди-Ноне. Часу во второмъ въ одной ложѣ, какой-то человѣкъ махалъ платкомъ и подавалъ знакъ, что онъ хочетъ говорить, всѣ обратились къ нему. Romani! закричалъ онъ, сейчасъ получена вѣсть изъ Чивиты, что Парижане выгнали Людовика Филиппа, республика провозглошена. Viva la reppublica Francese! Viva la Francia libera! закричали въ залѣ, morte al caduto malgoverno, viva, viva sempre la reppublica!

Во снѣ это, или на яву? Событія съ каждымъ днемъ густѣютъ, становятся энергичнѣе и важнѣе, усиленный пульсъ исторіи постукиваетъ лихорадочно, личные взгляды и ощущенія теряются въ величинѣ совершающагося. Писать нѣтъ ни малѣйшей охоты. А потому прощайте.

20 апрѣля.

Удивительное время. У меня дрожитъ рука когда я принимаюсь за газеты, всякой день какая нибудь неожиданность, какой-нибудь громовый раскатъ; или свѣтлое воскресенье или страшный судъ возлѣ. Новыя силы пробудились въ душѣ, старыя надежды воскресли и какая-то мужественная готовность на все снова взяла верхъ.

На дняхъ я оставляю Римъ. Разскажу наскоро что здѣсь было въ продолженіи послѣдняго мѣсяца. Вѣсть о провозглашеніи французской республики сильно потрясла всю Италію, Римъ явнымъ образомъ становился республиканскимъ городомъ. А Пій IX въ это время издавалъ тощую и уродливую конституцію—troppo tardi, St. Padre, troppo tardi! Она была принята холодно, она неудовлетворяла ни прогресистовъ, ни іезуитовъ. Григоріанцы кричали противъ нея также громко, какъ друзья Маццини. Одна золотая посредственность была довольна, я говорю о либералахъ, о тѣхъ либералахъ, которые, какъ выразился одинъ берлинскій депутатъ, любятъ одинъ умѣренный прогресъ, и въ немъ больше умѣренность нежели прогресъ.

Конституція Пія хуже неаполитанской, уродливая смѣсь католической теократіи съ англійскимъ пред-

ставительствомъ. Папа и святой коллегіумъ могутъ отвергать всякое предложеніе двухъ камеръ, инквизиція и доминикальные суды остались; дозволялось печатать все свѣтское безъ цензуры, но рѣшеніе вопроса что свѣтское что духовное предоставлялось цензурѣ; раздѣленіе очень трудное тамъ гдѣ министры—кардиналы, гдѣ папа—царь, гдѣ финансовыя мѣры—чуть не догматы и полицейскія распоряженія—оканчиваются эпитиміею. Самое лучшее въ конституціи было то, что она доказала міру возможность коституціоннаго папы, впрочемъ она доказала это въ то время, какъ міръ съ своей стороны сталъ догадываться, что никакого папы не нужно.

Пій IX былъ очень не доволенъ пріемомъ уложенія, онъ видѣлъ что теряетъ послѣднюю популярность, а для человѣка испытавшаго любовь народную не легко ее потерять. Одно могло примирить папу съ народомъ и загладить все сдѣланное, ему слѣдовало объявить войну за Ломбардію и послать папскаго гонфалоньера во главѣ новаго крестоваго похода. Но поступить смѣло, сказать рѣзкое слово войны—это было несовмѣстно съ женскимъ характеромъ Пія. Все что Пій IX дѣлалъ послѣ амнистіи и законѣ о чивикѣ было дѣлано днемъ позже нежели надобно, и поэтому не имѣло никакой цѣли. Далъ бы онъ конституцію тотчасъ послѣ неаполитанскаго возстанія, она была бы принята съ восторгомъ; Пій IX медлилъ, ждалъ—и дождался 24 февраля, всѣ конституціи въ мірѣ поблѣднѣли передъ республикой во Франціи. Въ самую яркую минуту политическаго увлеченія въ Римѣ, онъ обнародовалъ свою дрянную конституцію,

да еще прибавилъ въ манифестѣ, что онъ ее издалъ "побуждаемый быстротою несущихся событій".

Точно тоже сдѣлалъ онъ въ отношеніи къ войнѣ. Новости изъ Ломбардіи были мрачны, Австрійцы, видя неминуемое возстаніе Милана, душили его, во всей Италіи былъ одинъ крикъ — идти на помощь Милану, всякой разъ когда на римскихъ торжествахъ являлось знамя Ломбардіи, покрытое чернымъ крѣпомъ, его привѣтствовали съ изступленіемъ. Всѣ люди послѣдовательные, люди, не шутя хотѣвшіе независимости Италіи и неудовлетворявшіеся кокардами и демонстраціями, требовали войны, ожидали ея. Слухи о томъ что въ Миланѣ все готово къ возстанію, о новыхъ мѣрахъ Австрійцевъ, ясно доказывали, что часъ войны пробилъ. Пій IX молчалъ.

Размолвка съ папой была внутри душъ, его щадили, его выносили на своихъ плечахъ; теперь радикальная партія поняла, что съ нимъ не сладишь и что легче дѣлать безъ него чѣмъ съ нимъ, теперь она отняла свою руку и предоставила его судьбѣ. Когда папа замѣтилъ что волна его подхватившая не покоряется ему, когда онъ увидѣлъ что языкъ, которымъ съ нимъ говорили Римляне, измѣнился,—онъ растерялся, у него закружилось въ головѣ, онъ хотѣлъ остановиться и не дѣлать шагу впередъ. Политическому дѣятелю остановиться и съ тѣмъ вмѣстѣ остаться на своемъ мѣстѣ — невозможно, тутъ выбора нѣтъ, или надобно совсѣмъ отойти отъ несущихся событій или безславно удариться о земь и быть раздавленнымъ или увлекаемымъ противъ воли.

Послѣднее случилось съ Піемъ. Сначала попро-

бовали іезуиты и кардиналы увлечь его въ полную реакцію, они его увѣрили что Римъ на канунѣ возстанія; бѣдный папа издалъ приказъ чивикѣ, которой поручалъ жизнь и собственность своихъ Римлянъ, въ то время какъ въ городѣ все было также покойно, какъ теперь. Одно, и это одно я ставлю въ великое достоинство Пію, сколько ни старались іезуиты, папа не хотѣлъ прибѣгнуть къ дикимъ средствамъ насилія, тюремныхъ заключеній, преслѣдованій силою. Папа хотѣлъ все уладить дипломатически и увѣщаніями; но есть событія, есть эпохи, въ которыя всякая хитрость, всякая дипломація ломается силою стремящагося потока. Пока іезуиты приготовляли толпу къ тому чтобъ вырѣзать особенно вліятельныхъ людей радикальной партіи, пока они нашептывали папѣ и стращали его, совершилось событіе котораго никто не ждалъ — вѣнская революція.

Вѣсть эта, пришедшая въ Римъ почти вмѣстѣ съ вѣстью о возстаніи въ Миланѣ, произвела больше волненія нежели самая вѣсть о 24 февралѣ. Народъ требовалъ чтобъ ударили въ колокола, и праздничный звонъ раздался въ Римѣ; онъ требовалъ чтобъ крѣпость S. Angelo привѣтствовала пушечной пальбой паденіе австрійскаго правительства и возстаніе Ломбардіи и пушечный громъ раздался. Кажется всѣ власти въ Римѣ въ этотъ день забыли, что есть другой господинъ, кромѣ народа; объ другомъ господинѣ никто не думалъ, а волю того, который приказывалъ пятидесятью тысячами голосовъ, исполняли безпрекословно.

Корсо, всѣ большія улицы и площади были по-

крыты народомъ. Кто-то предложилъ идти къ Palazzo Venezia и снять австрійскій гербъ, уничтожить эту ненавистную двуглавую птицу на домѣ посла—questo ucello grifagno—всѣ ринулись туда. Достали лѣстницы, влѣзли и пошла работа; снять тяжелые гербы, прибитые очень высоко было не легко. Плечистый работникъ съ длинной бородой залезъ на гербъ и изчезъ, по временамъ раздавались удары топора, трое молодыхъ людей помогали ему; наконецъ огромный щитъ, гремя цѣпями, которыми былъ прикрѣпленъ, рухнулся на землю, работникъ привязалъ на его мѣсто ломбардское знамя. Народъ бросился съ остервѣненіемъ на гербъ, все наболѣвшее на душѣ, все накопившееся противъ Австріи выразилось въ злобѣ съ которой топтали, ломали ненавистный гербъ притѣсненія, деспотизма и мертвящаго statu quo.

Но этимъ еще не кончилась казнь in effigie. Гербъ привязали къ хвосту осла и отправились торженственнымъ шествіемъ по Корсо.....свистъ и крикъ встрѣчалъ и провожалъ бѣдную двуглавую птицу; мальчишки бѣжали за ней подстегивая и бросая грязью; на Piazza del popolo щитъ сожгли на огромномъ кострѣ и музыка чивики протрубила ему вѣчную память.

Папа медлилъ и тутъ. Допустивши колокольный звонъ и пушечную пальбу, не сдѣлавъ даже виду противудѣйствія оскорбленію австрійскаго герба,—онъ обсылался теперь съ посломъ; въ то время, какъ "Эпоха" вечеромъ печатала la guerra é dichiarata all'Austia, non dal governo, ma dal popolo Roma-

по. На другое утро почта изъ Милана не пришла, волненіе усилилось. На третій день разнесся слухъ, что Австрійцы одолѣваютъ....тогда раздался новый крикъ all'armi! all'armi!

Народъ хотѣлъ начать свои военные подвиги съ римскаго арсенала; тутъ въ первый разъ сталъ онъ обвинять папу въ томъ, что онъ дѣйствуетъ за одно съ Австріей. Министры, особенно Галетти, убѣдили Пія IX уступить народному желанію, и дать ему оружія; они ему доказали, что правительство рѣшительно не имѣетъ средствъ противудѣйствовать. Папа все сдѣлалъ не-хотя, безъ теплаго слова, уклончиво.

Галетти прискакалъ на первомъ извощикѣ, который ему попался на Piazza del popolo съ вѣстью и объявилъ что распоряженіе сдѣлано на счетъ раздачи оружія. Вѣсть эта, разумѣется, была принята съ восторженными криками. Вслѣдъ за Галетти показалась у фонтана возлѣ обелиска толстая, но довольно красивая фигура священника, онъ требовалъ рѣчи. "Римляне, сказалъ онъ, въ колизей! Въ колизеѣ васъ ждутъ Ломбарды, тамъ приготовлена книга, въ которую желающіе идти на войну могутъ записываться, времени терять нечего. За мной въ колизей". Народъ разступился чтобъ дать пройти отцу Гавацци и пошелъ за нимъ въ колизей мѣрнымъ и важнымъ шагомъ, гордо забрасывая край грязной шинели на плечо.

Зрѣлище въ колизеѣ было поразительное; дѣло шло къ вечеру, заходящее солнце яркими полосами входило въ арки; несмѣтная толпа народа покрывала середину; на аркахъ, на стѣнахъ, въ полуобвалившихся

ложахъ, вездѣ, сидѣли, стояли, лежали люди. Въ одной изъ выдающихся ложъ былъ Pater Gavazzi, усталый, обтирая потъ—но готовый снова говорить. Тутъ я слышалъ его рѣчь слово отъ слова, это настоящій народный ораторъ—простота, энергія, сильный голосъ, рѣзкіе жесты и притомъ добродушный видъ. "Есть время, говорилъ онъ, когда Богъ мира становится Богомъ войны; на груди моей возлѣ распятія трехцвѣтная кокарда освобожденія. Клянусь передъ этимъ распятіемъ идти впередъ, дѣлить всѣ ваши труды, всѣ опасности—раненный найдетъ меня для помощи, умирающій для послѣдняго утѣшенія, для молитвы объ немъ; даже тотъ кто оробѣетъ найдетъ мой ободряющій взглядъ, мой примѣръ". Въ этомъ родѣ онъ говорилъ больше часу, его рѣчь электризовала массы, онъ зналъ свою аудиторію, иныя фразы его покрывались криками восторга. "Юноши Рима, вамъ я чуть было не забылъ сообщить радостную вѣсть, мы предложили начальникамъ вольныхъ отрядовъ васъ поставить въ первые ряды, вы первые сразитесь за свободу Италіи и падая будете думать о томъ, что защищаете собою отцовъ семейства,—но падутъ нѣсколько, чистыхъ и великихъ жертвъ, остальные изъ васъ, первые взойдутъ на непріятельскія стѣны съ хоругвію освобожденія—мы тамъ увидимся—до свиданія!". Вслѣдъ за Гавацци явился Чичероваккіо, онъ держалъ за руку прелестнаго отрока, лѣтъ пятнадцати, снялъ свою шляпу, поклонился народу съ своей простонародной граціей, велѣлъ мальчику снять шляпу и сказалъ "Мнѣ очень хотѣлось идти въ Ломбардію"...Гавацци и другіе стоявшіе

на трибунѣ, перебили его словами—Анджело Брунетти долженъ остаться здѣсь, намъ легче будетъ тамъ, когда онъ будетъ здѣсь.—"Да, продолжалъ il popolano, я не могу идти....ну что-же я сдѣлаю для войны, Romani? у меня есть сынъ, é mio sangue, я его отдаю отечеству, пусть онъ идетъ въ первыхъ рядахъ". Онъ обнялъ юношу. Гавацци пожалъ руку Чичероваккію—и утеръ слезу. Народъ грянулъ Viva Cicerovacchio! Раздраженный и взволнованный съ утра, я не вытерпѣлъ, слезы катились у меня градомъ—и вѣрите-ли? теперь вспоминая я плачу. Это одна изъ лучшихъ минутъ того времени. (*)

Подъ одной изъ арокъ сидѣли нѣсколько человѣкъ за столомъ покрытымъ сукномъ и осѣненнымъ знаменами Ломбардіи и Италіи, тутъ толпилась молодежь записываться, каждому давали для отмѣтки кокарду; на дворѣ смерклось, зажгли факелы около этого страннаго рекрутскаго набора, народъ остался въ полутемнотѣ, вѣтеръ качалъ знамена, испуганныя птицы непривычныя къ такимъ посѣщеніямъ, кружились надъ головой—и все это обнятое исполинской рамой колизея.....

Многія матери не дочлись въ этотъ день своихъ сыновей. Одинъ изъ редакторовъ Эпохи разсказывалъ мнѣ что когда онъ воротился въ редакцію, онъ нашелъ на столѣ письмо къ одному изъ собственниковъ жур-

(*) Послѣ взятія Рима, Чичероваккіо и его сынъ отправились въ Ломбардію—Гарибальди дѣлалъ тамъ послѣднія усилія съ своими легіонерами, противустоять лавинѣ бѣлыхъ мундировъ, отступая какъ раненный левъ. Середь этихъ битвъ безслѣдно изчезаетъ Чичероваккіо и его юноша, въ 1856 открылось только, что герой Popolano и мученикъ сынъ были разстрѣляны безъ всякаго суда австрійскими офицерами! (1858)

нала; нисколько не подозрѣвая содержанія, редакторъ занесъ ему его, письмо было отъ семнадцатилѣтняго молодаго человѣка къ своему отцу, онъ писалъ: "Любезные родители, вашъ Титъ записался въ ополченіе; простите меня, я чувствовалъ, что не нашелъ бы силы разстаться съ вами, еслибъ я пришелъ простится и увидѣлъ ваши слезы,—я поступилъ въ ломбардскій отрядъ, который нынче отправляется на почтовыхъ".

На третій день, часу въ четвертомъ утра меня разбудилъ барабанный бой, я открылъ окно, первые вольные отряды выступали; разумѣется, объ мундирахъ никто и не думалъ, ранецъ, ружье, тесакъ, патронташъ и большая кокарда на шляпѣ составляли всю форму. Народъ провожалъ ихъ, ополченцы вѣроятно гуляли всю ночь, у нѣкоторыхъ были еще зажженные факелы, патеръ Гаванци шелъ впередъ. На Piazza del popolo ударили сборъ, построили ратниковъ въ колону, полковникъ объѣхалъ верхомъ ряды, все вмѣстѣ было что-то не весело и сумрачно, небо было покрыто тучами, рѣзкій, холодный утренній вѣтеръ дулъ передъ восхожденіемъ солнца, женщины плакали, мужчины жали руки, цаловались.

—Трррр — рамъ — тамъ, тамъ, трррр — рамъ, колона двинулась, а жители стали расходится, у всѣхъ было тяжело на душѣ, всѣ пріуныли, всѣ думали сколько то воротится изъ этихъ свѣжихъ, молодыхъ людей, и кто именно воротится. Война, свирѣное отвратителное доказательство безумія людскаго, обобщенный разбой, оправданное убійство, апотеоза насилія.—а человѣчеству еще придется подратся, прежде возможности мира!

На всѣхъ площадяхъ выставлены большіе столы для приношенія вещей и денегъ; приносятъ бездну, я видѣлъ золотыя и серебреныя вещи, мѣдные баіокки, и груду скудовъ на Piazza Colona.

Пій IX дозволялъ отправится волонтерамъ, но не приказывалъ (какъ объясняла официальная газета) ибо святой отецъ не считаетъ совмѣстнымъ съ своимъ званіемъ объявить войну. Странное явленіе въ исторіи этотъ Пій IX; два-три благородныхъ порыва, два-три человѣческія дѣйствія поставили его во главу итальянскаго движенія, окружили его любовью, ему стоило только продолжать, по-крайней-мѣрѣ не мѣшать; нѣтъ, слабыя плечи его ломются подъ тяжестью великаго призванія. Онъ стоитъ на рубежѣ двухъ сильныхъ потоковъ и то одинъ уноситъ его съ собою, то другой. Великая судьба его, его преслѣдуетъ, навязываетъ ему свои дары, а онъ упорно отказывается, вредитъ дѣлу и себѣ. Пусть бы онъ удалился куда-нибудь. Изъ благодарности за свѣтлыя минуты начальнаго risorgimento, память его осталась бы не запятнанною, не осмѣянною. Пора наконецъ понять, что невозможно быть папой и человѣкомъ, царемъ и гражданиномъ, что тутъ есть неразрѣшимый антагонизмъ.

Я былъ на площади св. Петра, когда папа глубочайшимъ образомъ оскорбилъ ополченье, отказываясь благословить знамя ихъ. Есть въ жизни торжественныя минуты, требующія такой полноты и такаго сочетанія всѣхъ элементовъ, минуты, въ которыя такъ натянуты всѣ нервы, всѣ чувства,—что малѣйшая неудача, малѣйшій несозвучный тонъ, который въ

обыкновенное время прошелъ бы едва замѣчаннымъ, страшно дѣйствуетъ, огорчаетъ, сердитъ. Именно въ такую-то минуту св. отецъ и оскорбилъ Римлянъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что благословеніе украли, начальники колоны подошли подъ благословеніе Пія, когда онъ выходилъ изъ кареты, у нихъ въ рукахъ были знамена. Пій благословилъ ихъ, а не знамена!

Я смотрѣлъ на всю эту комедію и отдуши желалъ этому благонамѣренному старику, или этой старой бабѣ называемой Pio nono, не только честной, но и скорой кончины, для того, чтобъ онъ могъ дать добрый отвѣтъ на страшномъ судилищѣ исторіи.

Послѣ выхода волонтеровъ, въ числѣ которыхъ ушла доля Чивики, Римъ опустѣлъ, сдѣлался еще угрюмѣе, весна поддерживала нервное раздраженіе, столько-же, сколько ломбардскія новости. Сообщенія были отрѣзаны войною, ожиданіе, страхъ волновали всѣхъ; на улицахъ вслухъ читались журналы, мальчики бѣгали съ новостями и кричали la disfatta di Radetzky—un baiocco—un baiocco per la diffatta degli Austriachi—la fuggita del arciduca Raniero—un baiocco e mezzo! la reppublica proclamata in Venezia, e viva il leone di S. Marco! due, due baiocchi!—Съ утра бѣжишь на Коросо, слушать выдуманныя и не выдуманныя новости, и вѣришь, и не вѣришь; а тутъ каждая иностранная газета приноситъ одну вѣсть мудренѣе другой. Такимъ взволнованнымъ, оживленнымъ и ждущимъ обыкновеннаго, ѣду изъ Рима.

Что то будетъ изъ всего? Прочно-ли все это? Небо не безъ тучь, временами вѣетъ холодный вѣтеръ

изъ могильныхъ склеповъ, нанося запахъ трупа, запахъ прошедшаго; историческая Tramontana сильна, но чтобъ ни было, благодарность Риму за пять мѣсяцовъ, которые я въ немъ провелъ. Что прочувствовано—то останется въ душѣ и всего совершеннаго—не сдуетъ-же реакція!

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

—

Парижъ, 10 Іюня 1848.

Снова, любезные друзья, настаетъ время воспоминаній о быломъ, гаданій о будущемъ,—небо опять покрыто тучами, въ душѣ злоба и негодованіе..... мы обманулись, мы обмануты. Трудно признаваться въ этомъ будучи тридцати пяти лѣтъ.

Пятнадцатаго Мая сняло съ моихъ глазъ повязку, даже мѣста сомнѣнію не осталось, революція побѣждена, вслѣдъ за нею будетъ побѣждена и республика. Трехъ полныхъ мѣсяцовъ не прошло послѣ 24 февраля, "башмаковъ еще не успѣли износить" (*) въ которыхъ строили баррикады, а ужъ Франція напрашивается на рабство, свобода ей тягостна. Она опять совершила шагъ для себя, для Европы и опять испугалась увидивши на дѣлѣ то, что звала на словахъ, за что готова была проливать кровь.

Я былъ пятнадцатаго Мая съ утра до ночи на улицѣ, я видѣлъ первую колону народа, пришедшую

(*) Гамлетъ объ своей матери.

къ камерѣ, я видѣлъ какъ ликующая толпа отправилась изъ собора къ ратушу, я видѣлъ Барбеса въ окно Hôtel de Ville, я видѣлъ кровожадную готовность національной гвардіи начать рѣзню и торжественное шествіе побѣдоноснаго Ламартина и побѣдоноснаго Ледрю-Роллена изъ ратуши въ собраніе. Спасители отечества, изъ которыхъ одинъ подъ рукой помогалъ движенію, а другой кокетничалъ съ монархистами, ѣхали верхами безъ шляпъ, провожаемые благословеніями буржуазіи. Барбесъ и его товарищи отправились въ тоже время осыпаемые проклятіями въ тюрьму. Собраніе побѣдило. монархической принципъ побѣдилъ, часовъ въ девять вечера я пришелъ домой. Горько мнѣ было. Дома я засталъ одного горячаго республиканца, онъ тогда завѣдывалъ меріей XII округа. "Республика ранена на смерть, ей остается теперь умереть, сказалъ я ему"—"Allons donc!" замѣтилъ мой демократъ, съ тѣмъ французскимъ легкомысліемъ, которое въ иныя минуты бываетъ возмутительно—"Ну такъ ступайте за вашимъ ружьемъ и стройте баррикады".—Nous n'en sommes pas encora là, придетъ время построимъ и барикады. Собраніе ничего не осмѣлится сдѣлать". Мой пріятель могъ на досугѣ взвѣсить истину своихъ словъ, его схватили, когда онъ шелъ домой и отправили въ консьержри (*).

Когда я въ Римѣ читалъ списокъ членовъ временнаго правленія, меня разбиралъ страхъ; имя Ламартина непредвѣщало ничего добраго, Марастъ былъ прежде извѣстенъ за большаго интриганта—

(*) Гдѣ я его и видѣлъ въ 1851 году.

потомъ эти адвокаты, эти неизвѣстности; одинъ Ледрю-Ролленъ будто что-то представлялъ, Луи Бланъ и Алберъ стояли особо,—что было общаго между этими людьми? Потомъ огромность событій заслонила лица. Вдругъ они напомнили о себѣ, одни тайной измѣной, другіе явной слабостью. Отдавая обстоятельствамъ то что имъ принадлежитъ, мы не покроемъ однако ими людей, люди тоже факты и пусть несутъ отвѣтственность за свои дѣла, кто ихъ заставлялъ выйти на сцену, взяться своими слабыми руками за судьбы міра; гдѣ ихъ призваніе гдѣ помазаніе, если они и уйдутъ отъ желѣзнаго топора, то не уйти имъ отъ топора исторіи.

Съ какимъ восторгомъ летѣлъ я снова въ Парижъ, какъ было не вѣрить въ событія, отъ котораго потряслась вся Европа, въ событія, на которыя отвѣчала Вѣна, Берлинъ, Миланъ. Но Франція назначена всякой разъ излѣчивать меня отъ надеждъ и заблужденій.

Въ Марселѣ я прочелъ о страшномъ усмиреніи руанскаго возстанія, это была первая кровь послѣ 24 февраля, она пророчила дурное...

Пятаго Мая мы пріѣхали въ Парижъ.

Онъ много измѣнился съ Октября мѣсяца. Меньше пышности, меньше щегольской чистоты, богатыхъ экипажей — больше народнаго движенія на улицахъ; въ воздухѣ носилось что-то рѣзкое и возбужденное, со всѣхъ сторонъ вѣяло девяностыми годами, чувствовалось что революція вчера пронеслась по этимъ улицамъ. Толпы работниковъ окружали своихъ ораторовъ подъ тѣнью каштановъ въ

тьюльрійскомъ саду, деревья свободы на всѣхъ перекресткахъ, часовые въ блузахъ и пальто, косидьеровскіе монтаньяры съ большими красными отворотами и съ сильно республиканскими, театрально воинственными лицами (*), расхаживали по улицамъ, стѣны были облеплѣны политическими афишами, изъ оконъ Тьюльри выглядывали раненые герои баррикадъ, въ больничныхъ шинеляхъ и съ трубкой въ зубахъ, на бульварахъ и большихъ улицахъ толпы мальчиковъ и дѣвочекъ продавали съ крикомъ и съ разными шалостями журналы, прокламаціи ; знаменитый крикъ : Demandez la grrr-ande colère du Père Duchêne, — un sou — il est bigrrr-ement en colère le père Duchêne, un sou—cinq centimes! раздавался между сотнею новыхъ. Мѣлкая торговля отталкиваемая въ дальнія кварталы и переулки чопорной полиціей Дюшателя, разсыпалась по бульварамъ и елисейскимъ полямъ, придавая имъ цыганскую пестроту и удвоенную жизнь. При всемъ этомъ не было слышно ни о какихъ безпорядкахъ и середь ночи можно было ходить по всему Парижу съ величайшей безопасностью.

Собраніе открылось на канунѣ моего пріѣзда, это не было торжественное, полное надеждъ открытіе 89

(*) Игра въ солдаты и страсть рядиться въ мундиръ и придавать себѣ видъ свирѣпыхъ "трупье", обща всѣмъ Французамъ. Ледрю-Ролленъ, отдавая разъ приказаніе генералу Курте о сборѣ національной гвардіи на смотръ, прибавлялъ: "Употребите ваше содѣйствіе, чтобъ офицеры штаба не сказаки беспрерывно во весь опоръ, взадъ и впередъ, по улицамъ, придавая Парижу видъ города осаждаемаго непріятельскимъ войскомъ". Отчасти все это остатки уродливой имперіи, сильно исказившей старую Францію революціонную, но отчасти этѣ наклонности принадлежатъ самому народу.

года. Народъ парижскій и клубы встрѣтили его съ недовѣріемъ, правительство презирало его въ душѣ; всѣ оттѣнки политическихъ партій, не соглашаясь ни вчемъ, были согласны что это собраніе ниже обстоятельствъ; нравственное 15 Мая было совершено въ совѣсти у всѣхъ за десять дней. Горестная судьба собранья, которое было ненавидимо прежде нежели успѣло сказать слово; для того чтобъ компрометировать представителей, генералъ Курте, кажется или Косидьеръ заставилъ ихъ выйти на перестиль и передъ народомъ провозгласить Республику.

Начальныя засѣданія ожидаемыя съ страшнымъ нетерпѣніемъ поразили всѣхъ своей необычайной безцвѣтностью; характеръ собранія ярко обозначался при этомъ первомъ пріемѣ за дѣло, оно бросилось въ подробности, занялось вопросами второстепенными, адвокатскій, прокурорскій и доктринерскій тонъ прежнихъ камеръ, остался въ національномъ собраніи. Положимъ что вопросы, которыми собраніе занималось были дѣльны, но мало-ли на свѣтѣ дѣльнаго, попавши на эту дорогу, можно работать года два-три, до поту лица и не разрѣшить ни однаго изъ тѣхъ вопросовъ, которые даютъ рѣзкой тонъ, дѣлаютъ переворотъ, и впередъ рѣшаютъ тысячу второстепныхъ вопросовъ.

Національное собраніе, слѣдуя благородной поговоркѣ charité bien ordonnée, тотчасъ вотировало своему президенту право призывать національную гвардію не только парижскую, но и изъ департаментовъ на защиту собранія. Оно боялось. Трусость одна изъ самыхъ выдающихся сторонъ его; собраніе

чувствовало ложность своего положенія, оно видѣло что не представляетъ ни народъ, ни революцію, ни даже реакцію, что дѣйствительной почвы у него нѣтъ; что Парижъ, народъ и роялисты не за него; что за него часть мѣщанъ, пресные реакціонеры, помѣшанные на идеѣ внѣшняго порядка—и больше никого; что въ немъ уважаютъ не его, а первый результатъ всеобщей подачи голосовъ.....

Ламартинъ явился передъ собраніемъ временнаго правительства съ отчетомъ, онъ велъ подъ руку честнаго, но выжившаго изъ ума Дюпонъ де Лёра, показывая что онъ только подставъ преклоннаго и уважаемаго старца. Ламартинъ говорилъ своимъ извѣстнымъ напыщеннымъ слогомъ; его рѣчи похожи на взбитыя сливки, кажется берешъ полную ложку въ ротъ, а выйдетъ нѣсколько капель молока съ сахаромъ; для меня онъ несносенъ на трибунѣ, Французы удивляются ему — стало онъ оправданъ вполнѣ. Ламартинъ смирялся передъ собраніемъ, льстилъ ему, называлъ его владыкой и самодержцемъ. Собраніе было довольно и предложило вотировать, что временное правительство заслуживаетъ благодарность отечества; оно терпѣть не могло временнаго правительства, особенно трехъ членовъ его Ледрю-Роллена, Луи-Блана и Альбера, но хотѣло заплатить за учтивость учтивостью и на починѣ сказать спасибо правительству за его смиренный видъ. Казалось это пройдетъ безъ спора — вышло не такъ.

Барбесъ потребовалъ рѣчи. Его появленіе на трибунѣ сдѣлало сильное впечатлѣніе, всѣ ждали съ нетерпѣніемъ что онъ скажетъ; такіе люди даромъ

не говорятъ ; Барбесъ, котораго остроумная Сѣверная Пчела не иначе называетъ какъ "каторжникъ и убійца" — пользуется огромнымъ преимуществомъ людей, которыхъ твердость и чистота выше всякаго подозрѣнія; его убѣжденія были ненавистны собранію, его личность, его прошедшее, его извѣстность, его долгія страданія, такъ героически вынесенныя, внушали неловкое, досадное, но непреодолимое уваженіе. Барбесъ считалъ нужнымъ, прежде нежели собраніе покроетъ своей благодарностью всѣ дѣйствія правительства, потребовать у него отчета во многомъ. "Я протестую, говорилъ онъ, противъ ряда дѣйствій, въ слѣдствіе которыхъ оно лишилось народности. Вы помните руанскія — убійства?.." при словѣ убійства неистовый крикъ à l'ordre! перебилъ оратора, дальше мѣщане не могли слушать, кровь убитыхъ ими или ихъ товарищами подымалась имъ въ голову, не какъ угрызеніе совѣсти, а какъ ободреніе продолжать, если не дѣломъ, то симпатіей, то оправданіемъ. Ораторъ выждалъ окончаніе бури и продолжалъ, спокойно и гордо глядя на парламентскую чернь, "я говорю объ убійствахъ сдѣланныхъ національной гвардіей въ Руанѣ";—снова шумъ— "я напомню вамъ колоны Поляковъ, Белговъ, Нѣмцевъ преданныхъ на истребленіе. Когда эти вопросы уяснятся, будемъ благодарить правительство, но не прежде; до тѣхъ поръ, я протестую противъ этой благодарности во имя народа".

Въ послѣднихъ словахъ лежало много смыслу, для тѣхъ кто знали авторитетъ Барбеса на клубы и на весь революціонный Парижъ ; но увлеченное собра-

ніе хотѣло однако наказать смѣлаго республиканца, оно вотировало тотчасъ и почти единогласно благодарность децемвирамъ.

Барбесъ остался съ десяткомъ своихъ друзей противъ всего собранія; грустно и задумчиво качая головой, сѣлъ онъ на свое мѣсто и замолчалъ до 15 Мая (*). Отблагодаривши временное правительство, собраніе назначило исполнительную коммиссію изъ пяти человѣкъ; коммиссія составила министерство изъ журнальныхъ поденщиковъ Насіоналя, прибавивъ къ нимъ знаменитаго стенографа Флокона какъ образчикъ Реформы. Луи Бланъ, и Альберъ были отстранены отъ правительства, слово соціализмъ дѣлалось уже клеймомъ, которымъ обозначали людей, отверженныхъ мѣщанскимъ обществомъ и преданныхъ на всѣ полицейскія преслѣдованія. Собраніе не хотѣло слышать о министерствѣ работъ. Члены исполнительной коммиссіи, потеряли всякое довѣріе искреннихъ республиканцевъ выборомъ министровъ, на нихъ смотрѣли какъ на ренегатовъ или какъ на орудіе интригъ Мараста, который сидя у себя въ меріи передергивалъ людей и подсовывалъ своихъ корректоровъ и батырщиковъ.

Четвертаго Мая открылось собраніе, десятаго оно было ненавидимо всѣмъ Парижемъ, исключая партіи Насіоналя и тупорожденныхъ либераловъ. Димократическіе клубы вотировали поздравленія Луи Блану и Альберу. Самыя случайности дѣлали несчастное

(*) Барбесу отвѣчалъ Сенаръ, защищая руанскую бойню, онъ этой рѣчью рекомендовался Парижу и остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.

собраніе еще болѣе нелюбимымь и смѣшнымъ; такъ напр., упорное отвращеніе Беранже отъ званія представителя, его вольтеровскія письма объ этомъ, его мольбы пощадить его сѣдины, унизили собраніе всею славою любимаго, народнаго поэта. Послѣ десятаго Мая всѣ ожидали чего-то, всѣмъ казалось невозможнымъ чтобъ эта торговая баня, чтобъ этотъ толкучій рынокъ могъ стоять во главѣ Франціи и Парижа. Журналы были полны укора, въ кафе, на улицахъ, всѣ говорили съ жаромъ противъ собранія, на площадяхъ и углахъ улицъ собирались всякой день группы, въ клубахъ дѣлались (какъ говорятъ роялисты) зажигательныя предложенія, произносились судорожныя рѣчи. Такъ подошло пятнадцатое Мая.

Пятнадцатое Мая было великимъ протестомъ Парижа противъ устарѣлаго притязанія законодательныхъ собраній на самодержавіе, за которымъ всегда и вездѣ пряталась монархія, реакція и весь дряхлый общественный порядокъ. Чего не осмѣлился сдѣлать Робеспьеръ 8 термидора, передъ чѣмъ онъ, передовой человѣкъ революціи 93 года, остановился и лучше хотѣлъ снести голову на плаху, и снесъ ее, нежели рѣшился спастись противно своимъ началамъ, въ силу которыхъ самодержавіе принадлежало одному конвенту—то сдѣлалъ Парижскій народъ 15 Мая.

Вотъ отчего консерваторы и либералы на старой ладъ опрокинулись съ такой яростью на Барбеса, Бланки, Собріе, Распаля; вотъ отчего въ этотъ день собраніе и исполнительная коммиссія, ненавидившія другъ друга, бросились другъ другу въ объятія. Ро-

листы схватились за оружіе для того, чтобъ спасти Республику и національное собраніе. Спасая собраніе, они спасали монархическое начало, спасали безотвѣтную власть, спасали конституціонный порядокъ дѣлъ, злоупотребленіе капитала, а наконецъ и претендентовъ. По ту сторону виднѣлась не Ламартиновская республика, а республика Бланки т. е. республика не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ; по ту сторону представлялась революціонная диктатура, какъ переходное состояніе отъ монархіи къ республикѣ; suffrage universel, нелѣпо и бѣдно не приложенный къ одному избранію деспотическаго собранія, а ко всей администраціи, освобожденіе человѣка, комуны, департамента, отъ подчиненія сильному правительству, убѣждающему пулями и цѣпями. Собраніе опертое на національную гвардію побѣдило, но нравственно оно было побѣждено 15 мая, оно держится какъ всѣ отжившія учрежденія единственно силою штыковъ, и не дошло даже до того, чтобъ журналисты говорили объ немъ безъ явнаго презрѣнія.

— Для того чтобъ сдѣлать понятнымъ пятнадцатое Мая и странное положеніе республики, которая пятится назадъ съ половины Апрѣля, т. е. черезъ семь недѣль послѣ революціи, необходимо бросить взглядъ на предшествовавшія обстоятельства, которыя потрясли всю Европу. Революція 24 Февраля вовсе не была исполненіемъ приготовленнаго плана; она была геніальнымъ вдохновеніемъ парижскаго народа, она какъ Паллада, вышла разомъ вооруженная и грозная изъ народнаго негодованія; это ударъ грома внезапно осуществившій давно скопившіяся, но далеко

незрѣлыя стремленія. Февраля двадцать третьяго ни Людвигъ Филиппъ, ни Гизо, ни министры, ни Реформа, ни Насіональ, ни оппозиція, ни даже люди построившіе первыя баррикады не предвидѣли чѣмъ окончится 24 Февраля. Хотѣли реформы — сдѣлали революцію, хотѣли прогнать Гизо—прогнали Людовика Филиппа, хотѣли провозгласить право банкетовъ—провозгласили республику; утромъ мечтали о министерствѣ Тьера или Одилонъ-Баро, вечеромъ Одилонъ-Баро больше отсталъ нежели Гизо. Какъ-же это случилось? De l'audace, говорилъ С. Жюстъ, да, дерзкая смѣлость, отвага—тайна переворотовъ особенно парижскихъ. Горсть людей принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ, мужественно дравшаяся на барикадахъ, опираясь на благородные инстинкты парижскихъ работниковъ, провозгласила республику и дала такой толчекъ всей Европѣ, что теперь еще нельзя предвидѣть чѣмъ кончится это повсюдное броженіе. Разумѣется, республиканская партія существовала, она, обманутая 30 Іюля, пережила бойню въ Cloître St. Méry, рѣзню въ улицѣ Транснопенъ, потерю всѣхъ своихъ корифеевъ, отъ Барбеса и Бланки до Алибо — записывая въ свою печальную хронику одни удары, несчастія, открытыя гоненія и судебные приговоры. Она имѣла мало надеждъ. Арманъ Карель качалъ головой во время битвы, Годфруа Каваньякъ говорилъ передъ смертью съ мрачнымъ отчаяніемъ: "это правительство износитъ насъ всѣхъ, мы состаримся въ безплодной и неровной борьбѣ!"

Съ 1840 года дѣйствительно прекращается откры-

тая борьба. До 1840 года у правительства былъ еще стыдъ, или если не стыдъ, то осторожность, оно боялось прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, оно не было совершенно увѣрено въ полномъ, безграничномъ сочувствіи буржуазіи. Оно убѣдилось наконецъ, что маска не нужна; дѣйствующая часть народа, т. е. та часть, которая имѣла гражданскія права, была достаточно развращена, чтобъ дѣйствовать за-одно съ правительствомъ. Выборы—съ малыми изъятіями были въ рукахъ министровъ, подкупы дѣлались открыто, половина камеры состояла изъ чиновниковъ, остальная часть была втянута въ разныя финансовыя операціи, для успѣха которыхъ надобно было не распадаться съ правительствомъ. Достаточная буржуазія давала свои голоса правительству, правительство давало ей свои штыки, на защиту всѣхъ злоупотребленій капитала. У нихъ былъ одинъ общій врагъ—пролетарій, работникъ,—они соединились противъ него, при этомъ союзѣ были пожертвованы республиканцы и національная гордость. Пониженіе электоральнаго ценса послѣ 1830 года заставило всплыть страшную дрянь въ камеру. Пониженіе ценса остановилось на границѣ народа и буржуазіи, оно не ввело въ камеру элемента чисто народнаго, а подняло въ нее всю чернь средняго сословія. Гизо понялъ круговую поруку буржуазіи съ правительствомъ, онъ понялъ что она гораздо больше боится народа нежели власти; вооруженный Тьеровыми сентябрскими законами, онъ пошелъ прямѣе къ цѣли. Методическій, холодный, притѣснительный по характеру и властолюбивый до нельзя, Гизо посвятилъ

себя на уничтоженіе доли пріобрѣтеннаго Франціей съ 89 года; Гизо кальвинистской попъ, трезвый, желчевой, безчувственный фанатикъ, сказалъ съ высоты трибуны, задавленному трудомъ и нуждой работнику, "работа вамъ необходима, это единственная узда на которой васъ можно держать".

Семь лѣтъ постоянныхъ удачь развили болѣе увѣренности въ Гизо нежели въ самомъ королѣ, они забылись. Умѣй Гизо остановиться во время, онъ сдѣлалъ бы гораздо больше вреда, онъ отдалилъ бы 24 февраля, онъ успѣлъ бы еще больше пріучить къ подкупамъ, къ симоніи всѣхъ родовъ, еще глубже растлить все нравственное въ общественномъ мнѣніи, но онъ слишкомъ рано принялъ тонъ побѣдителя, онъ не хотѣлъ даже хранить благопристойнаго вида, увлекаясь желчевымъ характеромъ и мелкими личностями. Часть буржуази испугалась, видя петербургскія замашки министровъ. Министерство не боялось партіи умѣреннаго прогресса; надобно было видѣть своими глазами презрительный тонъ Гизо, его видъ, его отрывистую рѣчь, когда, вынужденный реформистами взойти на трибуну, онъ противупоставлялъ свою талантливую дерзость—бездарной горячности Одилонъ Баро.

Другаго рода протестація порядку вещей слышалась иногда какъ будто изъ-подъ земли... какой-то тяжелый стонъ раздавался по временамъ, не въ камерѣ, не въ Насіоналѣ, не въ Реформѣ, а въ мастерской, у изголовья умирающихъ отъ нужды, а иногда въ ассизахъ, Gazette des Tribunaux записывала его, не понимая что дѣлаетъ. На лавкѣ подсудимыхъ

часто слышались страшныя признанія и страшныя обвиненія безобразному общественному устройству отъ людей, которые отправляясь на галеры, въ тюрьмы, бросали мрачныя слова на прощанье; но кто-же ихъ слушалъ?....

Таково шли дѣла передъ революціей, такъ засталъ я ихъ пріѣхавши въ Парижъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1847 ода.

Не могу вамъ выразить тяжелаго, болѣзненнаго чувства, которое овладѣло мною, когда я нѣсколько присмотрѣлся къ міру окружавшему меня. Мы привыкли съ словомъ Парижъ сопрягать воспоминанія великихъ событій, великихъ массъ, великихъ людей, 1789 и 1793 года; воспоминанія колосальной борьбы за мысль, за права, за человѣческое достоинство, борьбы продолжавшейся послѣ площади, то на полѣ битвы, то въ парламентскомъ преніи. Имя Парижа тѣсно соединено со всѣми лучшими упованіями современнаго человѣка, я въ него въѣхалъ съ трепетомъ сердца, съ робостью, какъ нѣкогда въѣзжали въ Іерусалимъ, въ Римъ. И что-же я нашелъ—Парижъ описанный въ ямбахъ Барбье, въ романѣ Сю, и только. Я былъ удивленъ, огорченъ, я былъ испуганъ, потому что за тѣмъ ничего не оставалось какъ сѣсть въ Гаврѣ на корабль и плыть въ Нью-Іоркъ, въ Техасъ. Невидимый Парижъ тайныхъ обществъ, работниковъ, мучениковъ идеи и мучениковъ жизни —задвинутый пышными декораціями искуственнаго покоя и богатства—не существовалъ для иностранца. Видимой Парижъ представлялъ край нравственнаго растлѣнія, душевной устали, пустоты,

мелкости; въ обществѣ царило совершенное безучастіе ко всему выходящему изъ маленькаго круга пошлыхъ ежедневныхъ вопросовъ.

У Французовъ средняго состоянія, мы встрѣчаемъ кромѣ исключеній, какое-то образованное невѣжество, видъ образованія при совершенномъ отсутствіи его, этотъ видъ обманываетъ сначала; но вскорѣ начинаешь разглядывать невѣроятную узкость понятій, ихъ умъ такъ неприхотливъ и такъ скоро удовлетворяемъ, что Французу достаточно десятка-два мыслей, сентенціи Вольтера или Шатобріяна, Ламартина или Тьера или того и другого вмѣстѣ, чтобъ довольствоваться ими и покойно учредить нравственный быть свой лѣтъ на сорокъ, къ этому у него прибавляются практическія правоученія взятыя изъ подслащенной морали à la Жанлисъ, кой-какія преданія, которыя онъ уважаетъ неразсуждая, и кодексъ котораго онъ боится.

У Французовъ нѣтъ потребности идти далѣе, идти въ глубь, никакой смѣлости мысли, никакой истинной инищіативы; они достигаютъ большой ловкости навыкомъ, они рутинисты по преимуществу, всѣ эти roués изъ roués Тьеры, Марасты ничего не понимаютъ въ соціальномъ вопросѣ. Они умны и ловки въ своемъ извѣстномъ кругѣ, за предѣлами его — они пошлы и глупы. Посмотрите ихъ возраженія, смѣшно читать, они знаютъ что соціализмъ враждебная имъ партія, что ее надобно уничтожить, мастерски подведутъ guet-à-pens, но не поймутъ въ чемъ дѣло. Одна господствующая страсть поглощала всѣ мысли и досуги средняго состоянія—стяженіе,

нажива, ажіотажъ; эта страсть вмѣстѣ съ національной скупостью Французовъ, вытравливаетъ въ ихъ сердцѣ не только любовь къ ближнему, къ истинѣ, но уваженіе къ себѣ. Изданіе журнала, выборъ депутата, голосъ въ камерѣ, все это было торговымъ оборотомъ, едва прикрытымъ условными фразами. Сила банкировъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ была чрезвычайная; министерство боялось больше всѣхъ золъ распаденія съ капиталистами.

Англичанинъ тоже расчетливъ, онъ купецъ, для него пріобрѣтеніе выгоды составляетъ цѣль оборота, онъ въ него вноситъ всю свѣтлость своего практическаго ума, это его дѣло, его занятіе; но закрывая бухгалтерскую книгу, онъ дѣлается въ свою очередь потребителемъ, охотно бросаетъ свои гинеи, хочетъ пожить на свой ладъ, онъ имѣетъ свои капризы, которые не подчиняетъ деньгамъ. Французъ, увлеченный въ денежныя дѣла, дѣлается лишеннымъ всѣхъ страстей и желаній, онъ ни въ какомъ случаѣ не забудетъ финансовой стороны вопроса, онъ впередъ подкупленъ опасеніемъ денежной утраты. Можетъ быть это свидѣтельствуетъ, что Французамъ не свойственна исключительно комерческая дѣятельность, они въ ней словно теряютъ тактъ и мѣру, потому что это не ихъ дѣло; можетъ оно и пройдетъ какъ временное зло, какъ уродливое и послѣднее проявленіе буржуазіи, можетъ.....но такимъ я засталъ среднее состояніе въ Парижѣ.

Прибавьте къ страсти стяжанія страсть власти, жажду мѣстъ, которую заражены всѣ политическіе люди, къ какой бы партіи они бы ни принадлежали.

Мы видѣли въ послѣднее время съ какою яростью редакторы Насіоналя и Реформы бросились на мѣста и какъ важно подняли они потомъ свой демократической носъ, замаранный голландской сажей. При такомъ нравственномъ паденіи буржуазіи, при невѣжествѣ крестьянъ, при подозрительной чистотѣ оппозиціи и либеральной партіи, при страшныхъ средствахъ административной централизаціи, министры Людовика Филиппа могли смѣло поступать какъ хотѣли, храня наружный видъ законности. Но послѣднее опять не въ духѣ Французовъ, я это вмѣняю имъ въ достоинство. Французъ не можетъ остановиться на фарисейскомъ толкованіи буквы, какъ Англичанинъ, не можетъ довольствоваться существенной выгодой побѣды, онъ хочетъ еще внѣшняго торжества, униженія противника.

Противникъ съ своей стороны, точно также, перенесъ бы пораженіе, но возстаетъ противъ оскорбленія. Сверхъ дерзкаго тона, министры впали въ вѣчную ошибку всѣхъ консерваторовъ, они не умѣли оцѣнить своего врага, они не знали этой несокрушимой упорности небольшой кучки республиканцевъ, готовыхъ выходя изъ тюрьмы въ тотъ-же день продолжать заговоръ и начинать новую попытку — эти исключительныя явленія во французской жизни приводятъ въ удивленіе своей твердостью, своимъ героическимь постоянствомъ. Къ тому-же люди правительства слишкомъ презирали работниковъ послѣ Ліона, Cloître St. Méry и Трансноненской улицы, они были увѣрены что армія и національная гвардія задавятъ ихъ — и ошиблись. Людовикъ

Филиппъ не даромъ толковалъ, качая головой, о Парижѣ et ses aimables faubourgs. Старый король видѣлъ les sections первой революціи, онъ самъ стоялъ дежурнымъ при входѣ въ якобинское собраніе; а Гизо началъ собственно знать Французовъ послѣ взятія Парижа союзными войсками. Сверхъ всего не надобно забывать что семнадцатилѣтняя проповѣдь самаго грубаго эгоизма и самаго нечистаго поклоненія матеріальнымъ выгодамъ и спокойствію — не могла образовать особенно преданныхъ и самоотверженныхъ защитниковъ іюльскому трону.....

Въ Октябрѣ 47 г. я уѣхалъ въ Италію, оставивъ Парижъ въ самомъ мрачномъ состояніи, надежды на 24 февраля никакой не было. Воровство, продажа перства и крестовъ, подкупы министровъ, убійства въ герцогскихъ комнатахъ, крапленныя карты въ Тюльри, кража лѣсовъ королемъ, министръ Юстиціи пойманный въ публичномъ домѣ, сынъ короля (Монпансье) выброшенный изъ дому почтеннымъ генераломъ за неприличное повѣденіе—вотъ чѣмъ были полны журналы и разговоры. Депутаты отвѣчали на обвинительные документы—вотируя спасибо министрамъ уличеннымъ въ плутняхъ.

Вы помните рядъ событій, который привелъ къ 23 и 24 февраля, я намѣренъ только слегка ихъ коснутся, время исторіи этого переворота еще не настало, мы еще мало знаемъ его закулисную сторону, а его офиціальную сторону мы еще помнимъ изъ газетъ и брошюръ.

Вы знаете въ какое положеніе Гизо поставилъ Францію къ концу 1847 года. Все вліяніе на Европу

было утрачено изъ-за мелкихъ династическихъ интересовъ; всѣ симпатіи народа были пожертвованы для того, чтобъ простили испанскіе браки и революціонное начало іюльскаго трона. Франція не могла держаться даже на той высотѣ, на которой была за десять лѣтъ, она дѣлалась второстепеннымъ государствомъ. Правительства перестали ея бояться, народы начинали ненавидѣть. Узкая, эгоистическая, мѣщанская политика, ставившая миръ выше всего и невозможную теорію de la non intervention ключемъ свода, не мѣшали Гизо запятнать Францію явнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла Португаліи и тайнымъ въ дѣла Швейцаріи. Въ обоихъ случаяхъ Франція играла ту самую роль, которую реставрація — столько проклинаемая—принимала на себя въ 1822 относительно Испаніи — роль военной экзекуціи, полицейскаго усмиренія. Португалія была задавлена изъ учтивости къ королевѣ Викторіи—Пальмерстономъ, и изъ учтивости къ Пальмерстону — Франціей. Въ Люцернѣ выставили на площади пушки французской артиллеріи, потихоньку присланныя зондербунду.

Для довершенія благородной политики недоставало одного—союза съ Австріей противъ Италіи. Дѣйствительно, всѣ симпатіи кабинета были въ пользу statu quo. Гизо безпрерывно унималъ Пія IX, даже Карла Альберта, мѣры котораго онъ находилъ слишкомъ либеральными. Французской посланникъ въ Туринѣ протестовалъ противъ дозволенія печатать въ Генуѣ пѣсни, въ которыхъ говорятъ оскорбительно объ Австрійцахъ. Союзъ съ Россіей — было одно изъ пламенныхъ желаній Гизо. Бакунина выслали изъ

Парижа по требованію русскаго посланника, князю Чарторижскому не позволили праздновать своихъ имянинъ.

При всемъ этомъ нельзя было не замѣтить характеръ мѣщанина въ дворянствѣ, которое принимало правительство, вышедшее изъ баррикадъ, и министръ изъ профессоръ. Аристократическія симпатіи англійскаго министерства-тори естественны и потому просты. Поспѣшность, съ которой Гизо протягивалъ руку всему аристократическому, стараніе прикрыть революціонное происхожденіе трона 1830, отрѣчься даже отъ 1789 года и выдать себя за страшнаго тори, за страстнаго консерватора — было очень смѣшно. Французскому министерству, какъ всѣмъ parvenus, при всѣхъ стараніяхъ не удавалось стать на одну ногу съ аристократически-монархическою Европой. Россія имѣла повѣреннаго въ дѣлахъ, которому въ концѣ 1847 дала названіе посланника....за то съ какой радостью, съ какой благодарностью Гизо протянулъ руку Метерниху—когда тотъ ему дозволилъ это. Мишле былъ правъ, говоря что глубже пасть невозможно.

Камера 47—48 собралась. Большинство оказалось еще плотнѣе за министерство нежели въ прежней. Гизо вмѣсто отвѣта указывалъ оппозиціи рукою на свою когорту. Парламентскими путями трудно было сломить министерство. Появленіе Ламартина на трибунѣ было событіемъ; долгое время онъ держалъ себя въ сторонѣ, его "Жирондисты" были новымъзнакомъ жизни, вслѣдъ за тѣмъ рѣчь въ Маконѣ, глаза многихъ обратились на него, его считали чистымъ человѣкомъ

потому-что онъ ничего не дѣлалъ. Рѣчь его потрясла министерство, на равнѣ съ другою рѣчью — хотя втораго оратора, совсѣмъ на оборотъ, никто не уважалъ. Тьеръ произнесъ нѣчто въ родѣ смертнаго приговора политикѣ Гизо. Дерзкій Гизо сломился подъ тяжестью этихъ рѣчей. Забывая свою матеріальную силу большинства, лично уязвленный, онъ сдѣлалъ опытъ побѣдить своимъ талантомъ — ему это удавалось — но отвѣтъ его былъ неловокъ, блѣденъ. Униженный какъ дипломатъ и политикъ, оскорбленный какъ ораторъ, гибнущій отъ ударовъ сладкоглаголиваго стихотворца и политическаго афериста, онъ спасся бы еще, какой-нибудь парламентской штукой, но ему пришлось выпить до конца униженіе и горечь, онъ долженъ былъ еще потерять въ это засѣданіе послѣдній вѣнокъ, который такъ шелъ къ его квекерскому челу — вѣнокъ безкорыстія. Многіе, не любя Гизо, считали его человѣкомъ правдивымъ, но увлекшимся доктринаризмомъ, системой — маленькимъ Стафордомъ, и не смѣшивали его съ людьми въ родѣ Дюшателя и Эбера. И что-же? ограниченнѣйшій изъ смертныхъ, Одилонъ Баро, сорвалъ съ него этотъ вѣнокъ, доказавши, что Гизо семь лѣтъ не только терпѣлъ продажу мѣстъ, но бралъ отеческое участіе въ распоряженіяхъ, условіяхъ.....

Законъ уничтожающій право собираться на общественные банкеты былъ вотированъ. Торжество большинства впрочемъ было не весело, трусливое и купленное стадо депутатовъ начинало подозрѣвать, что это даромъ не пройдетъ, оно готово было оставить министерство на томъ условіи, чтобъ оппозиція оста-

вила банкетъ. Такое примиреніе было невозможно, скорѣе coup d'état. "Еслибъ и у насъ, сказалъ... и кто-же?—Кобденъ послѣ 24 Февраля — въ парламентѣ, нашлось министерство настолько глупое или преступное чтобъ осмѣлилось предложить законъ противъ мирнаго собранія гражданъ и мы бы взялись за оружіе".

Ропотъ сдѣлался всеобщъ. Министерство соглашалось было дозволить банкетъ, но уже Одилонъ Баро думалъ объ отступленіи, Тьеръ рѣшался не идти на него....Видя эту слабость, полиція заперла залу въ которой приготовлялся банкетъ, Делессеръ объявлялъ городу нелѣпымъ циркуляромъ о причинахъ; министерство сзывало войска и готовилось. Мѣра эта дѣйствительно возмутила Парижъ, волненіе распространилось по всему городу. Правительство, не совсѣмъ увѣренное въ національной гвардіи, не било сбора, одни муниципалы свирѣпствовали какъ всегда на улицахъ; войска собиравшіяся были печальны.

Національная гвардія, созванная наконецъ, собиралась съ крикомъ "да здравствуетъ реформа, долой министерство!" Король рѣшился уступить. Перемѣна министровъ успокоила было народъ, но люди видѣвшіе далѣе, не хотѣли потерять такой случай, они поняли, что не скоро опять взволнуешъ весь Парижъ и что не скоро найдешь такой поводъ къ возстанію, въ которомъ національная гвардія стояла бы за-одно съ народомъ. Они устроили знаменитую прогулку по бульварамъ которая окончилась залпомъ у Hôtel des Capucines и баррикадами во всемъ Парижѣ 24 Февраля.

Утромъ 24 Февраля немудрено было понять, что правительство не устоитъ; напрасно Тьеръ уступилъ мѣсто Одилонъ Баро, напрасно Одилонъ Баро въ синихъ очкахъ верхомъ ѣздилъ на барикады и самъ поздравлялъ народъ съ назначенiемъ такаго славнаго министерства. Реформы было не достаточно и на барикадахъ тамъ-сямъ поговаривали о республикѣ.

Король отказывался отъ престола въ пользу внука. Бюжо просилъ дозволенiя бомбардировать Парижъ, и не получивъ его, выругался и вышелъ вонъ отъ короля надѣвъ въ дверяхъ шляпу. Эмиль Жирарденъ шумѣлъ въ кабинетѣ Людовика Филиппа, народъ приближался къ Тьюльри, событiя неслись съ страшной быстротою.

Бюро Реформы и Насiоналя кипѣли охотниками царствовать. По мѣрѣ того какъ народъ побѣждалъ, они росли въ предпрiимчивости. У нихъ тѣмъ больше было досуга обдумать и приготовить планъ какъ завладѣть движенiемъ, чѣмъ меньше они участвовали въ томъ, что происходило на площади. Они отойдя въ сторону предложили себѣ вопросъ, на который не только никто не отвѣчалъ, но который еще не былъ поставленъ: "Что-же теперь?" — Реформа хотѣла провозгласить республику, Насiональ довольствовался регентствомъ, онъ во имя регентства отправилъ уже Гарнье Пажеса въ Ратушу, но обойденный обстоятельствами Марастъ тотчасъ согласился на республику и составилъ свой листъ временнаго правительства. Листъ этотъ онъ отправилъ въ Реформу для взаимнаго соглашенiя, Реформа возстала противъ имени Одилонъ Баро, который не отличился

храбростью въ дѣлѣ банкета XII округа, его вычеркнули и потомъ согласились въ главныхъ лицахъ. Реформа ввела трехъ своихъ: Ледрю-Роллепа, Флокона и Луи Блана.

Король, которому отказалъ отъ мѣста Эмиль Жирарденъ, какъ будто бы онъ былъ фельетонистомъ въ Прессѣ, уже садился въ карету и первыя колоны народа подступали къ карусельской рѣшеткѣ; а двѣ спасающія отечество редакціи продолжали еще толковать объ именахъ, не согласившись рѣшительно ни въ чемъ кромѣ въ объявленіи республики. Онѣ были такъ заняты лицами, что даже не подумали объ афишахъ; работниковъ не было; Прудонъ, не принадлежавшій ни къ какому приходу и пришедшій узнать что дѣлается въ Реформу, набралъ афишку, отпечаталъ ее и отдалъ Торэ, который бросился на баррикады отыскивать Альбера чтобъ вмѣстѣ съ нимъ раздавать афиши.

Между тѣмъ побѣда народа становилась полною. Вслѣдъ за королемъ изчезло все правительство. Людовикъ Филиппъ такъ мало понялъ, такъ плохо зналъ народъ, которымъ правилъ 17 лѣтъ, что счелъ нужнымъ для полнаго позора обрить свои сѣдые бакенбарды и надѣть пальто англійскаго шкипера, чтобъ скрыться отъ погони — которой за нимъ не было — misére! Онъ удалился одинокой, безъ преданныхъ людей. Правда, и министры бѣжали, но не для того чтобъ раздѣлить судьбу короля — а боясь галеръ.

Камера сидѣла повѣся носъ, она боялась очень справедливо народной мести. Но народъ побѣдившій

почти безъ боя, не успѣлъ разсердиться и покричавши не много à la mort Guizot, вовсе забылъ о мелкихъ плутахъ, помогавшихъ ему. Столько-ли это было благоразумно, какъ великодушно — не знаю, но скорѣе думаю противное. Прибѣжалъ Тьеръ, растерянный, безъ шляпы, сказалъ: la marée monte— monte—monte—и замолчалъ. "Вы министръ?" спросили его. Онъ покачалъ головою и ушелъ. Министерскія лавки были пусты, предсѣдатель совѣта, Одилонъ Баро, забавлялся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, самъ извѣщая Францію телеграфомъ о своемъ назначеніи.

Послѣ отъѣзда короля явилась герцогиня Орлеанская съ Немурскимъ и съ графомъ парижскимъ; на дворѣ камеры была припрятана маленькая лошадка разукрашенная, на ней долженъ былъ маленькій король проѣхаться по большому городу. Камера готова была провозгласить регентство, Дюпенъ, уже со слезами на глазахъ просилъ записать въ журналъ, что герцогиню встрѣтилъ народъ на мосту съ восторгомъ; какъ по несчастію онъ самъ, т. е. народъ, ворвался при этихъ словахъ въ камеру и далъ ему полнѣйшее démenti.

Мари предложилъ учредить временное правленіе, основываясь на необходимости взять сильныя мѣры для того, чтобъ остановить растущее зло и обуздать безначаліе. Эту рѣчь, диктованную страхомъ и желаніемъ занять мѣсто въ правительствѣ, вмѣнили Мари въ достоинство; кровь еще текла по улицамъ, а благоразумные люди принимали ужъ мѣры противъ побѣдителей и составляли прави-

тельство. Одилонъ Баро отстаивалъ регенство. Ларошъ Жакленъ иронически замѣтилъ, что разсуждать о регентствѣ вовсе не дѣло камеры, что вообще депутаты "теперь ничего не значатъ, совершенно ничего." Эта выходка взбѣсила центры, они думали что тронъ можетъ упасть, а они таки останутся на своихъ мѣстахъ. Созэ сдѣлалъ замѣчаніе оратору—это былъ его послѣдній rappel à l'ordre! Онъ вскорѣ вовсе пропалъ, прочитавши впрочемъ народу параграфъ устава, которымъ запрещается говорить постороннимъ въ камерѣ. Новыя толпы взошли середь елейной рѣчи Ламартина; онѣ были съ баррикадъ, вооруженныя и готовыя на все. Кто-то прицѣлился изъ ружья въ Созэ, Созэ спрятался за трибуну и съ тѣхъ поръ изчезъ изъ парламентской исторіи.

Послѣ энергической рѣчи Ледрю-Роллена, при шумѣ и крикѣ прибывающей толпы, привели старика Дюпенъ де Лёра и заставили его провозглашать имена временнаго правительства. Народъ подтверждалъ крикомъ, par acclamation.

Почему именно этимъ людямъ въ руки попалась судьба народа освободившагося за минуту до того? Знали-ли они что-нибудь о желаніяхъ, о нуждахъ этого народа, подвергались-ли они за него смерти, они-ли побѣдили? или можетъ у нихъ была мысль новая, плодовитая? поняли-ли они лучше другихъ современное зло, придумали-ли они средства ему помочь?....

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Они заняли мѣсто потому, что нашлись люди довольно смѣлые чтобъ выбирать не

на баррикадахъ, а въ бюро журнала, чтобъ провозглашать ихъ имена не на мѣстѣ битвы, а въ побитой камерѣ. Народу не дали опомниться, временное правительство явилось передъ ними совсѣмъ не кандидатами, а готовымъ правительствомъ. Ламартинъ и люди Насіоналя во главѣ движенія были великимъ несчастіемъ для Франціи. И что могло выйти изъ двуглаваго правительства руководимаго Ламартиномъ и Ледрю Ролленомъ? Ледрю-Ролленъ хотѣлъ во чтобъ ни стало утвердить республику, Ламартинъ обуздать революцію. Ледрю-Ролленъ шелъ въ правительство для того, чтобъ двигать впередъ, Ламартинъ для того, чтобъ подставлять ногу, чтобъ тормозить движеніе; Ледрю-Ролленъ хотѣлъ нести революцію въ Белгію и Германію, Ламартинъ въ Мартѣ мѣсяцѣ писалъ въ Швейцарію, чтобъ не очень настаивать на признаніе республики, "мы де не знаемъ прочна-ли она?"

Ламартинъ и люди Насіоналя были испуганы успѣхомъ. Они привыкли къ мелкой парламентской оппозиціи, къ безопасно-революціоннымъ тостамъ на банкетахъ, къ удали журнальныхъ статеекъ и къ безкровному задору краснорѣчивыхъ отвѣтовъ съ бокаломъ въ рукѣ — а вдругъ побѣдили королевство, сѣли на тронъ. Они никогда не уважали себя настолько, чтобъ считать себя достойными побѣды. Первая мысль пришедшая имъ въ голову была противъ революціи. Они хотѣли обуздать народъ, они хотѣли скорѣе порядка, скорѣе выйти изъ революціоннаго состоянія—зачѣмъ они торопились? Затѣмъ что чувствовали слабость своихъ плечь; затѣмъ, что

въ нихъ было чисто буржуазное, оскорбительное недовѣріе къ пароду. А между тѣмъ народъ велъ себя эти дни удивительно. Я не стану повторять пошлыя похвалы за то, что не крали въ Тьюльри, ни хвалить глупцовъ, которые растрѣляли какихъ-то бѣдняковъ, за то что они взяли что-то изъ королевскихъ вещей, регуловскія черты буржуазной добродѣтели меня не трогаютъ, но нельзя не упомянуть о порядкѣ во всемъ городѣ, о безопасности для людей извѣстныхъ народу, банкировъ, судей, полицейскихъ .... Вмѣсто спасиба этому народу, люди втѣснившіе себя въ правительство, расточая ему лесть, убаюкивая его какъ льва, втайнѣ ковали ему оковы, замѣняя на нихъ королевскій штемпель словомъ республика съ ея громовымъ девизомъ.

Дѣйствительные участники движенія были въ Ратушѣ. Они, не успѣвъ перевести духа послѣ битвы, собирались въ этомъ Эскуріалѣ революцій съ той-же цѣлью — избрать правительство, какъ вдругъ разнесся слухъ что правительство выбрано, въ камерѣ и идетъ къ нимъ сопровождаемое толпами народа. Пикто не спросилъ—кѣмъ выбрано, когда, по какому праву?... всѣ торопились узнать имена новыхъ господъ. Изъ этого ясно, что димократическая партія была незрѣла, что у ней не было ничего готоваго, что народъ вообще до такой степени привыкъ быть управляемъ другими, что сейчасъ удовольствовался правителями взятыми въ рядахъ парламентской и журнальной оппозиціи, не сообразивъ, что край буржуазнаго радикализма противъ Гизо становился ретрограднымъ въ отношеніи къ соціализму и пролетаріату.

Когда новое правительство явилось въ hôtel de Ville, оно догадалось пустить Ледрю - Роллена впередъ. Ему кричали со всѣхъ сторонъ: "хочетъ-ли онъ провозгласить республику"? Ледрю-Ролленъ отвѣчалъ, что онъ не признаетъ никакого избранія кромѣ избранія народомъ, что вся цѣль его желаній провозглашеніе республики. Народъ тотчасъ призналъ его за члена временнаго правительства. Ламартину предложили тѣже вопросы; онъ смѣшался, отвѣчалъ, что вся нація должна рѣшить какую форму правительства она принимаетъ. Ему кричали изъ толпы; "какое воззваніе къ народу? развѣ мы для того подвергали грудь нашу пулямъ? Если возвратится король, мы воротимся на барикады". Эти отвѣты удвоили крики негодованія, многіе кричали "долой его!" Ламартинъ нехотя провозгласилъ республику, и народъ, точно пораженный слѣпотой, призналъ его членомъ. Многіе роптали; чтобъ ихъ успокоить представили имъ Луи Блана, котораго работники уважали и любили. Другіе члены правительства проскользнули какъ-то незамѣтно. И вотъ какъ совершился великой актъ водворенія новаго правительства.

Давно было замѣчено, что люди чрезвычайно обстоятельны, благоразумны во всѣхъ мелкихъ дѣлахъ, но какъ только дойдетъ до чего-нибудь важнаго, рѣшительнаго, они поступаютъ очертя голову. Тоже можно сказать о цѣлыхъ народахъ.

Прежде появленія временнаго правительства въ Ратушу, мѣсто мера занялъ Гарнье Пажесъ. Онъ, не зная еще будетъ-ли регентство или республика, раздавалъ мѣста по назначенію Мараста. Расчетъ былъ

вѣренъ; не дать мѣсто тому или другому не трудно, но взять назадъ однажды данное вовсе не легко. Реформа, чтобъ не отставать отъ Насіоналя отправила Этьена Араго завоевать почту, а Косидьера префектуру полиціи; они оба дрались на барикадахъ. Косидьеръ пришелъ пѣшкомъ съ своимъ ружьемъ на плечѣ въ префектуру, взошелъ въ кабинетъ, изъ котораго только что вышелъ Делессеръ, поставилъ ружье въ уголъ и объявилъ, что онъ назначается именемъ французскаго народа префектомъ полиціи. Секретарь ему поклонился — и дѣла пошли своимъ чередомъ.

Передовые люди барикадъ, члены общества des droits de l'homme были недовольны; барикады еще стояли 25 Февраля и къ нимъ подвезли пушки; на барикадахъ, на общественныхъ зданіяхъ развѣвалось красное знамя. Мрачныя толпы народа были съ ранняго утра на площади hôtel de Ville, онѣ какъ будто спохватились, что вчера упустили изъ рукъ побѣду. Но за ночь временное правительство окрѣпло и Ламартинъ — какъ вы знаете — подвергая свою жизнь опасности, отстоялъ трехцвѣтное знамя. Знамя народа, знамя водруженное подъ пулями, знамя димократіи, республики грядущей, было отринуто; знамя прошедшей республики, перешедшей въ имперію, знамя Наполеона, обидное для всей Европы, обагренное кровью всѣхъ народовъ, знамя семнадцать лѣтъ осѣнявшее лавочку Людовика Филиппа, знамя изъ подъ котораго стрѣляли муниципалы въ народъ, знамя буржуазіи — было принято хоругвіей новой республики. Новая республика объявляла себя

мѣщанскою, она не разрывалась съ прошедшимъ и слѣдственно необходимо должна была встрѣтиться съ республикой ожидаемой, и встрѣтиться злѣе нежели монархія, потому-что между монархіей и соціализмомъ именно стояла еще политическая, формальная республика. Какъ только буржуазія узнала о трехцвѣтномъ знамени, лавки открылись, у нея отлегло на сердцѣ. За эту уступку и она съ своей стороны дѣлала не меньшую — она соглашалась признать республику!

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

—

Парижъ, 1 Сентября 1848 г.

Больше двухъ мѣсяцевъ прошло послѣ моего послѣдняго письма. Трудно продолжать начатое, рѣки крови протекли между тѣмъ письмомъ и этимъ. Вещи которыя я никогда не считалъ возможными въ Европѣ, даже въ минуты ожесточенной досады и самаго чернаго пессимизма — сдѣлались обыкновенны, ежедневны, неудивительны. Глубоко огорченный, я остался досматривать преступленіе осаднаго положенія, ссылокъ безъ суда, тюремныхъ заключеній внѣ всякихъ правъ, военно-судныхъ коммиссій... Вѣроятно чѣмъ-нибудь да кончится это тяжелое состояніе, кто-нибудь явится воспользоваться учрежденнымъ порядкомъ — Генрихъ V, Людовикъ Наполеонъ, или этотъ несчастный солдатъ, который добродушно пошелъ изъ воиновъ въ палачи и добросовѣстно казнитъ улицы, жителей, мысли, слова.

Усталый народъ приметъ всякаго съ рукоплесканіемъ, ему хочется сколько-нибудь покоя, онъ все на жертву принесъ въ іюньскіе дни и все утратилъ, онъ

хочетъ залечить раны, оплакать жертвы и заработать кусокъ хлѣба. Бѣдный героическій народъ, въ какія предательскія руки ни попались бы судьбы его — изъ моей груди онъ не услышитъ упрёка.

Еслибъ вы видѣли какой онъ сталъ грустный, печальный, послѣ іюньскихъ дней. По улицамъ ходить страшно; тамъ гдѣ кипѣла жизнь, гдѣ громкая марсельеза раздавалась середи другихъ пѣсень съутра до ночи, тамъ теперь тишина — разнощикъ газетъ не смѣетъ кричать, блѣдный блузникъ сидитъ передъ дверью пригорюнившись, женщина въ слезахъ возлѣ него, они разговариваютъ въ полслуха, осматриваясь. Къ ночи все изчезаетъ, улица пуста и мрачный патруль подозрительно обходитъ свой кварталъ съ заряженными ружьями; блуза почти изчезла на бульварахъ, національная гвардія пыталась ее не пускать въ тьюльрійскій садъ, такъ какъ это было при Людовикѣ Филиппѣ. Народъ терпитъ, — онъ побѣжденъ и знаетъ своего побѣдителя; онъ знаетъ, что мѣщанинъ ни передъ чѣмъ не остановится, что Казаки и Кроаты въ сравненіи съ буржуазіей агнцы кротости — когда она побѣдоносна, когда она защищаетъ права капитала, неприкосновенность собственности. Народъ терпитъ, но въ душѣ его собирается мрачная злоба, тоска; невыносимость положенія до того велика, что толпы работниковъ просятся въ Алжиръ; а вы знаете что нѣтъ народа, который бы имѣлъ больше нелюбви къ переселенію, какъ Французы.

Никогда терроръ 93 года не доходилъ до того, до чего дошелъ терроръ теперь. Не говоря уже о томъ,

что характеръ, обстановка, причины все разно, я держусь за матеріальный фактъ насилія и мѣру его. Много головъ пало на гильотинѣ, много невинныхъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, мы знаемъ ихъ поимянно. А кого растрѣливали у фортовъ, на карусельской площади, на марсовскомъ полѣ, въ подвалахъ тюльерійскаго дворца?—Мы знаемъ Фукье Тинвиля, Германа и другихъ членовъ революціоннаго суда. А этихъ кто судилъ, кто призналъ виноватыми и въ чѣмъ состояла необходимость этихъ кровавыхъ злодѣйствъ? зачѣмъ эта тайна, зачѣмъ украли у народа право знать своихъ мучениковъ? Развѣ комитетъ общественнаго спасенія скрывалъ свои мѣры? самая рѣзня въ сентябрскіе дни дѣлалась бѣлымъ днемъ и списки разсматривались довольно внимательно, какъ свидѣтельствуетъ оставшійся въ живыхъ писарь бисетрской тюрьмы. Ну а въ этихъ ночныхъ и глухихъ казняхъ, кто разсматривалъ списки, да и кто составлялъ ихъ? Кто осмѣлился взять на себя такую кровавую отвѣтственность? Алжирскіе генералы были палачами, исполнителями собранія дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ Сенара и Мараста, а Сенаръ и Марастъ выражали волю буржуазіи — вотъ виноватый. Нѣтъ, почтенные мѣщане, полно говорить о красной республикѣ и о кровожадности; когда она лила кровь, она вѣрила въ невозможность иначе поступать, она обрекала себя на эту трагическую долю и рубила головы съ чистой совѣстью, а вы только мстили, мстили подло, безопасно, въ тихомолку. Шесть тысячь семействъ должны ждать депортаціи и окончанія военныхъ судовъ

чтобъ узнать растрѣлянъ или нѣтъ ихъ братъ, сынъ, отецъ.....

Терроръ 93 года былъ величественен въ своей мрачной безпощадности, вся Европа ломилась во Францію наказать революцію, отечество дѣйствительно было въ опасности. Конвентъ завѣсилъ на время статую свободы и поставилъ гильотину стражей "правъ человѣческихъ" Европа съ ужасомъ смотрѣла на этотъ волканъ и отступала передъ его дикой, всемогущей энергіей; терроръ хотѣлъ спасти Францію—и вмѣсто этого побѣдилъ Европу. Когда миновало его время, тѣ которые обрѣкли себя на страшную долю судей, положили въ свою очередь голову на плаху; ихъ надобно было казнить, это своего рода lex talionis, невинныя головы ихъ пали и остановленный топоръ заржавѣлъ.

Теперь—всякую недѣлю префектъ полиціи объявляетъ, что Франція цвѣтетъ, что торговля снова идетъ впередъ, что довѣренность возвратилась .... кого-же спасаютъ эти лавочники съ этими Алжирцами? Со стороны Европы бояться нечего—послѣ іюньскихъ дней цари наперерывъ торопятся признать новое правительство; они спасаютъ порядокъ вещей потрясенный, но далеко не разрушенный 24 Февраля, и они мстятъ за испытанный страхъ, за дерзкое притязаніе черни—быть людьми, послѣ того какъ ихъ философы и либералы только объ этомъ и писали цѣлый вѣкъ.

Какой страшный урокъ, это трехмѣсячное осадное положеніе. Вотъ вамъ Франція такъ любящая свободу, страна пропаганды, революціи .... она всего

лишена, жизнь остановлена въ самомъ сердцѣ; у Парижа завязанъ ротъ, связаны руки, онъ лишенъ права собираться въ клубахъ, коварный законъ, позволяя, убилъ его, онъ лишенъ свободы книгопечатанія, его дѣти отправляются сотнями на понтоны —и все это для спасенія общества, pour le salut public . . . . Еслибъ это было такъ, то пропадай государство, которое надобно спасать такими средствами, пусть оно гибнетъ, туда ему и дорога. Народъ не погибнетъ съ государствомъ, хуже ему не можетъ сдѣлаться; погибнутъ нелѣпыя учрежденія; погибнутъ тѣ, которые изъ республиканскихъ формъ умѣли сдѣлать казарменный деспотизмъ и покорились ему, лишь бы погубить работника—чего-же ихъ жалѣть!

Чѣмъ и какъ разрѣшится все это, мудрено предвидѣть—насиліе, самоуправство приходитъ мало по малу въ порядокъ, къ нимъ привыкаютъ, кто можетъ отвѣчать за то, что Франція не двинется не только за 1830, но и за 1789 годъ?

Народъ долго не поднимется послѣ такого возстанія и такого пораженія, ему надобенъ отдыхъ; онъ лишился всѣхъ друзей своихъ, всѣхъ вожатыхъ; при малѣйшемъ движеніи, возобновятся ужасы іюньскихъ дней, удесятеренные, кто знаетъ предѣлъ злодѣйства, до котораго могутъ дойти защитники порядка? До сихъ поръ они ни передъ чѣмъ не останавливались. Лишь бы достало терпѣнія великому парижскому народу, пусть онъ сойдетъ теперь со сцены, облитой его кровью, пусть не смотритъ на событія, не слушаетъ оскорбленій и втиши собираетъ свои силы; не

знаю придется-ли ему водрузить хоругвь соціализма на парижской биржѣ, но знаю, что онъ отомститъ за іюньскіе дни, за апрѣльскую измѣну, за обманъ въ Ратушѣ, за ложное воззваніе Каваньяка. Войну, начатую іюньскими днями, остановить невозможно. Вся Европа вовлечена въ нее. Трудно переродиться старому Адаму, соціализмъ слишкомъ широкъ для изношенныхъ людей, и слишкомъ несовмѣстенъ съ обвѣтшалыми формами, въ которыхъ держится старая жизнь западной Европы.

Жалкіе, дрянные люди! передо мною теперь лежитъ страшная книга, "донесеніе" слѣдственной коммиссіи о 15 маѣ и объ іюньскихъ дняхъ. Въ этомъ болотѣ грязи, ябеды и доносовъ потонули децемвиры республики 48 года. Посмотрите на этихъ гордыхъ республиканцевъ, такъ смѣло вышедшихъ изъ рядовъ гражданъ, чтобъ сдѣлаться правителями, посмотрите какъ они теперь жалко торопятся дѣлать доносы, въ свою очистку, какъ они боятся того, чѣмъ хвастались нѣсколько мѣсяцевъ. Частные разговоры, дружескія изліянія, все предано, даже жесты не забыты. Иронія, иронія! Ретроградное собраніе хотѣло отомстить республиканцамъ и съ злою насмѣшкой, назначило председателемъ слѣдственной коммиссіи Одилонъ Баро, и этотъ тупорожденный либералъ временъ реставраціи, обойденный, выброшенный революціей 24 Февраля, важно развалясь на президентскихъ креслахъ, позвалъ къ отвѣту Ламартина и его товарищей, и Ламартинъ, какъ ученикъ пойманный гувернеромъ и желающій оправдаться, боясь что поставятъ на горохъ, началъ

битой фразой изъ христоматіи и кончилъ доносомъ что у нихъ во временномъ правительствѣ не было ладу....И никто изъ этихъ господъ не смѣлъ сказать, что они отводятъ такого слѣдователя, открытаго врага республики, министра Людовика Филиппа, и никто не пожалѣлъ революціи 24 Февраля. Вмѣсто того чтобъ ужаснуться посягательству судить ее, они ее притащили передъ инквизиціей Одилонъ Баро, они позволили рту Бошара прочесть ей обвинительный вердиктъ, это ужасно !

И такіе люди стояли во главѣ республики и если въ числѣ ихъ нашлись два человѣка, которые не хотѣли наушничать, губить доносами обвиняемыхъ, за то ни одинъ не нашелъ твердости сказать всю истину, ни въ комъ не нашлось настолько мужественнаго состраданія, чтобъ сказать слово въ пользу восьми тысячь жертвъ и половину ихъ вины отбросить на собраніе и на самихъ себя. Куда! точно въ дѣлѣ Роганова ожерелья, всѣ знали кто обвиняемая, но никто не смѣлъ ее назвать, такъ и тутъ, никто не смѣлъ заикнуться о причинахъ 15 мая и 23 іюня, даже тѣ, которые желали разогнать собраніе, желали побѣды возстанію не удержались, чтобъ не бросить жесткаго слова въ казематы этимъ несчастнымъ жертвамъ вѣры во Францію. Чувства собственнаго достоинства, уваженія къ себѣ настолько, чтобъ не отвѣчать на дерзкіе вопросы, не нашлось у этихъ людей. Они оправдываются повиновеніемъ закону. Кто-же облекъ собраніе такимъ самодержавіемъ, кто далъ ему право безъ суда осуждать, назначать инквизиціи и дѣлать слѣдствіе надъ цѣлыми переворотами, надъ исторіей?

какое тутъ повиновеніе закону? это рабство, это малодушіе — испуганные своими связями съ побѣжденными,—горцы, допустили роялистовъ взять страшныя мѣры, молчали, не протестовали. Пусть идутъ теперь оправдываться передъ Одилонъ Баро, кланяться ему, предавать своихъ друзей...можетъ онъ и собраніе помилуютъ ихъ.....

...Республика была провозглашена робко, нехотя, со стороны временнаго правительства, оно уступило народу вооруженному и готовому на бой. Самый актъ провозглашенія былъ странень и носилъ въ себѣ что-то напоминающее ту дипломацію, которая должна была изчезнуть въ республикѣ и которая напротивъ развилась въ ней. "Временное правительство, сказано въ первой прокламаціи, желаетъ республику, если народъ французскій ее утвердить." Какая осторожность и неувѣренность; говорить-ли кто-нибудь этимъ языкомъ черезъ часъ послѣ битвы, послѣ побѣды? На другой день временное правительство объявило, что оно "республиканское", вслѣдъ за тѣмъ явилась третья прокламація, въ которой сказано: "Королевская власть уничтожена, республика провозглашена!" о народномъ согласіи на этотъ разъ ни слова.

Революція 24 февраля сдѣлалась слишкомъ нечаянно, это былъ coup d'état, 18 брюмеръ со стороны республиканцевъ. Во Франціи такія перемѣны бывали часто и удавались, но не надобно забывать что 18 брюмеры гораздо легче дѣлать въ пользу власти нежели въ пользу свободы. Власти надобно только

признаніе, формы, орудія, а свобода ничего не значитъ пока не проникла въ убѣжденіе, пока не сдѣлалась вѣрой, мыслію, мнѣніемъ. Республика была сюрпризомъ для всѣхъ, для тѣхъ которые пламенно желали ея, для тѣхъ, которые еще пламеннѣе ее отталкивали. N'est-ce pas un rêve? спросилъ тронутый Кремьё, послѣ рѣчи сказанной имъ адвокатамъ въ первые дни республики. Да, гражданинъ министръ, это былъ сонъ, въ томъ-то вся и бѣда; теперь мы не спимъ и уже вы не спросите сонъ-ли это или нѣтъ—мы сладко спали, но проснулись какъ послѣ опіума, грудь разбита, голова болитъ, глубокое отвращеніе къ жизни и къ людямъ наполняетъ душу. Мнѣ все кажется что король уѣхалъ на время, правленіе безъ него ослабилось; но вотъ передъ его возвращеніемъ, слуги говорятъ громче и начинаютъ процесъ февральскому возмущенію, точно такъ какъ начинали всѣ остальные политическіе процессы въ камерѣ перовъ. Загулявшая дворня перепугалась, она защищается тѣмъ, что она все ждала его и въ самомъ дѣлѣ она благоговѣйно оставила запертыми его дворцы, его сады, его отдѣльные парки—для кого?—такъ! по тому чувству по которому слуга, отпущенный на волю, все таки считаетъ бывшаго барина своимъ господиномъ.

Всѣ люди всплывшіе послѣ 24 февраля, были попорчены египетскимъ плѣненіемъ Фараона орлеанскаго, они образовались въ политику оппозиціи, въ парламентскія козни, expédients, и не могли быть ни просты ни откровенны. Отъчасти лица не виноваты, они родились подъ тяжкимъ фатумомъ, они

образовались изъ негодной среды, они воспитались на гнилой почвѣ. Люди, кромѣ исключительныхъ явленій, служатъ невольными и по большей части искаженными проводниками тѣхъ началъ, которыя уже даны; тѣмъ не менѣе мнѣ бы не хотѣлось ихъ освободить отъ всякой отвѣтственности. Освобождать людей отъ отвѣтственности—значитъ ихъ не уважать, не принимать ихъ за серьезное. Покрыть всѣ дѣйствія человѣческія широкой амнистіей исторической необходимости—очень легко, но съ тѣмъ вмѣстѣ это значитъ утратить достоинство личности и лишить исторію всего драматическаго интереса.

Мнѣ жаль людей временнаго правленія, я такъ привыкъ слышать ихъ имена въ свѣтлое время, которое теперь кажется мечтой, невозможностью по сравненію съ безобразнымъ настоящимъ, съ этой беззаконной диктатурой, начавшейся по горлѣ въ крови и продолжающейся по горло въ позорѣ. Но именно эта кровь, этотъ позоръ и вызываютъ безпощадное осужденіе; мы не можемъ отказаться отъ обнаружившихся послѣдствій, намъ нельзя отрѣчься отъ настоящаго сквозь которое это недавно прошедшее представляется инымъ. Временное правительство, разсматриваемое сквозь штыки осаднаго положенія, не находитъ отпущенія въ душѣ нашей.

Франція не была готова для республики..... Но временное правительство, облеченное страшной диктатурой, опираясь на Парижъ, могло дѣйствительно стать во главу движенія и вести народъ, воспитывая его учрежденіями, а не подвергая кровавымъ потрясеніямъ, которыми онъ вырабатывается теперь. Для

этого надобно было имѣть вѣру и энергію комитета общественнаго спасенія и замѣтьте только вѣру его и его преданность, обстоятельства были таковы что временному правительству вовсе не нужно было обрѣкать себя на строгую карающую ролю, которая окружила кровавымъ облакомъ диктатуру 93 года. Я увѣренъ въ нѣкоторомъ желаніи добра почти всѣхъ членовъ, особенно въ первые дни въ которые надобно было быть уродомъ или извергомъ, чтобъ не раздѣлить общаго увлеченія; кромѣ Ледрю-Роллена —Луи Бланъ и Альберъ были не только республиканцы, но и соціалисты. Да и у нихъ недоставало нерва революціоннаго, который былъ у роялиста Мирабо и у монтаньяра Дантона; въ нихъ не было того беспокойнаго духа подрывающаго старое, ломающаго безъ оглядки, дерзкаго въ отношеніи къ прошедшему, сердящагося и находящаго удовольствіе въ разрушеніи. Луи Бланъ радикальнѣе Ледрю-Роллена, но онъ удалившись въ Луксембургъ, сдѣлался проповѣдникомъ соціализма и утратилъ вліяніе на правительство.

Ледрю-Ролленъ встрѣтилъ противудѣйствіе въ товарищахъ, можетъ онъ и сладилъ бы съ ними, но въ ихъ главѣ стоялъ авторитетъ—Ламартинъ. Характеръ Ламартина по преимуществу женскій, примиряющій, бѣгущій крайностей; онъ стремился примирить, соединить противуположныя направленія, потому-что ни съ чѣмъ не справился внутри себя; въ его умѣ, въ его рѣчахъ отсутствіе всего рѣзкаго, опредѣленнаго; онъ былъ рефлектёръ въ поэзіи и сдѣлался рефлектёромъ въ политикѣ. Ламартинъ развился подъ странными вліяніями и остался вѣренъ эпохѣ своего цвѣ-

тенія. Тому времени, когда отсталая Франція измѣнила собственному генію своему, ясному въ отвлеченіяхъ, опредѣленному во всемъ; французская мысль и французская фраза приняли что-то туманное, не вполнѣ высказываемое, стремящееся "все обнять, ничего не отвергая" — таинственная пустота Шатобріана и спутанный эклектизмъ Кузеня могутъ служить представителями этой эпохи.

Въ Ламартинѣ есть именно нѣчто шатобріановское и нѣчто эклектическое. Онъ недогадывался что это колебаніе между крайностями, эта высшая, обнимающая справедливость — безъ внутренняго начала, безъ установившейся мысли, представляетъ или высшее бездушіе (какъ вся философія Кузена) или эгоистическій эпикуреизмъ, разпущенность. Ламартинъ находилъ въ сердцѣ своемъ звуки и бѣлымъ лиліямъ и служителямъ алтаря, и Наполеону, и — и ничему не предавался въ самомъ дѣлѣ; Ламартинъ диктаторъ, полюбилъ республику, народъ, онъ на этой высотѣ хотѣлъ наслаждаться общимъ миромъ, сочувствовалъ голодному работнику, любилъ роскошь богатаго, имѣлъ слезу для герцогини орлеанской, рыцарское великодушіе къ политическимъ врагамъ; онъ съ одиимъ не могъ сочувствовать — съ революціей, онъ думалъ что ея не нужно послѣ провозглашенія республики! И такой-то человѣкъ стоялъ во главѣ возникающей демократіи, осередотворяя мягкостью своей души два бурные потока, уступая обоимъ и обезсиливая тотъ и другой.

Временное правительство приняло за главный вопросъ успокоить среднее состояніе во Франціи и

встревоженныя правительства въ Европѣ. Оно не вѣрило въ свое собственное дѣло — и оттого погубило его. Оно хотѣло какъ-нибудь уладить республику, какъ-нибудь удержать миръ — и достигло цѣли. Оно боялось разорваться съ прежнимъ порядкомъ; новой, государственной, построяющей мысли у него не было; отсюда это непріятное нестройное колебаніе между разными направленіями — то является законъ основанный на соціализмѣ, то чисто монархическое распоряженіе, въ однихъ мѣрахъ видно блѣдное подражаніе комитету общественнаго спасенія, въ другихъ остался весь характеръ конституціоннаго королевства. Люди, судившіе и рядившіе Францію, а съ ней вмѣстѣ и всю Европу, ни разу не подумали, чѣмъ собственно должна отличаться новая республика отъ старой монархіи.

Они себя принимали за такую случайность, за такое проходящее, что они ни въ чемъ не шли дальше формы и поверхности; они обходили всѣ важныя задачи; имъ предстояло бросить первые основы демократическаго и соціальнаго пересозданія; вмѣсто того они смиренно указывали республиканцамъ на будущее собраніе; соціалистамъ — на люксембургскую коммиссію; они боялись взять революцію на свою отвѣтственность, они одного хотѣли: уличной тишины и полицейскаго порядка; ихъ слабые нервы не могли выносить республиканскаго шума.

"Всеобщая подача голосовъ, организація работы" — вотъ чего хотѣла февральская революція и чего не осмѣливалось оспоривать у народа временное правительство. Но грубое непониманіе вопроса и механи-

ческое, холодное разрѣшеніе его, привели къ тому, что всеобщая подача голосовъ убила организацію работъ.

Всеобщая подача голосовъ, при монархическомъ устройствѣ государства, при нелѣпомъ раздѣленіи властей, которыми такъ хвастались приверженцы конституціонныхъ формъ, при религіозномъ понятіи о представительствѣ, при полицейской централизаціи всего государства въ рукахъ министерства—такой-же оптическій обманъ, какъ равенство, которое проповѣдывало христіанство. Тупость консерваторовъ, ихъ привычки къ ценсу, заставляли ихъ трепетать передъ всеобщей подачей голосовъ, въ то время какъ оно не опаснѣе всякаго другаго избранія представителей. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобъ разъ въ году собраться, выбрать депутата и снова воротиться къ страдательной роли управляемаго, надобно было основать всю общественную іерархію на выборахъ, надобно было предоставить общинѣ избрать свое правительство, департаменту свое; надобно было уничтожить всѣхъ проконсуловъ, получающихъ священный санъ отъ министерскаго помазанія; тогда только народъ могъ бы дѣйствительно воспользоваться правами и сверхъ того дѣльно избрать своихъ центральныхъ депутатовъ. Объ этомъ и не думали наши децемвиры, они хотѣли оставить города и общины въ ихъ полнѣйшей зависимости отъ исполнительной власти и демократическую мысль всеобщей подачи голосовъ приложили къ одному гражданскому акту.

Ледрю-Ролленъ понялъ опасность и нелѣпость предстоявшихъ выборовъ. Что за результатъ могли

дать голоса нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ, первый разъ избирающихъ безъ приготовленія, безъ образованія, подъ вліяніемъ духовенства, богатыхъ собственниковъ, нотаріусовъ, чиновниковъ—людей враждебныхъ республикѣ по общественному положенію? Ничего не могло быть естественнѣе какъ мысль послать объясниться съ народомъ посредниковъ между имъ и революціоннымъ правительствомъ; еще естественнѣе было напутствовать циркулярами коммисаровъ. Чему удивились консервативные журналы, члены правительства, откуда этотъ вопль буржуазіи, эти проклятія Ледрю-Роллену, когда онъ послалъ коммисаровъ и обнародывалъ свои циркуляры? Буржуазія покорилась горькой необходимости и признала республику, на условіи, что республика будетъ шутка, она надѣялась на неустроенную всеобщую подачу голосовъ, какъ на каменную гору; а тутъ является человѣкъ, у котораго въ рукахъ была страшная власть министра внутреннихъ дѣлъ и который вздумалъ призрачные выборы сдѣлать дѣйствительными. Прочтите эти знаменитые циркуляры—вы увидите, что вся его цѣль состояла въ томъ, чтобъ преимущественно выбирали республиканцевъ, а не роялистовъ, для того чтобъ представлять и устроить республику. "Да Франція вовсе не хочетъ республики!" Это другой вопросъ, тогда надобно было обратится не къ Ледрю-Роллену, а ко всему правительству, ко всему парижскому народу и спросить у нихъ отчета, почему послѣ Людовика Филиппа, они не провозгласили Генриха V?—Республика была фактъ, она была провозглашена по праву революціи, ея министры должны были дѣй-

ствовать въ духѣ республиканскомъ. Еслибъ всѣ шли дружно и по одной дорогѣ съ Ледрю - Ролленомъ, еслибъ сверхъ того и самъ Ледрю-Ролленъ не сбился съ нея, мы не сидѣли бы третій мѣсяцъ въ осадномъ положеніи и не видѣли бы улицы Парижа усланныя трупами.

Роковая неловкость временнаго правленія вела его отъ ошибки къ ошибкѣ, чтобъ не сказать отъ измѣны къ измѣнѣ. Еслибъ выборы назначены были немѣдленно, можно было бы ожидать что подъ вліяніемъ недавной революціи—изберутъ республиканцевъ; еслибъ выборы были отложены на долгій срокъ, можно было бы нѣсколько приготовить народъ, особенно крестьянъ. Правительство не сдѣлало ни того, ни другаго, оно дало ровно столько времени, сколько было нужно, чтобъ одушевленіе простыло и чтобъ реакція ободрилась. Оно употребило одну réclame électorale, это надбавочный налогъ сорока пяти сантимовъ. Нелѣпость этой мѣры превышаетъ всякое человѣческое пониманье; она оскорбила земледѣльцевъ, она ихъ возстановила противъ республики, сорокъ пять сантимовъ сдѣлались знаменемъ реакціи. Крестьяне собственно черезъ этотъ налогъ узнали о республикѣ, она имъ рекомендовалась прибавкой тяжести. Да откуда было взять деньги? Откуда угодно, только не съ бѣдныхъ людей, задавленныхъ и безъ того общественной несправѣдливостью. Откуда бралъ деньги Камбонъ?—Тогда былъ терроръ.—Хорошо, откуда въ концѣ 1795 года достала директорія 600 милліоновъ? Наконецъ Сиръ Роберъ Пилъ, конечно не революціонеръ, прибѣгнулъ-же къ income tax?

Клубъ Бланки понялъ гибельное дѣйствіе, которое произведетъ надбавочный налогъ, онъ послалъ депутацію къ правительству. Гарнье Пажесъ отвѣчалъ делегатамъ клуба, что само правительство видитъ неловкость этой мѣры и постарается поправить ее. Какъ-же оно поправило? Оно велѣло не взыскивать 45 сант. съ людей, которымъ меры выдадутъ свидѣтельство что имъ не чѣмъ заплатить. Если это была увертка, то Гарнье Пажесъ дурной шутникъ; если-же онъ это сдѣлалъ по убѣжденію, то мы имѣемъ право усомниться, не поврежденный-ли онъ? Не только во Франціи, гдѣ по чрезвычайно развитому чувству гордости, никто не признается въ бѣдности; но гдѣ угодно, объявите налогъ съ такимъ оскорбительнымъ изъятіемъ для неимущихъ, его или всѣ заплотятъ или никто. Такъ и случилось; тамъ гдѣ не заплатили, правительство приняло военныя мѣры...!

Парижскій народъ и клубы съ ужасомъ видѣли что правительство сбилось съ дороги, они подозрительно смотрѣли на всѣхъ членовъ исключая Ледрю-Роллена, Луи Блана и Альбера. Клубы давали совѣты, указывали зло, ошибки, черезъ журналы, черезъ делегатовъ; правительство и не думало перемѣнить линіи поведенія. Они говорили на пр., что невозможно оставить судьями людей, занимавшихся лѣтъ двадцать пять преслѣдованіемъ республиканцевъ—правительство ихъ оставило.

Вмѣстѣ съ паденіемъ электоральнаго ценса пало исключительно буржуазное устройство національной гвардіи; каждый гражданинъ получая голосъ, получалъ ружье. Вооруженный Парижъ представлялъ

огромную силу, онъ дѣлался не только столицей демократіи, но ея великой дружиной; войскъ въ Парижѣ тогда не было и не могло быть пока народъ имѣлъ голосъ и волю. Вооруживши весь Парижъ, временное правительство ввело новую массу въ старые кадры легіоновъ національной гвардіи; вновь взошедшіе въ легіоны естественно подчинились прежнимъ членамъ, приняли большей частію ихъ направленіе и духъ. Кабэ десять разъ въ своемъ клубѣ говорилъ о необходимости распустить національную гвардію и потомъ вновь ее составить, онъ сильно возставалъ противъ мундира — и былъ правъ. Мундиръ вообще вещь превредная, онъ отдѣляетъ человѣка отъ другихъ, но онъ нигдѣ не вреденъ до такой степени какъ во Франціи; Франція со временъ Наполеона заражена солдатизмомъ. Правительство дальше уничтоженія мѣховыхъ шапокъ не пошло, оно оставило прежніе мундиры и дозволило вновь поступившимъ остаться въ обыкновенномъ платьи; люди въ мундирахъ, само собою разумѣется, тотчасъ составили аристократію въ легіонахъ.

Что касается до устройства работъ, правительство и не думало серьезно заняться этимъ вопросомъ, оно не имѣло никакого плана, никакого мнѣнія объ этой важнѣйшей задачѣ современности. Чтобъ отдѣлаться отъ нея, оно назначило Луи Блана и Альбера предсѣдателями коммиссіи о работникахъ и отослало ихъ на другой край Парижа въ люксембургскій дворецъ. Сверхъ того, оно, не ожидая ея рѣшенія, основало національныя мастерскія, въ родѣ убѣжища для работниковъ, лишенныхъ работы вслѣдствіе революціи.

Эти знаменитыя ateliers nationaux, поставленныя на счетъ соціалистамъ, были изобрѣтены консерваторами временнаго правительства, не изъ желанія добра, а изъ страха передъ двумя стами тысячами человѣкъ, не имѣвшихъ ни насущнаго хлѣба, ни занятія. Много-ли, мало-ли сдѣлала люксембурская коммиссія — важность ея не подлежитъ сомнѣнію; соціальный вопросъ сдѣлался государственнымъ. Такія вещи народъ не забываетъ, какъ ни растрѣливай его, ни депортируй. Временное правительство было вынуждено работниками назначить для нихъ коммиссію, это первая церковь данная христіанамъ въ древнемъ Римѣ; Луи Бланъ былъ первосвященникъ и проповѣдникъ новаго храма. Рѣчи Луи Блана раздавались глубоко въ сердцахъ настрадавшихся не только отъ нужды, — но отъ оскорбленій. Слова симпатіи и братства слышались ими съ высоты той самой трибуны, на которой за нѣсколько дней тому назадъ кашлялъ сгорбившійся старикъ Пакье, бездушный и лукавый представитель отходящаго и дряхлаго міра. Въ засѣданіяхъ коммиссіи мало дѣлали дѣла, но они иногда оканчивались слезами; это были торжественныя литургіи отроческаго соціализма, дружескія бесѣды, значительно дѣйствовавшія на развитіе работниковъ. Однажды передъ окончаніемъ засѣданія пришелъ Ламартинъ, Луи Бланъ закрылъ уже бесѣду, народъ сталъ расходиться, вдругъ крошечный Луи Бланъ бѣжитъ снова на трибуну, шумитъ, звонитъ, проситъ пріостановиться, работники останавливаются, Луи Бланъ говоритъ имъ: " Друзья мои, сейчасъ товарищъ мой-

гражданинъ Ламартинъ, получилъ вѣсть, что вѣнскій народъ одержалъ побѣду, Метернихъ бѣжалъ, революція торжествуетъ; я васъ остановилъ чтобъ подѣлиться съ вами хорошей новостью. Да здравствуетъ всеобщая республика!"

Между тѣмъ реакція торжествовала, она до того была увѣрена въ побѣдѣ, что маршалъ Бюжо предлагалъ правительству свою трансноненскую шпагу, а Тьеръ ожидалъ выборовъ. Гордясь смѣшнымъ великодушіемъ, правительство не брало никакихъ мѣръ противъ закаленыхъ интригантовъ и давало имъ полную волю сбивать съ толку избирателей. Я въ глубинѣ сердца ненавижу всѣ свирѣпыя мѣры, тѣмъ больше ненавижу, что считаю ихъ за роскошь, за месть. Но въ чемъ-же состояла бы свирѣпость отстранить нѣсколько сотъ человѣкъ, богатыхъ по большей части, отъ участія въ дѣлахъ; заставить ихъ удалиться изъ Франціи до тѣхъ поръ, пока новое правительство окрѣпло бы, пока республика учредилась бы. Люди эти были извѣстны, они извѣстны теперь, это знаменитые satisfaits камеры депутатовъ, это бывшіе министры, публичные защитники іезуитизма. Я думаю, что эта мѣра была бы гораздо кротче и гораздо полезнѣе нежели каннибальскія депортаціи продолжающіяся третій мѣсяцъ. Ледрю-Ролленъ, который думалъ что надобно было отставить всѣхъ префектовъ, оставилъ въ то-же время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Карлье. Шпіоны, которыхъ число было весьма значительно при Людовикѣ Филиппѣ, имѣли дерзость предложить свои услуги временному правительству, ссылаясь

между прочимъ на то, что они лишились всѣхъ средствъ существованія съ 24 Февраля, и правительство, вмѣсто того, чтобъ депортировать это гнѣздо разврата, приняло ихъ услуги. Изъ нихъ и изъ всякихъ плутовъ разныхъ партій составились три тайныхъ полиціи. Одна была при префектурѣ, другая при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, третья при Марастѣ! Суммы потрачены на содержаніе этихъ доносчиковъ, которые были совершенно не нужны — все дѣлалось открыто, на улицѣ. Шпіоны Мараста окружали Косидьера, Ледрю-Роллена и Луи Блана, въ то время какъ Косидьеръ зналъ каждое слово Мараста. Вотъ чѣмъ забавлялись децемвиры. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — тоже самое, Ламартинъ употреблялъ секретарей Гизо и ввѣрялъ людямъ, самой подозрительной репутаціи важныя дипломатическія порученія.

Вы помните какъ вѣсть о провозглашеніи республики потрясла всю Европу, даже Англія покачнулась на своихъ средневѣковыхъ основаніяхъ; народы подняли голову и протягивали руку симпатіи республикѣ, Франція естественно становилась главою всемірнаго движенія. Какая разница съ республикой провозглашенной 22 сентября 1792 года! Тогда въ Европѣ едва нашлась небольшая горсть людей какъ Кантъ, Фихте, Форстеръ, Фоксъ, симпатизировавшихъ съ движеніемъ, теперь депутація за депутаціей являлась къ временному правительству съ рѣчами симпатіи и братства. Поляки, Итальянцы, Нѣмцы, Сѣверо - Американцы, Ирландцы, Англійскіе демократы и чартисты на перерывъ заявляли свою

дружбу и удивленіе. Это не были праздныя рѣчи и пустыя слова—вспомните что происходило тогда въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Миланѣ, Римѣ, въ Южной Германіи, въ Познани и въ самой Белгіи. Ни въ какую эпоху имперіи, Франція не имѣла такого вліянія на всю Европу какъ въ Мартѣ и Апрѣлѣ мѣсяцѣ; правительства были деморализованы, сбиты съ толку, народы за Францію, испугъ былъ такъ великъ что прусскій король и австрійскій императоръ — соглашались на демократическія уложенія и обѣщали возстановить Польшу. Чтобъ разомъ выразить слабость старой политики 1815 года, стоитъ вспомнить, что маленькій уголокъ Монако и Невшательскій кантонъ сдѣлали свои революціи и никто не думалъ имъ мѣшать!

Какъ воспользовалась французская республика этимъ удивительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ?—Она дала время пройти страху, ободрила всѣ правительства и убила все европейское движеніе. Манифестъ Ламартина былъ уже довольно слабъ и водянъ; но дѣйствія его дипломаціи были гораздо слабѣе. Онъ говоритъ въ манифестѣ, что Франціи нечего искать прощенія за революцію, ни упрашивать о признаніи республики; на дѣлѣ онъ именно искалъ, чтобъ европейскія государства отпустили Франціи грѣхъ освобожденія. Ламартинъ столько-же боялся коалиціи монарховъ, сколько монархи боялись союза народовъ. Можно безъ смѣха себѣ представить человѣка, который боится другаго, но представьте что они оба другъ друга боятся, и вы непремѣнно расхохочетесь.

Старая дипломація европейскихъ дворовъ была догадливѣе и хитрѣе Ламартина, она поняла съ ка-

кимъ республиканскимъ правленіемъ имѣетъ дѣло. Ей было досадно, что она поддалась мнимому страху, она отомстила народамъ за свою слабость. Реакція, открытая и дерзкая, началась вездѣ и продолжается во всей красѣ; чудовищное изобрѣтеніе осаднаго положенія на цѣлые мѣсяцы нашло подражателей.

Но что-же дѣлала демократическая партія, что дѣлали соціалисты, какія мѣры были взяты ими, когда они увидѣли въ какихъ искусныхъ рукахъ правительство и на какой гибельной дорогѣ. Нельзя сказать чтобъ демократія показала себя ловкой или искусной, она умѣетъ только мужественно драться, геройски умирать и гордо выносить тюрьму и галеры. Три раза могла демократія побѣдить монархическую республику и три раза упустила изъ рукъ побѣду.

Мученики временъ Людовика Филиппа, Барбесъ и Бланки были главами двухъ мощныхъ клубовъ; Собріе, Распайль, Кабэ имѣли свои клубы, цѣль у нихъ была общая, но единства, но плана небыло. Барбесъ и Бланки были во враждѣ, вражда эта, основанная на совершеннѣйшей противуположности характеровъ, была раздуваема людьми, находившими выгоды въ взаимномъ отдаленіи двухъ корифеевъ демократіи. Барбесъ и Бланки, возвратившись изъ Mont S. Michel, протянули руку Ламартину, тѣмъ болѣе что Барбесъ считалъ себя обязаннымъ благодарностью — Ламартинъ упросилъ Людовика Филиппа не исполнять смертнаго приговора, къ которому Барбесъ былъ осужденъ въ 1840 году. (*) Помощь такихъ

(*) Таковъ былъ общій слухъ тогда, впослѣдствіи, я самъ

людей была неоцѣненна для правительства, они приносили совѣтъ закаленыхъ демократовъ, авторитетъ основанный на большихъ заслугахъ, на героическомъ мужествѣ одного, и на глубокомысленномъ и многообъемлющемъ взглядѣ другого. Недѣли черезъ двѣ оба отошли, качая головой; они увидѣли что съ этими людьми ничего не сдѣлаешь, что они погубятъ революцію. Барбесъ полковникъ XII легіона, представитель, отходя отъ правительства, по своему положенію оставался съ нимъ въ сношеніяхъ. Къ тому-же присовокуплялись у него дружескія воспоминанія, въ правительствѣ были его прежніе товарищи по заговорамъ. Довѣрчивый, всегда готовый отдать за республику послѣднюю каплю крови, онъ многаго не видалъ; чистый душою, онъ вѣрилъ въ чистоту другихъ, онъ надѣялся на людей тамъ, гдѣ ихъ надобно было презирать.

Не таковъ былъ Бланки. Разрывая связи съ правительствомъ, онъ разрывалъ ихъ окончательно, онъ никого и прежде не любилъ изъ этихъ слабыхъ людей, теперь онъ ихъ ненавидѣлъ и подозрѣвалъ. Бланки, человѣкъ сосредоточенный, нервный, угрюмый, изнуренный и больной отъ страшнаго тюремнаго заключенія, сохранилъ невѣроятную энергію духа; Бланки революціонеръ нашего вѣка, онъ понялъ что поправлять нечего, онъ понялъ что первая задача теперь разрушать существующее. Одаренный совершенно оригинальнымъ краснорѣчіемъ, онъ потря-

спрашивалъ у Барбеса какъ это было и узналъ что участіе Ламартина вовсе не было такъ важно. Его спасла — родная сестра его, писавшая къ Людовику Филиппу. (1858)

салъ массы, каждое слово его было обвиненіе стараго міра и вызовъ на казнь его. Его меньше любили нежели Барбеса, но слушались больше. Правительство было испугано этимъ безпощаднымъ человѣкомъ, чтобъ оно ни дѣлало, злой и ироническій взглядъ Бланки былъ у нихъ передъ глазами; и они блѣднѣли. Извести его старались всѣ, Ледрю-Ролленъ и Косидьеръ также какъ другіе; съ Барбесомъ они надѣялись поладить.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ правительство еще не смѣло и думать объ арестаціяхъ, оно ограничивалось клеветою. Бланки и клубы напомнили ему 17 Марта свою силу, по поводу глупой демонстраціи мѣховыхъ шапокъ. Они прошлись торжественной прогулкой по главнымъ улицамъ Парижа въ числѣ ста тысячь человѣкъ. Несмотря на величайшій порядокъ и тишину, буржуазія до того была испугана прогулкой и выраженіемъ лицъ, что опять присмирѣла на цѣлый мѣсяцъ и продолжала свою мелкую работу за стѣной.

Въ этотъ день, въ этотъ мѣсяцъ можно было надѣлать чудеса, демократія не умѣла имъ воспользоваться. Люди имѣющіе возможность прогуливаться колоннами, которыя наполняютъ бульвары, не могли, не должны были допустить той реакціи, которая наконецъ собрала свои силы и побѣдила вполнѣ въ іюньскіе дни. Демократія 17 Марта ограничилась ободреніемъ правительства; народъ обѣщалъ поддержать его противъ козней реакціи, но кто-же сказалъ, что правительство боялось реакціи, оно именно боялось народа. Ламартинъ за день передъ тѣмъ выдалъ

Ледрю-Роллена и косвенно сиялъ съ части правительства отвѣтственность за его циркуляры; народъ принималъ теперь эту солидарность и кричалъ; vive Ledru-Rollin! и Ледрю-Ролленъ не догадался что ему слѣдовало захватить диктатуру и спасти революцію. Народъ пошелъ по домамъ ничего не сдѣлавши, онъ усилилъ только временное правительство и оно отвѣчало народу на другой день въ Монитерѣ: "Правительство, провозглашенное на мѣстѣ битвы, получило новое утвержденіе своей власти двумя стами тысячами граждан, которые принесли намъ своими рукоплесканіями нравственную силу и царственную санкцію". Поблагодаривъ такимъ образомъ народъ, правительство стало приготовляться къ новому пріему царственнаго гостя, на этотъ разъ съ военной почестью.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 16 Апрѣля, клубы и работники, убѣжденные теперь что правительство ничего не хочетъ дѣлать для народа, что выборы идутъ скверно, собрались безъ оружья на Champ de Mars. Вдругъ раздался сборъ національной гвардіи по всему Парижу — вооруженные мѣщане бѣжали отовсюду, банльё входила во всѣ заставы, въ меріяхъ раздавали боевые патроны, около ста тысячъ штыковъ тѣснились у Hôtel de Ville и у Люксембурскаго дворца; люди, не знавшіе ничего прежде, съ безпокойствіемъ спрашивали, гдѣ возстаніе, гдѣ врагъ? Собріе схватилъ свое ружье и выбѣжалъ на улицу, увѣренный что роялисты сдѣлали какое-нибудь возстаніе. Эти штыки, эти пули были приготовлены тому самому народу, передъ которымъ преклонялось

мѣсяцъ тому назадъ временное правительство. Въ этотъ день неосторожный Ледрю-Ролленъ принялъ на себя большую отвѣтственность—онъ приказалъ бить сборъ; Марастъ предложилъ мерамъ парижскихъ округовъ крикъ à bas les communistes — отъ того было не далеко до mort aux communistes, которое повторялось въ рядахъ хранителей порядка. Подъ словомъ комунистовъ разумѣли теперь всѣхъ республиканцевъ, не вѣрющихъ что республика значитъ отсутствіе Людовика Филиппа и больше ничего. Еслибъ не добрый и благородный старикъ Курте, который начальствовалъ національной гвардіей, дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія. Хорошо-ли это? Трудно сказать. Побѣда была возможна для народа, войскъ не было, не было бы и столько жертвъ какъ въ іюнѣ, а іюньскія жертвы все-же не послѣднія.

Оскорбленные работники требовали у правительства объясненія, правительство путалось, благодарило національную гвардію за ея готовность, благодарило работниковъ за то зло, которое они не сдѣлали и котораго ни кто не хотѣлъ. Марастъ увѣрялъ, что вся цѣль правительства "окончить эксплуатацію человѣка человѣкомъ"—народъ расходился мрачно, недовѣріе и злоба распространялись, двѣ республики помѣрились; "oh que l'avenir est menaçant, писалъ Пьеръ Леру къ Кабэ, puisqu'il y a des aujourd'hui deux Républiques en presence!"

Черезъ два дня или три, послѣ 17 Апрѣля, на какомъ-то смотру національной гвардіи, генералъ Шангарнье, открытый роялситъ, извѣстный интригантъ, человѣкъ предпріимчивый, бездушный, че-

столюбивый и чрезвычайно завистливый, объявилъ, что нѣсколько линейныхъ полковъ готовы вступить въ Парижъ, для облегченія національной гвардіи; это былъ такъ сказать запросъ мѣщанамъ хотятъ-ли они чтобъ войско взошло въ Парижъ "vive la ligne"! прокричали первые легіоны (т. е. изъ богатыхъ и аристократическихъ частей города)—и черезъ нѣсколько часовъ солдаты взошли съ барабаннымъ боемъ въ Парижъ—первые солдаты послѣ 24 февраля. Съ ихъ вступленіемъ республика находилась подъ дамокловымъ мечемъ, Каваньякъ отрѣзалъ шнурокъ и мечь занесенный временнымъ правительствомъ сдѣлалъ свое дѣло. Солдаты могутъ производить возмущенія преторіянскія, янычарскія, лейбъ-гвардейскія, но съ народной свободой ихъ присутствіе несовмѣстно, или они должны перестать быть солдатами. Эмиль Жирарденъ очень справедливо повторялъ въ Прессѣ, что 24 февраля армія побѣждена не какъ армія, а отвергнута какъ институтъ (elle a été condamnée comme institution, и тупая "Реформа" возставала противъ него. Однако вводъ войскъ сильно взволновалъ гражданъ; клубъ Бланки явился требовать у правительства отчета; Ламартинъ съ своимъ краснорѣчивымъ лукавствомъ отвѣчалъ что войска взошло четыре тысячи, для того чтобъ примирить гражданъ-солдатъ съ ихъ братьями "мы не думаемъ, говорилъ онъ, не думали и никогда не будемъ думать о томъ, чтобъ противудѣйствовать войсками народу, республика внутри не требуетъ другихъ защитниковъ кромѣ вооруженнаго народа. И что можетъ сдѣлать эта горсть воиновъ, когда 80,000 человѣкъ подъ начальствомъ

Бюжо, ничего не сдѣлали". Это было великое преступленіе временнаго правительства и Ледрю-Ролленъ согласился на эту мѣру и той-же рукой, которой подписывалъ свои бюльтени и циркуляры подписалъ смерть революціи. Власть развращаетъ или пьянитъ.

Послѣ этихъ событій, правительство удалялось далѣе и далѣе отъ народа, народъ чувствовалъ, что онъ обманутъ и жался около клубовъ, въ клубахъ было бездна рѣчей, шумныхъ засѣданій, предложеній—и никакого плана какъ остановить реакцію; все предоставлялось случаю, народъ былъ готовъ. Французамъ удавались много разъ такія неожиданныя вспышки, они думали что и теперь удастся. А между тѣмъ выборы гнулись явно на сторону реакціи и монархіи, коммисаровъ временнаго правительства выгоняли, сажали въ тюрьму, лишали возможности дѣйствовать, духовенство помогало буржуазіи и легитимистамъ. Работники потерявъ всякую надежду видѣть свои интересы представленными, взбунтовались въ Лиможѣ, Руанѣ и Эльбефѣ. Въ Лиможѣ народъ одержалъ верхъ и дѣло обошлось безъ убійствъ, въ Руанѣ побѣдила буржуазія и кровь обагрила улицы древняго города. Теперь черезъ четыре мѣсяца реакція приготовляется судить возмутителей общественной тишины. Положимъ что съ полицейски юридической точки зрѣнія народъ былъ неправъ, возражая насиліемъ противъ выборовъ, но есть другая высшая справедливость, и она за него; народъ чувствовалъ что онъ обманутъ; не находя другого средства, запутанный формализмомъ, онъ возставалъ, врывался въ собранія, бросалъ въ огонь урны. Народъ

не судебное мѣсто, не частное лицо, онъ не можетъ кромѣ Англіи, идти легальными путями. Въ Англіи законность равно куетъ въ цѣпи народъ и правительство; правительство въ Англіи никогда не выступитъ изъ закономъ опредѣленныхъ формъ. А былъ-ли примѣръ, чтобъ во Франціи какое-нибудь правительство остановилось на легальности въ политическомъ вопросѣ? всѣ правительства имѣли здѣсь свои сентябрскіе дни, свои lettres de cachet, свои фруктидоризаціи, и растрѣлянный герцогъ энгіенскій стоитъ Эбертовой complicité morale и нынѣшнихъ депортацій. Французскія правительства съ 9 Термидора 1794 г. не вѣрятъ ни въ свою законность, ни въ свою прочность, имъ все мерещится гильотина и они защищаются чѣмъ попало. Что касается до хваленой судебной власти во Франціи, до ея независимости—это одинъ изъ самыхъ вопіющихъ предразсудковъ. Судебная власть во Франціи служитъ каждому правительству поочередно для отсылки его враговъ въ каторжную работу или на плаху.

Сверхъ этого, легальность не можетъ быть обязательна для цѣлаго народа; когда онъ возстаетъ, онъ носитъ въ себѣ живой источникъ справедливости и законности данной минуты, онъ идетъ не по параграфу кодекса, а творитъ новый законъ. Народъ протестуетъ барикадами, какъ 24 Февраля; врывается въ собраніе, чтобъ заявить свое презрѣніе къ представительству выбранному законно по формѣ, но неимѣющему довѣрія, какъ 15 Мая. Въ такія минуты народъ сознаетъ себя самодержавнымъ и поступаетъ въ силу этого сознанія. Нелѣпыя преслѣдованія за полити-

ческія движенія, особенно во время выборовъ, послѣ революціи, доказываютъ одно—что республика ложь, пустое слово. Къ безпорядкамъ и нарушеніямъ тишины надобно въ республикахъ привыкать, дѣлать нечего; оно-же въ сущности и небезпорядокъ и не такъ страшно, какъ кажется. Въ монархіяхъ, казармахъ и тюрьмахъ несравненно спокойнѣе, тамъ всякій шумъ, всякое нарушеніе дисциплины считается измѣной, оскорбленіемъ величества но въ этой тишинѣ одно не хорошо, что человѣкъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что съ нимъ будетъ черезъ часъ. Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ выборы почти никогда не обходятся безъ шума, правительство обыкновенно изчезаетъ въ это время, и въ этомъ его высокая честность—здѣсь нѣту ни столько такта, ни столько пониманія. Монархическое устройство у Французовъ не выбьешь изъ головы; у нихъ страсть къ полиціи и къ власти; каждый Французъ въ душѣ полицейскій коммисаръ, онъ любитъ фронтъ и дисциплину; все назависимое, индивидуальное его бѣситъ, онъ равенство понимаетъ только нивилировкой и покоряется произволу полиціи — лишь бы только и другіе покорялись. Дайте Французу галунъ на шляпу и онъ сдѣлается притѣснитель, и онъ начинаетъ тѣснить простого человѣка, т. е. человѣка безъ галуна; онъ потребуетъ уваженія передъ властію. Французы любятъ терроръ, оттого они такъ легко переносятъ осадное положеніе—все это не мѣшаетъ вспомнить говоря объ ужасахъ 93 года, для того чтобъ національную вину не ставить на счетъ лицъ.

Монитеръ толковалъ черезъ два мѣсяца послѣ 24

Февраля объ cris séditieux, объ сборищахъ безоружныхъ людей, правительство никогда и не подумало, отчего-же и не кричать человѣку что хочется; и что какъ-же можетъ народъ принимать дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, если онъ не будетъ собираться; клубы, общественныя залы, площади—все это кабинеты народа. Да хоть бы они протвердили краткую аѳинскую и римскую исторію.

Между тѣмъ въ Парижъ наѣзжали со всѣхъ сторонъ представители. Народъ и республиканцы съ негодованіемъ и краснѣя до ушей смотрѣли на эти ограниченныя лица, на эти скупые глаза пропріетеровъ, на эти черты искаженныя любовью къ барышу и къ порядку, на жирные носы и узкіе лбы провинціаловъ стяжателей, шедшихъ теперь передъ лицомъ міра устроивать судьбы Франціи, создавать республику, имѣя критеріумомъ аршинъ лавочника и разновѣсъ эписье. И вы отдали будущность вашей прекрасной Франціи имъ, вы ихъ допустили, вы позволили имъ —несите-же горькій плодъ.

Странная судьба Франціи быть великой въ болѣзни и пошлой въ здоровьи, быть великой одинъ день и ничтожной на другой день. Конечно важно и то, что она обладаетъ этой силой стряхивать время отъ времени съ себя грязь, что она не можетъ долго оставаться въ покоѣ, что ей необходимо новое, перемѣна, движеніе; но тѣмъ не меньше ея невыдержка поразительна. Французскій народъ внѣзапно возстаетъ; неотразимый и грозный, вступаетъ въ отчаянный бой съ общественнымъ зломъ; противустоять ему въ эти минуты невозможно, онъ беретъ Бастилью, онъ беретъ

Тьюльри, онъ отражаетъ цѣлую армію—ихъ надобно пережидать. По мѣрѣ того какъ онъ одолѣваетъ врага, силы его слабѣютъ, умъ тускнѣетъ, энергія изчезаетъ, онъ дѣлается равнодушнымъ къ тому, за что проливалъ кровь. Пока республика и Франція въ девяностыхъ годахъ висѣла на волоскѣ, пока Европа, Вандея, духовенство, дворянство, федералисты, претенденты, эмигранты, англійскія гинеи шли войной со всѣхъ сторонъ, снизу, сверху, извнѣ, изнутри, Парижъ и Конвентъ отстаяли Францію и республику. Побитый непріятель не успѣлъ добѣжать до своихъ домовъ, а уже республика слабѣла не по днямъ, а по часамъ. Десять лѣтъ дравшись за свободу, Франція обидилась, что у нея нѣтъ сильнаго правительства, что ее никто не тѣснитъ. Уродливая бездушная конституція сухого Сіэса съ казарменными вараціями генерала Бонапарта была принята съ восторгомъ, никто не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить, что конституція VIII года—организованный деспотизмъ, что правительственная гласность въ ней убита, что избирательная система превращена въ шалость, что о свободѣ книгопечатанія въ ней даже не упомянуто. Нѣтъ въ мірѣ народа, который сдѣлалъ бы столько подвиговъ, который бы пролилъ столько крови за свободу, какъ Французы, и нѣтъ народа, который бы менѣе понималъ ее, менѣе искалъ бы осуществить ее на самомъ дѣлѣ, на площади, въ судѣ, въ своемъ домѣ; они довольствуются словами, они издаютъ прокламаціи тамъ, гдѣ надобно измѣнять бытъ. Французы самый абстракнѣйшій и самый религіозный народъ въ мірѣ, фанатизмъ къ идеи идетъ у нихъ объ руку съ неува-

женіемъ къ лицу, съ пренебреженіемъ ближняго; у Французовъ все превращается въ идолъ—и горе той личности, которая не поклонится сегодняшнему кумиру. Французъ дерется геройски за свободу, и не задумываясь тащитъ васъ въ тюрьму, если вы не согласны съ нимъ въ мнѣніи. Людовикъ XIV говорилъ l'état c'est moi, республика на дѣлѣ показала что она правительство считаетъ за государство и тираническое salus populi и инквизиторское, кровавое pereat mundus et fiat justitia равно написано въ сознаніи роялистовъ и демократовъ. Это происходитъ между прочимъ оттого, что Французы всякую истину возводятъ въ догматъ; ихъ считали нерелигіозными, нехристіанами оттого, что они вѣтрены и привыкли къ вольтеровскому кощунству, но развѣ рядомъ съ Вольтеромъ не стоитъ Руссо, котораго каждое слово религіозно, который перевелъ Евангеліе съ церковно-латинскаго языка на ново-французскій. Французы нисколько не освободились отъ религіи, читайте Ж. Сандъ и Пьери Леру, Луи Блана и Мишле, вы вездѣ встрѣтите христіанство и романтизмъ переложенные на наши нравы; вездѣ дуализмъ, абстракція, отвлеченный долгъ, обязательныя добрдѣтели, офиціальная, риторическая нравственнось безъ соотношенія къ практической жизни. Посмотрите съ какимъ ужасомъ слушаютъ здѣсь Прудона, оттого что онъ смѣло и открыто говоритъ вещи сказанныя за нѣсколько лѣтъ тому назадъ Фейербахомъ.

Свобода мысли, слова у Французовъ скорѣе благородный капризъ, а не истинная потребность, и я также мало отвѣчаю за ободу книгопечатанія если

овладѣютъ властью демократы, какъ теперь. Ихъ спасаетъ отъ продолжительнаго рабства ихъ подвижная натура. Утративъ девять десятыхъ пріобрѣтеннаго кровью, они лѣтъ черезъ пятнадцать снова строятъ барикады, усѣяваютъ трупами улицы, удивляютъ міръ геройствомъ для того, чтобъ опять потерять завоеванное. Этотъ отроческій, легкомысленный характеръ, эта политическая gaminerie Французовъ, полная отваги и благородства долго нравилась Европѣ и увлекала ее, нравилась особенно пока она сама не смѣла открыть рта, а изъ-подтишка перемигивалась съ Парижемъ; теперь народы повыросли, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ были барикады; народы поднявшіе голову послѣ революціи 1830 года, уже громко негодовали на французскую реакцію; они отпрянули съ досадой отъ Франціи послѣ 24 февраля, которое такъ много обѣщало и такъ ничего не сдѣлало. Еще подобный взрывъ и такое паденіе, и вы увидите европейскіе народы отвернуться отъ Франціи и позволятъ ей безплодно рѣзаться сколько угодно, не удостоивая ее ни симпатіей, ни участіемъ. Это старая басня волка и мальчика дѣлавшаго напрасную тревогу, возмужалое человѣчество не позволитъ себя безпрерывно надувать и станетъ равнодушно смотрѣть на страну, которая, какъ русскіе крестьяне до Годунова, имѣетъ одинъ день свободы въ году и триста шестдесятъ четыре дня рабства!

ПИСЬМО ОДИНАДЦАТОЕ.

—

Парижъ, 1 Іюня 1849 г.

Наше время, мои друзья, при всей своей тягости, полно глубокаго поученія. Послѣдній годъ довоспиталъ насъ. Мы лучше знаемъ нашъ станъ, наши силы, мы стали гораздо бѣднѣе, но за то ближе къ пониманію. Оставаться съ нами становится труднѣе — все слабое, неопредѣленное, хрупкое торопится отстать. Даже многіе изъ откровенныхъ и преданныхъ людей, людей которые всю жизнь работали для революціи, жаждали ея, разглядѣвши теперь куда она идетъ, пріостановились; иные не покидаютъ насъ только отъ стыда, отъ привычки ; другіе составляютъ особые легіоны — въ ожиданіи пока какой-нибудь Каваньякъ ихъ поведетъ по своему.....

Года за два было дешево либеральничать, стоило толковать о прогрессѣ, о самодержавіи народа, о демократическихъ симпатіяхъ, сидѣть въ лѣвомъ центрѣ, пугнуть иногда мѣщанъ воспоминаніемъ о конвентѣ, травить министровъ par force, невозможными вопро-

сами — и все это оставаясь не только защитникомъ правъ, но и порядка — т. е. существующаго.

Все перемѣнилось, и серьезно теперь нельзя быть революціонеромъ не только по двумъ-тремъ фразамъ, рѣчамъ, но и по благороднымъ воспоминаніямъ о прошлыхъ бояхъ, строивши и защищая баррикады. Ни личная храбрость, ни доблестный нравъ не могутъ сдѣлать человѣка революціонеромъ, если онъ не революціонеръ въ смыслѣ современной эпохи.

Революціонеры XVIII вѣка были велики и сильны именно потому, что они такъ хорошо поняли въ чемъ имъ слѣдовало быть революціонерами, и, однажды понявши, безбоязненно и безпощадно шли своей дорогой. Быть теперь революціонерами въ смыслѣ конвента, было бы почти то-же, что явиться въ конвентъ гугенотомъ. Въ XVIII столѣтіи достаточно было быть республиканцемъ, чтобъ быть революціонеромъ, теперь можно очень легко быть республиканцемъ и отчаяннымъ консерваторомъ. Но соціалисту въ наше время нельзя не быть революціонеромъ.

Никакой нѣтъ обязанности быть революціонеромъ, но тотъ кто поднимаетъ знамя, кто добровольно становится въ ряды, тотъ долженъ знать что революція обязываетъ, что нельзя по капризу идти до того мѣста или до другого.

По счастію, въ послѣднее время революція и консерватизмъ такъ раздвинулись, что какимъ Колосомъ Родоскимъ ни будь, но все невозможно стоять разомъ на обоихъ берегахъ — въ этомъ любимомъ положеніи людей сильныхъ какъ Ламартинъ. Время политическаго эклектизма прошло, надобно стоять на томъ берегу или на этомъ.

Кто желаетъ сохранить что бы то ни было изъ основаній христіанскихъ, феодальныхъ, римскихъ, у того въ душѣ дремлетъ консерватизмъ и реакція; обстоятельства непремѣнно его обойдутъ. Дѣло очень просто, революціонная идея нашего времени несовмѣстна съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ; они другъ къ другу идутъ такъ какъ англійскіе законы къ Японіи или бранденбургское право къ древней Греціи. Чисто политическіе агитаторы въ сущности все-таки ближе къ Гизо, нежели къ намъ.

Все въ Европѣ стремится съ необычайной быстротой къ коренному перевороту или къ коренной гибели; нѣтъ точки, на которую бы можно опереться; все горитъ какъ на огнѣ—преданія и теоріи, религія и наука, новое и старое. Въ одинъ годъ Франція износила блестящую мечту политической республики, а Германія всѣ остальныя мечтанія.

— Но гдѣ предѣлы? Кто ихъ провелъ, начертилъ? гдѣ оканчивается политическая республика, гдѣ начинается соціальная?

Политическая республика не оканчивается въ соціальной, а переходитъ въ нее; соціальная республика есть исполненіе, осуществленіе политической, онѣ противуположны только въ антитетическомъ смыслѣ, и это не значитъ смутность понятій, таково все движущееся, живое, развивающееся. Гдѣ предѣлы между растеніями и животными, между химизмомъ и организмомъ? Разница между розой и медвѣдемъ страшная, бросается въ глаза, а углубитесь въ міръ зоофитовъ и криптогамій и вы увидите, что жи-

вотное царство смѣшивается съ растительнымъ, что одно переходитъ въ другое едва замѣтными тропинками..... Соціализмъ предполагаетъ республику какъ необходимо уже пройденной путь; политическая республика, представительная, составляетъ именно переходъ отъ монархіи къ соціализму. Республика имѣетъ идеалъ, стремленіе, она не есть дѣйствительность пока она ограничивается представительствомъ народнаго самодержавія. Она можетъ при хорошихъ условіяхъ быть свободнѣе конституціонной монархіи — но она не можетъ быть совершенно свободна, до тѣхъ поръ пока она принимаетъ неизмѣнными основы существующаго историческаго, общественнаго устройства. А въ ту минуту, въ которую она ихъ переступитъ, она становится соціальной — названіе условное и присвоенное именно для означенія этого перехода.

Обыкновенно думаютъ, что соціализмъ имѣетъ исключительною цѣлью разрѣшеніе вопроса о капиталѣ, рентѣ и заработной платѣ, т. е. объ уничтоженіи людоѣдства въ его образованныхъ формахъ. Это не совсѣмъ такъ. Экономическіе вопросы чрезвычайно важны, но они составляютъ одну сторону цѣлаго воззрѣнія, стрѣмящагося, наравнѣ съ уничтоженіемъ злоупотребленій собственности, уничтожить на тѣхъ-же основаніяхъ и все монархическое, религіозное — въ судѣ, въ правительствѣ, во всемъ общественномъ устройствѣ, и, всего болѣе, въ семьѣ, въ частной жизни, около очага, въ поведеніи, въ нравственности.

Республика, остающаяся при монархическомъ

устройствѣ и съ монархическими правами, всегда можетъ сдѣлаться монархіей или, еще хуже, попасть подъ деспотическую власть плута или солдата, подъ самовластіе предательскаго, но самодержавнаго собранія, подъ гнётъ проданнаго министерства и его агентовъ.

Для того чтобъ еще яснѣе представить въ чемъ состоитъ разница истинной, дѣйствительной, соціальной республики, республики въ самомъ дѣлѣ, отъ переходной, представительной, монархической, представимъ во всей чистотѣ, въ послѣднемъ выраженіи его, идеалъ общественнаго устройства, къ которому стремится современный человѣкъ и посмотримъ въ чемъ его существенная разница съ идеаломъ монархіи, который весь раскрытъ и исчерпанъ исторіей.

Въ монархіи народъ управляется, въ республикѣ онъ управляетъ своими дѣлами. Типъ монархіи отецъ пекущійся о дѣтяхъ, хозяинъ занимающій своихъ работниковъ, опекунъ защищающій своихъ питомцевъ. Типъ республики — свободная артель, братья имѣющіе общее дѣло и одинакое участіе.

Монархія непремѣнно должна быть основана на священномъ, неприкосновенномъ авторитетѣ, этотъ авторитетъ идетъ спускаясь до самого народа, сообщая каждой степени общественной іерархіи долю высочайшей власти. Я на лбу каждаго квартальнаго вижу слѣдъ елея, которымъ помазанъ его монархъ. Монархіи необходимы торжественность и блескъ; величественная представительность и пурпуръ такъ нужны царю. какъ риза священнику. Царская власть должна на каждомъ шагу заявлять себя, быть очевидной,

встрѣчаться, мѣшать; она должна безпрестанно напоминать, что лицо несостоятельно противъ нея, что оно подданное и обязано жертвовать ей лучшей частью своей и главное во всемъ покоряться.

Уничтоженіе авторитета — начало республики. Первое условіе ея — свободные и самобытные люди; авторитетъ убиваетъ независимость разума. Республикѣ нѣтъ нужды въ другихъ началахъ какъ въ необходимыхъ началахъ всякаго общежитія; она основана на тѣхъ существенныхъ, всеобщихъ и необходимыхъ условіяхъ, безъ которыхъ всякое общество дѣлается невозможнымъ. Эти условія не потому обязательны что люди живутъ въ республикѣ, а потому что они живутъ вмѣстѣ, потому что ихъ разумно нельзя отвергнуть.

Разумъ дѣйствительно обязателенъ и логика вовсе не зависитъ отъ капризовъ и несмотря на это, нѣтъ ничего противуположнѣе авторитету какъ логика. Республика, которая требуетъ больше этихъ неоспоримыхъ, необходимыхъ условій, перестаетъ быть республикой, или еще находится въ развитіи; такая республика должна имѣть инціативу въ правленіи, а не въ людяхъ, что именно составляетъ начало монархіи. Оттого въ монархіяхъ управленіе такъ трудно и сложно, оно представляетъ не форму для общей дѣятельности, а самую дѣятельность; оно замѣняетъ здравый смыслъ и волю подданныхъ, считаемыхъ за недорослей и дураковъ. Чѣмъ свободнѣе лицо, община, городъ, провинція, тѣмъ меньше дѣла государству; три четверти труда обремѣняющаго нынѣ правительства будутъ дѣлаться сами собой, безъ

всякаго участія и вѣдѣнія центральнаго управленія. Монархическая власть принимаетъ добровольно эту ношу на свои плечи, она этимъ хранитъ и упрочиваетъ свою власть надъ подданными.

Монархія основана на дуализмѣ. Правительство никогда не должно, не можетъ совпасть съ народомъ. Правительство—провидѣніе, священный чинъ, творящій духъ; народъ—страдательная масса, послушное стадо добраго пастыря. Монархія по преимуществу теократія, она держится на божественномъ правѣ, она всегда поддерживала религію и религія всегда поддерживала монархію. Безъ Іеговы, Юпитера—нѣтъ царя, земной царь предполагаетъ небеснаго. И отчего-же, въ самомъ дѣлѣ, людямъ не повиноваться одному, когда природа, когда вся вселенная повинуется Богу?

Въ монархіи, какъ въ религіи, не можетъ быть рѣчи о нравственности; повиновеніе, снимая отвѣтственность, снимаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и нравственность; авторитетъ отрицаетъ человѣческое достоинство и самобытность, такъ какъ вѣрованіе отрицаетъ мышленіе. Въ монархіи одно лицо государя нравственно, потому что оно одно свободно.

Внутреннее начало республики—совокупность, имманенція, а не дуализмъ; у нея нѣтъ духовныхъ и міранъ, высшихъ и низшихъ, надъ ней ничего нѣтъ, ея религія—человѣкъ, ея Богъ—человѣкъ, и нѣту Бога развѣ его. Потому-то она и предполагаетъ человѣка нравственнымъ т. е. способнымъ къ общежитію. Свободному человѣку никто не даетъ веленій, онъ самодержавенъ, такъ какъ и всѣ другіе само-

державны. Отсутствіе высшаго порядка тяготящаго авторитетомъ сильнаго, властью—начало человѣческой нравственности, отвѣтственности за дѣла. Нравственность тутъ становится естественной формой человѣческой воли, физіологическимъ единствомъ между человѣческимъ желаніемъ и наружнымъ міромъ, обществомъ. Ей не нужно дерзкаго пальца, который указываетъ дорогу, грозитъ, унижаетъ. Въ этомъ отношеніи республика похожа на природу. Покорность природы законамъ часто приводятъ въ примѣръ, забывая, что въ природѣ законъ нераздѣленъ съ исполненіемъ, что она сама осуществленный законъ; законъ какъ отвлеченіе существуетъ только въ человѣческомъ умѣ.

Въ природѣ все независимо и все въ соотношеніи, все само-по-себѣ и все соединено; природа вовсе не ищетъ исполнять законы; напротивъ, гдѣ только можетъ, минуетъ ихъ; о природѣ можно сказать то, что Прудонъ сказалъ объ исторіи—c'est la révolution en permanence. Въ природѣ, такъ какъ въ республикѣ, правительство спрятано, его не видать, правительство — ensemble, его нѣтъ отдѣльно, оно безпрестанно становится и распускается. Идея правительства отдѣльнаго отъ народа, стоящаго выше народа и имѣющаго призваніе вести его—идея духа устрояющаго грубую матерію; это Іегова, это монархъ, символъ провидѣнія на землѣ — именно то, противъ чего борется республика.

Республика не школа, не символика, ей не нужно представлять себя правительствомъ, такъ какъ разуму это не нужно, его существованіе и дѣйствіе не пред-

ставляетъ его, а заявляетъ. Мысль переноса своего самодержавія на избранныхъ—мысль монархическая и ложная. Свободный человѣкъ не можетъ отдѣлаться отъ своего самодержавія, какъ отъ своего дыханія, ни быть рабомъ своего голоса. Представительство тоже монархія, но лицемѣрная. Въ республикѣ есть повѣренные, делегаты, они необходимы по чисто матеріяльнымъ причинамъ разстояній, занятій и пр. Но совокупность ихъ не можетъ представлять верховной власти, они творятъ волю пославшихъ, они не выше народа, надъ головою свободныхъ людей ничего нѣтъ; ни даже какого-нибудь окамѣнѣлаго уложенія охраняемаго чёрными Левитами паркета и пёстрыми Кшатріасами казармъ.

Управленіе въ республикѣ это волостное правленіе. народная контора, канцелярія общественныхъ дѣлъ, регистратура народной воли, полицейскій распорядокъ, исполненіе.....

Монархія не можетъ существовать безъ сильной централизаціи, республикѣ централизація совсѣмъ ненужна, республиканское единство основано на общей выгодѣ, на общемъ развитіи, на соплеменности, на правахъ, на крови — а если она не имѣетъ этихъ основаній, то и нѣтъ нужды въ искуственномъ единствѣ, въ неестественной централизаціи. Случайно соединенныя части—могутъ распасться, взойти въ составъ иныхъ соединеній, болѣе родственныхъ, или остаться самобытными. Всѣ искуственныя соединенія ни къ чему не ведутъ, онѣ отвѣчаютъ временнымъ потребностямъ. Развѣ Пруссія и Австрія составляютъ дѣйствительно націи, единства?

Насъ пугаетъ воля, оттого-что мы боимся людей, мы ихъ считаемъ несравненно хуже нежели они есть — къ этому насъ пріучила монархія. Мы спимъ спокойно, зная что есть сильное правительство, т. е. такая власть, которая, опираясь на штыки, можетъ насъ бросить въ тюрьму, разстрѣлять, сослать— такая власть, которая должна бы была насъ лишить сна и покоя.

Человѣкъ по преимуществу "животное общественное," какъ выразился Аристотель; ему общественность легка. Мы знаемъ какъ у насъ крестьяне распоряжаются въ общинѣ, какъ работники ведутъ свои артели, у нихъ нѣтъ никакихъ дѣлъ доходящихъ до полиціи, оттого что все дѣлается просто, безъ перьевъ, протоколовъ, чиновниковъ, квартальныхъ.

Надобно имѣть нѣкоторое довѣріе къ людямъ и не требовать отъ нихъ невозможнаго и вздора, ни натянутыхъ добродѣтелей, ни неестественнаго самоотверженія — и они будутъ и любить и не дѣлать зла. Монархія интересована въ отрицаніи здраваго смысла у людей, признаніе совершеннолѣтія въ народѣ; равняется отреченію отъ престола.

Если вы думаете, что въ предшествующемъ есть доля истины, то я спрашиваю васъ, можетъ-ли наружная республика удовлетворять внутреннему смыслу ея, не переходя въ ту внутреннюю, дѣйствительную республику, которую называютъ соціальной?

Съ мѣсяцъ тому назадъ въ засѣданіи Прудоновскаго банка были произнесены замѣчательныя слова, тѣмъ болѣе замѣчательныя, что ихъ про-

изнесъ не негодующій юноша, не оскорбленный реакціей Французъ, а спокойный гражданинъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ. "Я гражданинъ республики, сказалъ Брейсбенъ, существующей болѣе семидесяти лѣтъ при самыхъ блестящихъ условіяхъ; но я скажу вамъ откровенно, потому что вамъ это нужно знать, республика вамъ не поможетъ (онъ говорилъ работникамъ). Все что политическая республика можетъ дать она дала въ Америкѣ, но она безсильна осуществить то общественное состояніе, къ которому стремится современный человѣкъ".

Согласимтесь разъ на всегда, что республика неминуемое начало освобожденія народовъ, это первый шагъ, безъ котораго не можетъ быть второго. Какъ бы монархія ни была хорошо устроена, она тѣснѣе ограничиваетъ кругъ развитія; стало быть когда рѣчь идетъ о республикѣ, ее никто и не сравниваетъ съ монархіей; она надъ монархіей имѣетъ уже то преимущество, что ей присущъ элементъ движенія, перемѣны и слѣдственно надежды. Республика, просто, приличнѣе нежели монархія; власть въ ней оставаясь тиранической, лишается таинственнаго помазанія, лишается опьяняющаго характера высшей власти, царскаго величія, которыя притупляютъ человѣческую доблесть, притупляютъ умъ. Оттолкнувъ всякое сравненіе съ монархіей, какъ унизительное для республики и для человѣческаго достоинства, мы однако должны знать, что само-по-себѣ слово "республика" чрезвычайно неопредѣленно и тягуче; говоря "республика," мы еще ничего не сказали кромѣ отрицанія наслѣдственной власти и признанія какого-

нибудь участія народа въ общественныхъ дѣлахъ.

Именно такая республика теперь во Франціи, она освободила государство отъ орлеанской династіи; но не освободила лицо отъ государства, она напротивъ оставила лицо слабымъ и безпомощнымъ передъ призракомъ репрезентаціи, облеченной въ царскую порфиру. Она можетъ сдѣлаться сноснѣе, оставаясь при томъ-же монархическомъ принципѣ; но дойти до "истиннаго равенства, до свободы," какъ говоритъ Брейсбенъ, не можетъ. Все что могла дать конституціонная республика въ разумнѣйшемъ развитіи своемъ, все осуществилось по ту сторону океана. Сѣверо-Американскіе штаты, что ни толкуютъ болѣзненно романтическія души, которымъ все простое и здоровое противно, государство возмужалое, трезвое, умное. Политическая республика, къ которой стрѣмился либерализмъ XVIII столѣтія тамъ водворена, права о которыхъ столько говорили Французы, тамъ пріобрѣтены. Вы можете быть оскорблены въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ общественнымъ мнѣніемъ, ихъ образомъ жизни, но не властью; тамъ никогда не считали правительственное—святымъ, тамъ почти нѣтъ бюрократіи, этого позорнаго бича обмокнутаго въ чернила, которымъ на дняхъ хвастался съ пьяну король прусскій; тамъ нѣтъ шпіонства, нѣтъ марсоманіи и бѣшенства къ мундирамъ, тамъ не понимаютъ что такое стѣсненіе книгопечатанія и при всемъ томъ гражданинъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ говоритъ работникамъ: "Республика существующая на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ она существуетъ, не имѣетъ средствъ помочь вамъ, тутъ предѣлъ, далѣе котораго она не идетъ."

Въ XVIII столѣтіи Республика была пламеннымъ вѣрованіемъ, религіей, ее имя тогда была цѣлая революція. Въ 92 году, республика являлась на горизонтѣ свѣтлою и торжественной вѣстью освобожденія, какъ нѣкогда царство небесное. Разумѣется, ни царство небесное, ни мечтаемая республика не могли осуществиться, такъ какъ ихъ ожидали современники, въ самомъ водвореніи церкви и низпроверженіи трона лежало освобожденіе людей отъ доли прошедшихъ узъ; но скоро люди наткнулись на предѣлъ.

Бабёфъ, прежде нежели сложилъ голову на плаху, сказалъ Франціи, что ея революція только начало, l'avant-courreur, другаго переворота и что этотъ грядущій переворотъ дотронется не до формъ, а до сущности, до нервной пульпы гражданскихъ обществъ. Его не поняли, да и тогда не время было понимать его; развитыя силы первымъ освобожденіемъ были еще такъ велики, что разгулъ ихъ чуть не разбилъ всю старую Европу и что двадцать лѣтъ безпрерывныхъ войнъ едва могли привести Францію въ русло. Съ наполеоновской эпохи прошли вѣка, — безуміе Бабёфа, безуміе Сен-Симона и Фурье выросли съ своей стороны въ религію.

Революція двадцать четвертаго Февраля была дѣйствительно соціальная; отсталые люди, люди тупые и злонамѣренные свели ее на политическую; она вышла блѣдною, потому-что была ниже обстоятельствъ, потому-что была копіей, а не оригиналомъ. Вотъ отчего сказанія о времени первой революціи при двадцатомъ повтореніи все также захватываютъ душу, отчего въ понятіи каждаго изъ насъ на вѣки

врѣзались пластическія лица, событія, слова, взятіе Бастиліи, отвѣтъ Мирабо, 10 Августа, Дантонъ, Робеспьеръ и всѣ эти гиганты войны и гиганты цивизма. Вспомните рядомъ съ ними эти стертыя, блѣдныя, половинчатыя, осторожныя личности Ламартина и К-ніи, вамъ сдѣлается смѣшно. Не думайте, чтобъ одно отдаленіе придало тѣмъ ихъ величіе; черезъ сто лѣтъ члены временнаго правительства будутъ болѣе забыты нежели второстепенные дѣятели девяностыхъ годовъ; въ то время какъ личность Сантера, Эксельмана будетъ жива для дальнѣшаго потомства, имена прошлогоднихъ львовъ революціи едва останутся въ памяти какого-нибудь компилатора. События бываютъ велики, когда они совпадаютъ съ высшей потребностью своего вѣка; тогда люди приносятъ на совершеніе всю силу свою, ихъ дѣяніе до того исчерпываетъ на ту минуту всю сознанную возможность дѣйствованія, что за предѣлами его ничего не видать, что душа удовлетворена. Апостолы и якобинцы вѣровали, что они спасаютъ міръ, что ихъ спасеніе есть единое возможное, и оттого дѣйствительно спасли его. Разумѣется, съ абсолютной точки зрѣнія они не были правы, они увлекались, ошиблись въ размѣрѣ дѣлаемаго, но это увлеченіе и эти ошибки находятся во всемъ геніальномъ и великомъ. Для того чтобъ быть дѣятелемъ въ исторіи скорѣе надобно нѣсколько мономаніи, сумашествія, нежели холоднаго безпристрастія; люди захватившіе власть послѣ 24 Февраля, конечно не были сумашедшіе, они заслуживаютъ премію за умѣренность и благоразуміе, но за это не дается лавровыхъ вѣнковъ, а много, много — Владиміръ въ петлицу.

Провозглашеніе республики было необходимо. Соціализмъ предполагалъ, ставилъ, требовалъ республику, какъ необходимую гражданскую ступень и шелъ далѣе въ критикѣ, въ отрицаніи существующаго и въ довѣріи къ будущему, къ человѣку, къ жизни; его протестъ было пророчество. Обвиненіе, что соціализмъ не выработалъ своего воззрѣнія, не развилъ своихъ ученій, а принялся ихъ осуществлять, школьно и пусто; общественные перевороты никогда не бываютъ готовы передъ борьбою; готово бываетъ отрицаніе стараго; борьба дѣйствительное рожденіе на свѣтъ общественныхъ идей, она ихъ дѣлаетъ живыми изъ абстракціи, учрежденіями изъ теоритическихъ мыслей; готовы и выработаны являются утопіи — платонова республика, Атлантида Томаса Моруса, царство небесное, весь божія христіянъ. Церковь вовсе не была готова въ Евангеліи, а развилась временемъ, борьбою, соборами. Пока соціализмъ былъ теоритическою мыслію, онъ дѣлалъ окончательныя построенія (фаланстеръ), выдумывалъ формы и костюмы; какъ скоро онъ сталъ осуществляться, Сенъ-Симонизмъ и Фурьеризмъ изчезли и явился соціализмъ — коммунизма т. е. борьбы на смерть, соціализмъ—Прудона, который самъ недавно сказалъ, что у него не система, а критика и негація.

Зачѣмъ, говорятъ люди очень добросовѣстные, зачѣмъ соціализмъ усложнилъ вопросъ? надобно было дать время упрочиться республикѣ, а потомъ начать пропаганду соціализма, онъ многихъ испугалъ, отстращалъ отъ республики, съ другой стороны работники не хотятъ драться просто за республику.

Можно быть очень добросовѣстнымъ человѣкомъ и плохимъ историкомъ, еще худшимъ психологомъ.— У человѣчества другая экономія нежели у кухарокъ, оно починаетъ всѣ круги сыра разомъ, а не ждетъ чтобъ первый былъ съѣденъ, оно поритъ со всѣхъ концовъ. Когда является въ сознаніи, новая, великая мысль и поражаетъ сильнѣйшія разумѣнія своего времени, ее остановить или задержать невозможно; массы какъ будто предчувствуютъ ее; каждое слово, которое въ другое время прошло бы незамѣченнымъ, безпокоитъ, волнуетъ; и кто-же въ самомъ дѣлѣ можетъ сказать людямъ, какъ Гамлетъ говорилъ себѣ: "Сердце, погоди, не бѣйся — я выжду что скажетъ Гораціо". Развѣ мысль не такой-же фактъ, какъ всѣ другіе факты? развѣ она не имѣетъ своего необходимаго рожденія и развитія непреложнаго, неотвратимаго? Соціализмъ долженъ былъ поднять свое знамя при первомъ кликѣ республики и заявить свое существованіе; обманутый два раза временнымъ правительствомъ, обманутый собраніемъ, онъ потребовалъ сначала словомъ, потомъ барикадами исполненіе обѣщаннаго. Ему отвѣчали четырехдневной канонадой; онъ былъ побѣжденъ—и посмотрите, республика не можетъ держаться, сохраненіе такой республики не имѣетъ больше интереса для народа. Да и республика эта сама-по-себѣ не имѣетъ мысли — или укажите ее въ конституціи 48 г., въ засѣданіяхъ собранія, въ журналахъ несоціальныхъ?.... я ничего въ мірѣ не знаю жалче положенія "Реформы"

И сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности ея......

и ей нечего сказать..... Тамъ, гдѣ-то борьба, великія сомнѣнія, работа будущаго, а тутъ въ камерѣ, правительствѣ, въ журналахъ жуютъ себѣ жвачку, пережёвывая ее въ сотый разъ — Прудонъ, Пьеръ Леру, Консидеранъ не идутъ въ примѣръ, потому что ихъ не слушаютъ, они иностранцы въ собраніи, ихъ слова вызываютъ только вопль негодованія.

"Да республика организовала бы свободу"..... Что такое свобода, господа Горы? — Не та-ли эта свобода, которая по предложенію Паскаля Дюпра, отдала Парижъ въ осадное положеніе? Нѣтъ, время либеральной партіи и политическихъ республиканцевъ прошло, имъ нечего сказать, имъ нечего дѣлать, ихъ республика оттого и не стоитъ, что не можетъ стоять, она обойдена, народу до нея нѣтъ дѣла.

Работникъ, отчаянно дравшійся 24 Февраля, ждалъ не того. Это было своего рода journée des dupes. Какъ только хмѣль торжества прошелъ, всѣ проснулись удивленные, испуганные; люди, не хотѣвшіе ронять тронъ, вспомнили, что они его уронили; люди, хотѣвшіе политической республики, вспомнили, что они лепѣтали всенародно о соціализмѣ; красные республиканцы бѣсились, что выпустили изъ рукъ власть, что допустили правительство слабое и ретроградное; работники оплакивали свое знамя— оскорбленное Ламартиномъ для удовольствія мѣщанъ. Словомъ, никто не видалъ исполненія своей мысли, никто не былъ доволенъ, одни съ досадой вспоминали что надѣлали, другіе съ ужасомъ на чемъ остановились. Смѣшеніе понятій росло и дошло наконецъ до того, что въ іюньскіе дни враги нападали другъ на

друга съ ожесточенной злобой и при крики Vive la République! съ обѣихъ сторонъ—это было страшнымъ доказательствомъ, что слово Республика не могло удовлетворять новой борьбѣ, что борьба и вопросъ перешли за предѣлы этого слога.

Это слѣдовало понять прежде кровавыхъ событій временному правительству, но, лишенное инициативы и энергіи, оно было похоже не на диктатора, а на цѣломудреннаго человѣка, который нашелъ корону и держитъ ее въ рукахъ, спрашивая каждаго встрѣчнаго, не онъ-ли обронилъ ее и не имѣетъ-ли онъ надлежащіе документы, чтобъ взять ее назадъ. Это было честно, но очень глупо. Два мѣсяца реакція не вѣрила своимъ глазамъ, люди биржи и интригъ были побѣждены наивностью Ламартина, они не могли понять какъ можно, имѣя такую власть, никуда не употребить ее. Когда-же они убѣдились, что власть эта только и употребляется на удержаніе источника, который ее питалъ, тогда, заглушая внутренній хохотъ, они прокричали 4 марта свое Vive la République! Люди положительные, они поняли, что хлопотать о той или другой династіи не стоитъ труда, и что съ такой республикой первенство буржуазіи не погибло.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Sei Repubblica tu, Gallica greggia ... ?

Alfieri. (Misogallo).

—

Ницца 10 Іюля 1850 г.

Наконецъ я опять въ Ниццѣ—въ Ниццѣ теплой, благоуханной, тихой и теперь совершенно пустой. Два года съ половиной тому назадъ я едва обратилъ вниманіе на нее. Тогда я еще искалъ людей, большіе центры движенія, дѣятельности, многое было мнѣ ново, многое занимало. Полный негодованія, я еще примирялся; полный сомнѣній, я находилъ еще надежды въ моей груди и торопился оставить маленькой городокъ, едва бросивъ разсѣянный взглядъ на его красивыя окрестности. Торжественный гулъ итальянскаго пробужденія пробѣгалъ тогда по всему полуострову—я рвался въ Римъ.

Это было въ концѣ 1847 г.....а теперь я прихожу въ Ниццу съ потупленной головой "голубя путешественника", прося одного покоя въ ея безмятежной

пустотѣ, удаляясь отъ трескучей дѣятельности большихъ городовъ, также ни къ чему не ведущей на Западѣ, какъ безпечная праздность на Востокѣ.

Долго думая куда укрыться, гдѣ найти отдыхъ, я избралъ Ниццу не только за ея кроткій воздухъ, за ея море—а за то, что она не имѣетъ никакого значенія ни политическаго, ни ученаго, ни даже художественнаго. Мнѣ менѣе не хотѣлось ѣхать въ Ниццу нежели всюду и я доволенъ ею. Это мирная обитель, въ которую я отхожу отъ міра сего, пока мы не нужны другъ другу. Счастливый ему путь. Онъ довольно меня мучилъ, я не сержусь на него, онъ не виноватъ, но не имѣю больше ни силъ, ни охоты дѣлить его свирѣпыя игры, его пошлый отдыхъ.

Это вовсе не значитъ, что я совсѣмъ посхимился, далъ обѣтъ, заклятіе—я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, да и родъ человѣческій вышелъ изъ нихъ, когда такія шутки были въ ходу, я не считаю себя въ правѣ кабалить мое будущее ..... нѣтъ, я поступилъ гораздо проще, я отошелъ въ сторону отъ непогоды и долгаго ненастья, не видя средствъ остановить его.

И было отъ чего уйти въ лѣсъ, безъ распоряженій Бароша и Карлье. Когда я подумаю, что за жизнь влачилъ я въ Парижѣ въ послѣднее время, мной овладѣваетъ тоскливое безпокойство и страхъ. Я вспоминаю объ ней какъ объ недавней хирургической операціи и мнѣ кажется, что снова чувствую приближеніе кривыхъ ножницъ и зонда къ наболѣвшему мѣсту. Съ утра до ночи всѣ стороны души были оскорбляемы, грубо, нагло, дерзко. Одинъ

взглядъ на журналы и пренія въ собраніи отравляли цѣлый день.

Нѣтъ, это не роялизмъ и не консерватизмъ довелъ этихъ людей до такого растлѣнія всякаго нравственнаго чувства, всякаго человѣческаго достоинства. Совсѣмъ напротивъ, эти люди довели роялизмъ и консерватизмъ до такого безстыднаго цинизма. Роялизмъ своего рода общественная религія, онъ не исключаетъ ни доблести, ни благородства; его вина въ ограниченности и несовременности; консерватизмъ —политическая теорія, старческій образъ мыслей, но далеко не лишенный чувства стыда, чести. Ни Стафордъ, ни Малербъ, ни англійскіе Тори нисколько не были похожи на нынѣшнихъ орлеанистовъ и елисейцевъ. Депутаты, литераторы, журналисты "великой партіи порядка" такъ перемѣшались съ грязными орудіями власти, которыхъ нельзя уже оскорбить не только словомъ, но и рукой, что не знаешь ни разу, имѣешь-ли дѣло съ человѣкомъ или съ шпіономъ. . . . .

Большинство камеры и консервативные журналы вѣрные органы не роялизма, а того поколѣнія Французовъ, которое, родившись подъ казарменнымъ гнетомъ имперіи, вполнѣ разцвѣло подъ зонтикомъ короля-гражданина. Оно не вѣритъ въ христіанство, оно не вѣритъ въ королевскую власть, но оно знаетъ опасность свободы, но оно хочетъ наслаждаться — хоть одно десятилѣтіе еще. И вотъ отчего журналисты порядка представляютъ доносчиковъ ангелами хранящими порядокъ и спасающими общество. И вотъ отчего одинъ изъ опричниковъ порядка наивно

защищался въ своей брошюрѣ тѣмъ, что онъ ходилъ на революціоннеровъ какъ на охоту и бралъ хитростью гдѣ нельзя было взять силой; а рецензентъ, воспѣвшій его, уговариваетъ схватить вилы и серпы и избивать соціалистовъ по домамъ и полямъ. Въ тоже время органъ болѣе порядочный Journal des Débats,, умиляется предъ самоотверженной службой доблестнаго корпуса жандармовъ, а Assemblée Nationale называетъ императора Николая—Агамемнономъ и страстно зоветъ его идти на Европу.

Защитники порядка съ какой-то болѣзненной горячностью напращиваются на самый грубый деспотизмъ, лишь бы власть обезпечила неприкосновенность стяжанія. Они изъ-за этого протянули руку всѣмъ правительствамъ ненавидящимъ Францію; они изъ-за этого отдали дѣтей своихъ на воспитаніе іезуитамъ, которыхъ сами терпѣть не могутъ, они изъ-за этого дошли до того героизма подлости, что хвастаются публично доносами —такъ какъ ихъ публичныя сестры хвастаются своимъ развратомъ.

Образованность не обязываетъ французскихъ консерваторовъ ни къ чему; съ этой стороны они совершенно свободны; при своихъ риторическихъ, учтиво стереотипныхъ и чувствительно моральныхъ фразахъ они свирѣпы, безжалостны и безраскаянны. Французы вообще любятъ тѣснить. Вы знаете, какъ они въ прошломъ вѣкѣ "освобождали" Италію и какую ненависть возбудили въ Испаніи — но это ничего передъ тѣмъ каковы они дома въ междоусобіи; тутъ они дѣлаются кровожадными звѣрями, мясниками варѳоломеевской ночи, сентябрскихъ дней, іюньскими застрѣльщиками.

Я съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, съ тѣмъ любопытствомъ, съ которымъ мы смотримъ какъ кормятъ гіену или какъ boa constrictor глотаетъ живыхъ кроликовъ, слѣдилъ за преніями о депортаціи.

Не думайте, что я хочу говорить о нелѣпости осуждать людей на вѣчную тюрьму, за поступки сдѣланные черезъ нѣсколько дней послѣ переворота, когда умы еще волнуются, а учрежденія не установились—нѣтъ. Я знаю какъ враги судятъ и осуждаютъ своихъ враговъ, чего тутъ ожидать лучшаго? Но колосально то, что собраніе, состоящее изъ семи сотъ человѣкъ, возвращается черезъ два года въ казематы, въ которыхъ гибнутъ ихъ противники, для того чтобъ удесятерить наказаніе.

Прежде всего надобно знать, что такое французскія тюрьмы. Одно позволеніе видаться съ другими арестантами и вмѣстѣ гулять, дѣлаетъ ихъ сноснѣе Шпильберга, Шпандау или Бобруйска. Въ центральной тюрьмѣ Клерво люди мерли съ голоду, въ Мон - Сен - Мишелѣ, въ Дулансѣ, въ Бель - Илѣ бросаютъ за вздорныя провинности заключенныхъ съ связанными руками въ кануру безъ оконъ; знаменитый Бланки былъ однажды избитъ въ тюрьмѣ. Шильонская тѣмница построенная савойскими герцогами въ среднихъ вѣкахъ, покажется танцовальной залой передъ château d'Iff возлѣ Марселя, гдѣ содержались іюньскіе инсургенты. Но если французскія тюрьмы стоятъ Шпильберга, то Нука-Ива далеко превосходитъ Сибирь. Въ Сибири климатъ свирѣпый —но не убійственный, ссылаемые на поселеніе (на

депортацію), а не на каторжную работу, не принуждены къ поурочному труду, какъ въ французскихъ пенитенціарныхъ колоніяхъ въ Алжирѣ.

Но министрамъ и представителямъ было мало Нука-Ивы, они выдумали на этомъ болотистомъ островѣ, обозжённомъ тропическимъ солнцемъ, покрытомъ тучами москитовъ, построить экваторіальную Бастилію. И это не все, они хотѣли подвести всѣхъ прежде осужденныхъ подъ этотъ законъ, вопреки здравому смыслу и начальнымъ понятіямъ уголовнаго права.

Когда остатокъ совѣсти Одилона Баро возсталъ противъ этой неслыханной нелѣпости, когда раскаяніе за іюньскую кровь вызвало Ламорисьера на трибуну, чтобъ предложить укрѣпленное мѣсто вмѣсто тюрьмы, тогда надобно было видѣть этихъ Прокезовъ порядка, этихъ Канибаловъ религіи, этихъ шакаловъ добродѣтели и семейной жизни. Звѣриные звуки злобы вырывались изъ груди этихъ безчувственныхъ стариковъ, этихъ бездушныхъ адвокатовъ—во время собиранія голосовъ. Потерявши два пункта, они съ бѣшенствомъ схватились за третій—и отстояли его. Семьи не имѣютъ права идти въ депортацію, осужденный долженъ просить какъ милости объ этомъ; министръ имѣетъ право отказать. "У политическихъ преступниковъ, у враговъ общества—нѣтъ семьи", сказалъ одинъ изъ ораторовъ.

Какъ языкъ человѣческій нашелъ столько силы, чтобъ всенародно сказать это, какъ безстыдство могло воспитаться до этой поэзіи бездушія, въ странѣ гдѣ послѣдовательно въ полстолѣтія всѣ партіи перебывали въ тюрьмѣ—это тайна французскаго воспитанія...

И все это дѣлается для защиты общества, религіи, семьи.

Хорошо должно быть общество, защищаемое такими средствами. Общество, защищаемое Тьеромъ; религія защищаемая—Тьеромъ; семейство, защищаемое—Тьеромъ!

Thierus salvator mundi, redemptor usuriæ et defensor proprietatis—ora pro nobis!

Бѣдный Іисусъ Христосъ, до чего тебѣ пришлось дожить, Тьеръ сталъ твоимъ однокорытникомъ!

А впрочемъ Тьеръ полнѣйшій представитель современнаго большинства, дерзкаго на видъ и смиреннаго на дѣлѣ, которое, остря и помирая со смѣху, ссылаетъ на поселеніе, сажаетъ на цѣпь, которое имѣетъ одного Бога—капиталъ, и не имѣетъ Боговъ развѣ его. Кто лучше можетъ представлять французскую партію порядка какъ не Тьеръ—острякъ, сѣдой gamin, шалупъ, болтунъ, либералъ облитый ліонской кровью, вольнодумъ продиктовавшій сентябрскіе законы? Самая наружность Тьера, малорослаго старишки, съ кругленькимъ брюшкомъ, на тоненькихъ ножкахъ, съ видомъ плута-дворецкаго, Фигаро, типически выражаетъ буржуазную Францію.

Скорѣе отлѣйте его статую, статую въ очкахъ и въ полуфракѣ и поставьте ее на іюньскую колону, пусть она перегядывается съ своимъ императоромъ на вандомской колонѣ. Наполеонъ и Тьеръ—героическая эпоха восходящаго мѣщанства и эпоха ея тучнаго преспѣянія!

.....“Все это печальпо, дурно,” говорили мнѣ демократы, страдающіе хроничекой надеждой и за-

старѣлымъ оптимизмомъ, "но не надобно временную остановку принимать за болѣе важное нежели она есть. Наша побѣда близка, безумцы хотятъ коснуться до всеобщей подачи голосовъ...за свой голосъ народъ встанетъ какъ одинъ человѣкъ".

Отняли всеобщую подачу голосовъ, ни одинъ человѣкъ не двинулся, народъ остался въ томъ "торжественномъ и величавомъ покоѣ", о которомъ ему такъ натолковали и въ которомъ остается человѣкъ когда его ограбятъ, довольный что не изуродавали. — Странная борьба, всякій разъ одинъ и тотъ-же побитъ и мы знаемъ о его существованіи только потому что онъ кричитъ отъ боли;—это не борьба, а побѣда. Но чающіе воскресенія мертвыхъ демократы не унываютъ. "Это-то и прекрасно, говорятъ они, теперь-то правительство и сломитъ себѣ шею". Разумѣется, правительство когда-нибудь упадетъ, все имѣетъ конецъ, особенно во Франціи.....Да вы то во всемъ этомъ что? Народъ не за правительство, зачѣмъ клѣпать на него—да и не за васъ.

Народъ не съ вами, потому что въ вашей свободѣ онъ не находитъ своей, потому-что ваша борьба—борьба двухъ правительственныхъ формъ—не его борьба .... вы воображаете, что пріобрѣли дѣло, когда произнесли слово, а народу дѣла нѣтъ до словъ; народъ не съ вами наконецъ, потому-что вы должны быть съ нимъ. Вы должны изучить его стремленія, его желанія, а не онъ давать свою кровь на ваши теоретическія попытки, на вашъ курсъ экспериментальной революціи. Вы видите, что прежней дорогой идти нельзя.....если-же вы не хотите

новыхъ путей, если-же не можете переродиться, то сознайтесь откровенно, что вы прошедшее и доживайте спокойно вашъ вѣкъ, какъ историческая рѣдкость какъ образчикъ иного времени, не усиливаясь ходить и мутить міръ послѣ смерти, какъ легитимисты, іезуиты, піэтисты.

Они называли это озлобленіемъ, отчаяніемъ, они находили доблестнымъ выдерживать свою роль и пытаться ставить на своемъ, хотя явнымъ образомъ не было мѣста гдѣ ставить.....

...Трудно изъ-дали вообразить себѣ, что дѣлается въ Парижѣ. Никакихъ гарантій, этихъ бѣдныхъ, небольшихъ гарантій данныхъ притѣснительнымъ code civil, не существуетъ болѣе. Террорь сальный, скрывающійся за угломъ, подслушивающій за дверью, тяготитъ какимъ-то чаднымъ туманомъ надо всемъ. Всякій мерзавецъ, который донесетъ на васъ какую-нибудь политическую небылицу, можетъ быть увѣренъ, что на другой день полицейскій коммисаръ съ двумя шпіонами явится къ вамъ осматривать бумаги. Семейныя тайны, дружескія сообщенія, все перерыто рукою лакеевъ свѣтской инквизиціи, половина унесена и никогда не возвратится къ вамъ. Люди имѣющіе или имѣвшіе политическое значеніе, не спятъ дома, прячутъ бумаги, запасаются визированными пасами. Всѣ боятся дворниковъ, коммисіонеровъ, трехъ-четвертей знакомыхъ; письма приходятъ подпечатанныя, на углахъ улицъ постоянно бродятъ подозрительныя фигуры въ сюртукахъ пе по мѣркѣ, въ потертыхъ шляпахъ, съ подло-военнымъ видомъ и съ палкой въ рукѣ. Они

провожають глазами прохожихъ и передають ихъ своимъ партнерамъ.

Вечеромъ шайки шпіоновъ отправляются на ловлю запрещенныхъ для продажи журналовъ, они всякими обманами выманиваютъ какой-нибудь нумеръ Evénement, городовые сержанты, спрятанные въ засадѣ, бросаются тогда на бѣдную лавченку или столъ, единственное достояніе какой-нибудь старухи, пропитывающей семью. Сержанты хватаютъ старуху, старуха плачетъ, ее толкаютъ, ругаютъ и ведутъ къ префекту вмѣстѣ съ какимъ-нибудь обтерханнымъ мальчикомъ 8 лѣтъ, который до вечера не ѣлъ и продалъ тайкомъ "Эстафету". Прохожіе видятъ и идутъ своей дорогой, не смѣя поднять голоса —будто въ Петербургѣ или въ Варшавѣ.

Въ тиранствѣ безъ тирана есть что-то еще отвратительнѣйшее, нежели въ царской власти. Тамъ знаешь кого ненавидить, а тутъ—анонимное общество политическихъ шулеровъ и биржевыхъ торгашей, опертое на общественный развратъ, на сочувствіе мѣщанъ, опертое на полицейскихъ пиратовъ и на армейскихъ кондотьеровъ, душитъ безъ увлеченья, гнететъ безъ вѣры, изъ-за денегъ, изъ страха—и остается не уловимымъ, анонимнымъ. У этой Вестъ-Гальской компаніи есть коммисаръ центральной полиціи, получившій шесть милліоновъ голосовъ въ память того, что его дядя тѣснилъ лѣтъ шестнадцать тотъ-же народъ и усѣялъ поля всей Европы французскими трупами, для того чтобъ сдѣлать возможнымъ возвращеніе Бурбоновъ!

Кто онъ такое самъ? — Сколько я ни смотрѣлъ на

его заспанное лицо, на его колосальный носъ, на его мутные, пухлые глазки, на опустившіяся черты.....я только могъ высмотрѣть отрицательныя качества, но по этому-то онъ и будетъ великъ, по этому-то онъ и современенъ.

Дѣйствительно нашему вѣку принадлежитъ честь производить такихъ пресныхъ, безхарактерныхъ, безплодныхъ, стертыхъ людей, какъ Пій IX, король прусскій, Людовикъ Наполеонъ и ихъ doyen d'âge, отставной австрійскій императоръ.

.....На самой границѣ Франціи еще разъ мнѣ припомнились всѣ черныя стороны ея.

Случайно взялъ я на желѣзной дорогѣ изъ Авиньона въ Марсель книгу одного изъ спутниковъ и прочитавши страницъ двадцать, остановился. Я не нервная женщина, вообще довольно читалъ и видѣлъ, чтобъ впередъ знать, что нѣтъ звѣрства, что нѣтъ злодѣйства, на которое люди не были бы способны. Но безъ преувеличенія, безъ фразъ, я положилъ книгу отъ внутренняго волненія. Это была какая-то новая исторія о "бѣломъ ужасѣ" (terreur blanche) въ 1815.

Въ Марселѣ роялисты вырѣзали, избили всѣхъ Мамелюковъ съ ихъ женами и дѣтьми. Въ другомъ мѣстѣ католики напали на протестантовъ выходящихъ изъ церквей, часть ихъ перебили и раздѣвши, до нага, таскали ихъ дочерей голыхъ по улицамъ..... и все это дѣлалось подъ покровительствомъ центральныхъ комитетовъ, имѣвшихъ сношенія съ графомъ Артуа и получавшихъ свои приказанія изъ марсанскаго павильона.

— „Но развѣ якобинцы лучше поступали въ департаментахъ?" — Нѣтъ, не лучше. Но это не только не утѣшительно, а напротивъ, это-то и приводитъ въ отчаяніе, тутъ-то и лежитъ неотразимое доказательство кровожадности Французовъ. Съ которой бы стороны побѣда ни была, „оставьте всякую надежду", они безжалостны и не великодушны, они рукоплещутъ каждому успѣху, каждой кровавой мѣрѣ, они всякій разъ идутъ далѣе самаго правительства.

Schiavi or siam, si ; ma schiavi almen frementi,
Non quali, o Galli, e il fosti et il siete vui,
Schiavi, al poter qual ch'ei pur sia, plaudenti.
Alfieri.

Марсель одинъ изъ самыхъ противныхъ, прозаическихъ городовъ на югѣ. Лѣтомъ, если Мистраль не сшибаетъ съ ногъ и не душитъ пылью, жаръ нестерпимый, гнилое испареніе подпимается отъ стоячей воды канала. Мнѣ хотѣлось, какъ можно скорѣе уѣхать, особенно послѣ прочтенной главы... мнѣ все казалось, что я встрѣчаю на улицахъ актеровъ гнусныхъ сценъ — вотъ этотъ пищій, старикъ съ дикимъ лицомъ, непремѣтно ходилъ изъ дома въ домъ убивать бонапартистовъ; вотъ этотъ портной, кривой, нечистый и съ узкимъ лбомъ, вѣрно рѣзалъ Мамелюковъ, или можетъ примется во имя Порядка, Семьи и Религіи рѣзать con amore соціалистовъ.

Когда я переѣхалъ Варскій мостъ и піэмонтскій карабинеръ принялся записывать мой пассъ, мнѣ стало легче на душѣ. Я стыжусь, краснѣю за Францію и за себя, но признаюсь—я свободнѣе вздохнулъ, такъ какъ во время оно, вздохнулъ переѣзжая русскую границу. Наконецъ я вышелъ изъ этой среды нрав-

ственной пытки, постояннаго раздраженія, бѣшенства, негодованія. По эту сторону я буду чужой всѣмъ, я не знаю и не дѣлю ихъ интересовъ, мнѣ дѣла до нихъ нѣтъ и имъ до меня. Здѣсь я могу быть отрицательно независимымъ, здѣсь я могу отдохнуть...до тѣхъ поръ пока святая Германдада всемірной полиціи не начнетъ и въ Піэмонтѣ свой крестовый походъ.

Карабинеръ отдалъ мнѣ пассъ, я взглянулъ на визу —"visto da R. carab. al Ponte Varole il 23 Gunio". И такъ я оставлялъ Францію въ страшную годовщину 23 іюня. Я посмотрѣлъ на часы—три-четверти пятаго. Два года тому назадъ въ этотъ часъ приготовлялась великая, роковая борьба. Я стоялъ подъ дождемъ, прислонясь къ дому и смотрѣлъ на оканчивавшуюся огромную барикаду на place Maubert — сердце билось страшно и я думалъ — to be, or not to be.....

Not to be — рѣшила судьба. Революція была побѣждена. Авторитетъ восторжествовалъ надъ свободой; вопросъ, потрясавшій Европу съ 1789 года, разрѣшился отрицательно. Стыдъ взятія Бастиліи смытъ канонадой на ея мѣстѣ, и на этотъ разъ взято предмѣстье св. Антонія. Послѣ іюньскихъ дней оставалось дѣлать частныя усмиренія, воспользоваться побѣдой, смѣло проложить ея послѣдствія. Главное было сдѣлано, монархическая республика защитила монархическій принципъ и смѣшала всѣ понятія.

Революція была побѣждена не въ Вѣнѣ, не въ Берлинѣ, а въ Парижѣ; не Англіей и Россіей, не эмигрантами и Бурбонами, а республиканцами во имя порядка—какого порядка?—того "варшавскаго порядка," который стрѣмилась завести правитель-

ственная редакція Насіоналя, того, который окончился избраніемъ Людовика Наполеона, взятіемъ Рима, осаднымъ положеніемъ, уничтоженіемъ всѣхъ свободъ и всѣхъ правъ.—И такъ да здравствуетъ порядокъ! Іюньская кровь новое помазаніе всѣмъ монархамъ, всѣмъ властямъ!..

Съ бомбардированія парижскихъ улицъ, съ обмана инсургентовъ предмѣстья св. Антонія, съ растрѣливанія гуртомъ, съ депортацій безъ суда, не только начинается побѣдоносная эра порядка, но и опредѣляется весь характеръ предсмертной болѣзни дряхлой Европы. Она умретъ рабствомъ, застоемъ, византійской болѣзнью.....она умерла бы и свободой, по оказалась не достойной этого. Донской Казакъ въ свое время придетъ разбудить этихъ Палеологовъ и Порфирогенетовъ—если ихъ не разбудитъ трубный гласъ послѣдняго суда, суда народной Немизиды, который будетъ надъ нимъ держать соціализмъ мести — комунизмъ — и на который аппеляцію не найдешь ни у Тьера, ни у Мараста—да врядъ тогда найдешь-ли самихъ Мараста и Тьера. Комунизмъ близокъ душѣ французскаго народа, такъ глубоко чувствующаго великую неправду общественнаго быта и такъ мало уважающаго личность человѣка.

Послѣ іюньскихъ дней ни разу лучь близкой надежды не проникалъ въ мою грудь. Сколько мнѣ приходилось спорить съ друзьями! они не хотѣли видѣть что произошло, они требовали чтобъ я дѣлилъ ихъ упованія. Я готовъ былъ дѣлить съ ними опасности, гоненія, готовъ былъ даже погибнуть — не столько изъ мужества и самоотверженія, сколько отъ

скуки и по пословицѣ "на людяхъ и смерть красна", но добровольно заблуждаться, но остановиться передъ истиной и отвернуться отъ нея, потому что она безобразна — я не могъ.

И гдѣ тѣ, съ которыми я спорилъ?—всѣ разсѣяны, всѣ гонимы; кто не въ тюрьмѣ, тотъ давно переплылъ Океанъ, другой удалился въ Каиръ, третій спрятался въ Швейцаріи, четвертый скитается въ Лондонѣ.... кто-же былъ правъ?

. . . . Но довольно! Передъ моимъ окномъ стелется средиземное море, я стою на святомъ итальянскомъ берегу. Мирно вхожу я въ эту гавань и начерчу на порогѣ своего дома древній пентаграмъ въ отжененіе всякаго духа тревоги и людскаго безумія.....

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

—

Ницца 1 Іюня 1851 г.

Я исполнилъ свое намѣреніе и прожилъ въ моей пустынѣ годъ цѣлый, не только не писавши длинныхъ посланій, но и не читая писанныхъ другими. Смиренно сидѣлъ я у средиземнаго моря и ждалъ погоды, но не дождался ничего хорошаго—все стало еще хуже, суровый Мистраль дуетъ и сильнѣе и холоднѣе. Напрасно радовался я моему тихому удаленью, напрасно чертилъ я пентаграмъ, я не нашелъ желаннаго мира, ни покойной гавани. Пентаграмы защищаютъ отъ нечистыхъ духовъ; отъ нечистыхъ людей не спасетъ никакой многоугольникъ — развѣ только квадратъ селюлярной тюрьмы.

Скучное, тяжелое время и чрезвычайно пустое, утомительная дорога между станціей 1848 года и станціей 1852—новаго ничего, развѣ какое личное несчастіе доломаетъ грудь, какое - нибудь колесо жизни разсыпится, шина лопнетъ.....

Впрочемъ до Іюня мѣсяца 1851 г. дотащились—

и то хорошо. Ну, друзья, ну! шагъ за шагомъ, дорога больно глиниста, песчана—да вѣдь дѣлать нечего, не остаться-же ночевать—чтобъ сократить ее, давайте снова перебирать старое.

Хотя перебирать его не легко.

Трудно говорить откровенно въ наше время и это вовсе независимо отъ полицейскихъ преслѣдованій, а оттого что большинство людей, стоявшихъ съ нами на одномъ берегу, расходится болѣе и болѣе; мы идемъ, они не двигаются и становятся все раздражительнѣе отъ лѣтъ, отъ несчастіи и составляютъ демократическое православіе.

У нихъ учреждена своя радикальная инквизиція, свой ценсъ для идей; идеи и мысли удовлетворяющія ихъ требованіямъ, имѣютъ права гражданства и гласности, другія объявляются еретическими и лишены голоса; это пролетаріи нравственнаго міра, они должны молчать или брать свое мѣсто грудью, возстаніемъ. Противъ бунтующихъ идей является демократическая цензура, несравненно болѣе опасная нежели всякая другая, потому что не имѣетъ ни полиціи, ни подтасованныхъ присяжныхъ, ни судей въ маскарадныхъ беретахъ, ни поповъ въ маскарадныхъ митрахъ, ни тюремъ, ни штрафовъ. Цензура реакціи насильственно вырываетъ книгу изъ рукъ и книгу всѣ уважаютъ; она преслѣдуетъ автора, запираетъ типографію, ломаетъ станки и гонимое слово переходитъ въ вѣрованіе. Цензура демократическая губитъ нравственно, обвиненія ея раздаются не изъ съѣзжей, не изъ прокурорскаго рта, а изъ дали ссылки, изгнанія, изъ мрака заточенія; приговоръ

писанный рукой, на которой виденъ слѣдъ цѣпи, отзывается глубоко въ сердцахъ, что вовсе не мѣшаетъ ему быть несправѣдливымъ.

У нашихъ старовѣровъ образовалось свое обязывающее преданіе, идущее съ 1789 г., своя связующая религія, религія исключительная, притѣснительная. Они хранятъ ее въ изгнаніи, несмотря на преслѣдованія и гоненія—это прекрасно, но мало способствуетъ къ развитію. Несчастіе останавливаетъ, вѣрность былому мѣшаетъ настоящему; гонимое преданіе съ своимъ терновымъ вѣнкомъ на головѣ, ограничиваетъ сердце, мысль, волю.

Демократы-формалисты точно Бурбоны, ничему на научились въ бѣдственную годину начавшуюся на другой день послѣ февральской революціи. Оттого они такъ упорны въ своихъ мнѣніяхъ не могутъ надивиться откуда произошли всѣ ихъ неудачи и добродушно объясняють ихъ частными ошибками, измѣнами. Воротись они завтра изъ тюремъ и ссылокъ въ правительство они будутъ продолжать свою невозможную, несоціальную республику, такъ какъ эмигранты послѣ 1815 г. продолжали свою невозможную монархію-рококо.

Все то, что останавливается и оборачивается назадъ, каменѣетъ какъ жена Лота и покидается на дорогѣ. Исторія принадлежитъ постоянно одной партіи —партіи движенія.

Революціонный консерватизмъ дошелъ въ послѣднее время до того, что хранительное начало въ немъ перевѣшиваетъ революціонное, и, какъ ни парадоксально это покажется, а разрушеніе старыхъ обще-

ственныхъ формъ идетъ впередъ благодаря реакціонерамъ и дѣйствительнымъ консерваторамъ.

Видя грозящую опасность, реакціонеры вышли за предѣлы поставленные законами и укрѣпились внѣ падающихъ стѣнъ собственной крѣпости—подтверждая тѣмъ самымъ и ускоряя близость ихъ паденія; а наши старовѣры изъ этихъ-то стѣнъ готовыхъ рухнуться и собираются построить свою республику.

Вотъ почему брошюра Ромье гораздо революціоннѣе прокламацій центральнаго Комитета.

Брошюра Ромье, крикъ ужаса раздавшійся у гуляки, невзначай увидавшаго въ окно столовой гдѣ онъ такъ привольно пировалъ съ Вероновъ—красный призракъ; увидавъ Медузу въ фригійской шапкѣ, ему показалось что своды треснули, что столбы закачались, изъ-за трещинъ ему мерещился огонь отъ поджога, головы на пикахъ, люди съ топорами съ заскорузлыми руками и онъ дрожа всѣмъ тѣломъ сталъ звать на помощь.

“Забудьте, кричалъ онъ ломая руки, забудьте формальности легистовъ, право ваше всегда было пустое слово, а особенно теперь когда надобно спасаться и спасать свое послѣднее достояніе. Бѣйте на улицахъ, рѣжьте по домамъ, зовите на помощь русскія пушки, вѣнчайте цезаремъ того сержанта, который своимъ тесакомъ убьетъ послѣдняго соціалиста” — “ваши теперешнія средства остановить катаклизмъ, смѣшны (депортація, разстрѣливаніе, тюрьма, гильотина !....) онѣ напоминаютъ тѣхъ двухъ жандармовъ, поставленныхъ начальствомъ во время разлива Луары, съ приказомъ ѣздить шагомъ взадъ и впередъ по

берегу и подаваться назадъ по мѣрѣ того какъ вода будетъ понимать луга. То-ли надобно теперь...давайте боевые патроны и грудью впередъ, у побѣдителя не спросятъ о правахъ!"

Народныя массы вѣчно реальныя по инстинкту, а можетъ и потому, что онѣ-то и составляютъ реальность, не слушаютъ старовѣровъ. Онѣ смотрятъ имъ черезъ голову. Какъ, гдѣ научился народъ, трудно сказать—только не изъ книгъ, народъ мало читаетъ. Онъ не прочь иной разъ послушать демократическія рѣчи на банкетѣ, такъ какъ прежде любилъ слушать проповѣдниковъ; онъ даже соглашается съ тѣми и съ другими отъ непривычки къ слову и увлекаясь фразой, но на его жизнь, на повѣденіе, это не имѣетъ никакаго вліянія.

Народъ, какъ женщины, понимаетъ вещи особымъ процессомъ и особенно развитымъ тактомъ; до чего мы дорабатываемся длиннымъ теорическимъ трудомъ, то онъ схватываетъ вдругъ цѣликомъ и по-видимому даромъ. Новая истина поражающая его, если онъ ее пойметъ, переходитъ не въ разсужденіе, а въ непосредственное дѣйствіе, его пониманіе больше страстное и художественное нежели логическое. Долго дремлетъ народъ, тупо слѣдуя обычаю отцевъ, привычкѣ, повторяя принятое предшествовавшими поколѣніями —онъ склоняется передъ духовной и свѣтской властью, не разбирая ее; онъ ее принимаетъ за роковой фактъ, за неотвратимую и неподвластную ему силу, такъ какъ принимаетъ природу и ея явленія. У него мало досуга на отвлеченную работу, онъ работаетъ безпрерывно руками для завоеванія

матеріяльныхъ условій жизни. Иногда душу его волнуютъ темныя стремленія и неопредѣленная тоска, онъ чуетъ возможность лучшей жизни и гнѣтущую несправедливость, но поколѣнія идутъ за поколѣніями и онъ все остается при неясной тоскѣ, при одномъ стремленіи, онъ ничего не дѣлаетъ по видимому, но грудь его разъѣдена и готова. Одно слово, одно событіе, и онъ рветъ какъ Самсонъ свои путы; ринувшись впередъ, онъ становится въ уровень революціонному вопросу своего времени.

Массы французскаго народа ничего не знали о политикѣ передъ 1789 г., но онѣ давно были недовольны, пробужденныя парижскимъ набатомъ, онѣ стали революціонными, особенно въ городахъ, онѣ взяли Бастилію, а потомъ Тьюлри, а потомъ Ліонъ, а потомъ всю Европу, и, побѣжденныя, въ свою очередь вовсе не усмирились. Каждое поколѣніе имѣло свой юбилейный день революціи, 30 Іюля 1830, 24 Февраля 1848 года.

Но съ іюньскихъ дней народъ разстается съ революціонерами, именно потому, что остается вѣренъ революціи. Призрачный міръ политики и внѣшнихъ перестроекъ тюрьмы вдругъ изчезъ для него и утратилъ весь интересъ свой. Людовикъ Наполеонъ могъ десять разъ провозгласить себя императоромъ, легитимисты могли выписать своего Шамбора, орлеанисты короновать графа парижскаго, народъ не сказалъ бы ни слова. Трусость династовъ помѣшала имъ успѣть. А давно-ли этотъ самый парижскій народъ бѣжалъ за ружьемъ, оскорбленный приказами Полиньяка, запрещавшими печатать книги, которыхъ онъ

никогда бы не прочелъ, приказами Дюшателя запрещавшими банкетъ, на который его никто не звалъ и арміи блѣднѣли передъ нимъ и короли бѣжали. А теперь онъ сидитъ и не двигаясь смотритъ на гнусности, которыми явно подкапываютъ всѣ пріобрѣтенныя имъ права. Онъ далъ свои три мѣсяца голода, его обманули, онъ не вѣритъ больше въ тѣхъ, которые оставили его въ день его возстанія.

Но революція не остановилась. Вмѣсто неосторожныхъ попытокъ и заговоровъ, работникъ думаетъ крѣпкую думу и ищетъ связи не съ цѣховыми революціонерами, не съ редакторами журналовъ, — а съ крестьянами. Съ тѣхъ поръ какъ грубая рука полиціи заперла клубы и электоральныя собранія, трибуна работниковъ перенеслась въ деревни. Эта пропаганда неуловима и глубже захватываетъ нежели клубная болтовня.

Въ груди крестьянина собирается тяжелая буря. Онъ ничего не знаетъ ни о текстѣ конституціи, ни о раздѣленіи властей, но онъ мрачно посматриваетъ на богатаго собственника, на нотаріуса, на ростовщика; но онъ видитъ, что сколько ни работай, барышъ идетъ въ другія руки—и слушаетъ работника. Когда онъ его дослушаетъ и хорошенько пойметъ, съ своей упорной твердостью хлѣбопашца, съ своей основательной прочностью во всякомъ дѣлѣ, тогда онъ сочтетъ свои силы — а потомъ смететъ съ лица земли старое общественное устройство. И это будетъ настоящая революція народныхъ массъ.

Всего вѣроятнѣе, что дѣйствительная борьба богатаго меньшинства и бѣднаго большинства будетъ имѣть характеръ рѣзко коммунистическій.

Слово это пугаетъ старыхъ революціонеровъ, такъ какъ слово якобинецъ пугало вольнодумовъ-дворянъ и слово іезуитъ полу-католиковъ. Они проповѣдывали всю жизнь равенство и братство, теперь они хотятъ отпрянуть, когда народъ беретъ ихъ за слово—и все еще воображаютъ, что они идутъ съ нимъ за-одно и представляютъ во всей чистотѣ его стремленія.

Въ сущности они и не съ народомъ и не изъ него, они изъ книгъ, изъ школъ, изъ римскихъ преданій, изъ образованнаго меньшинства, изъ того общественнаго устройства, которое развилось противъ народа и которое должно погибнуть для того, чтобъ народъ былъ свободенъ.

Какой практически смѣшной и щемящій сердце образъ складывается для будущаго поэта, образъ Донъ Кихота революціи. Наши рыцари временъ конвента и старой горы, вскормленные исторіей девяностыхъ годовъ и тогдашнимъ Монитеромъ, видятъ въ настоящемъ одно временное отклоненіе отъ истинныхъ началъ, они стараются возвратить человѣчество къ 9 термидору и къ конституціи Сен-Жюста . . . . . Они повторяютъ слова потрясавшія нѣкогда сердца, не замѣчая, что онѣ уже давно задвинуты другими словами, они все еще толкуютъ о цивизмѣ и тираніи, о коалиціи и англійскомъ вліяніи, о протестанціяхъ и петиціяхъ, о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, о нарушеніи конституціи и наконецъ о святомъ правѣ возстанія!

Какъ работнику не улыбаться и не качать головой, когда ему въ осадномъ положеніи, возлѣ военныхъ судовъ и партій ссылаемыхъ безъ суда, толкуютъ о

правѣ возстанія, прибавляя къ нему вновь изобрѣтенную нелѣпость "права работы". Кому онъ предъявитъ эти права, кто обязанъ ихъ признать и на что они ему, когда сила не съ его стороны? И на что они ему, когда сила съ его стороны? По-крайней-мѣрѣ Людовикъ XVII былъ признанъ десятью нѣмецкими календарами и однимъ русскимъ.....

Наши Донъ-Кихоты вышли на поле, ничего не приготовивъ ни въ себѣ, ни внѣ себя; они вышли съ ненавистью къ царямъ и внѣшнимъ формамъ самодержавія, но съ уваженіемъ къ власти; они не хотѣли поповъ, но алтарь хотѣли, они назвали монархію республикой и перевели на римскую номенклатуру феодальныя постановленія, въ сущности не коснувшись до нихъ. Цѣль ихъ прекрасна—уничтоженіе тиранства, водвореніе всеобщаго братства, всемірной свободы, но такъ какъ эти общія мѣста безъ ряда объясненій и развитій расплываются въ какомъ-то пріятно-окрашенномъ туманѣ, то и неудивительно, что практической прилагаемости имъ не нашлось.

Они дерутся ржавыми оружіями своихъ враговъ на изнуренной почвѣ; ихъ бьютъ, разумѣется, оттого что противники лучше владѣютъ своимъ оружіемъ и что они дома. И въ то-же время въ довершеніе бѣдствій они столько-же теряютъ и на своемъ полѣ. Ихъ средства устарѣли, ихъ знамена истаскались, и не всегда въ бояхъ, а больше на банкетахъ и демонстраціяхъ.

Пора бы кажется остановиться и призадуматься, а пуще всего, изучить поглубже современность и пе-

рестать съ легкомысленной суетностью увѣрять себя и другихъ въ фактахъ, которыхъ нѣтъ—и отворачиваться отъ тѣхъ, которые есть, да намъ не нравятся; пора не принимать больше толпы на демонстраціяхъ за готовое войско, искать гласъ народный въ газетныхъ статьяхъ писанныхъ самими нами или нашими друзьями и общественное мнѣніе въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей, собирающихся ежедневно для того, чтобъ повторять одно и тоже.

Какъ это ни ясно, но горе тому кто въ печальномъ стану побѣжденныхъ поднимаетъ такую рѣчь. Маститые революціонеры и ихъ ставленики увидятъ обиду, личность, измѣну въ ней и проглядятъ трагическій характеръ скорбныхъ признаній, которыми человѣкъ отдираетъ свое сердце отъ среды въ которой жилъ, которую любилъ, но въ несвоевременности которой убѣжденъ. Они не оцѣнятъ лиризмъ ироніи и злобы, вырывающійся изъ груди человѣка, увидѣвшаго, что онъ часть жизни шелъ по ложной дорогѣ и не знаетъ успѣетъ-ли еще своротить на ту, которая его приведетъ къ цѣли. Они называютъ "дилетантами" мятежныя личности не дѣлящія ихъ воззрѣнія, неучтивыми гостями, которые не хотятъ дѣлить тяжелой пріуготовительной работы, а спокойно пересуживаютъ сдѣланное.

Донъ-Кихотъ тоже трудился очень много и совершенно безкорыстно. Пріуготовительные труды всѣхъ эмиграцій, состояли въ ссорахъ между собой, въ составленіи комитетовъ, въ которыхъ повторяли, что побѣда близка на канунѣ всякаго пораженія и на другой день послѣ всякаго пораженія.....

Многимъ кажется, что они напротивъ, живутъ въ совершенной праздности, даже въ праздности мысли, они не хотятъ подумать о томъ, что объ нихъ говорятъ ихъ друзья и что объ нихъ говорятъ ихъ враги. Они довольны собой. Что это за умственная лѣнь, за Vornehmthuerei, за morgue aristocratique, что за сознаніе своей папской непогрѣшительности?

Но какая-же необходимость говорить именно съ этими закоснѣлыми старовѣрами, тугими на ухо, приросшими какъ полипы къ скалѣ?—они сдѣлали свое, они люди почтенные, у нихъ мѣсто въ исторіи — но не сдѣлаться-же намъ столпниками изъ учтивости къ нимъ.

Какъ ни возставай, какъ ни досадуй, но мы сами принадлежимъ по жизни, по привычкамъ, по языку къ той-же литературно-ученой и политической средѣ отъ которой мы отрекаемся. Теоретическій разрывъ нашъ съ нею сдѣлать практическимъ не въ нашей волѣ, мы слишкомъ далеко зашли въ этой жизни, чтобъ остановить ее. Мы сняли нашу рясу, какъ Гафисъ, посѣдѣвши въ ней и оттого намъ, какъ Гафису, безпрерывно хочется говорить объ этомъ. Оно и не удивительно. Наше дѣяніе, это именно этотъ разрывъ и мы остановились на немъ, онъ намъ стоилъ много труда и усилій.

Разумѣется, намъ казалось, что это освобожденіе себя, первый шагъ, что за нимъ-то и начнется наша полная, свободная дѣятельность; безъ этого мы бы его не сдѣлали. Но въ сущности актъ нашего возмущенія и есть наше дѣяніе, на него мы потратили лучшія силы, о немъ раздалось наше лучшее слово,

мы и теперь можемъ быть сильны только въ борьбѣ съ книжниками и фарисеями консервативнаго и революціоннаго мира (*).

Оставить рѣчь съ ними и обратиться къ народу—великое дѣло, но мы не сумѣемъ.

Народу не то надобно что мы можемъ сказать, что намъ хочется сказать; наши слова отвѣты, подмостки, разработываніе понятій, оскорбленіе, исповѣдь, критика, сомнѣніе. Народъ едва знаетъ привидѣнія, противъ которыхъ мы боримся, его не занимаетъ нашъ бой, у него не та злоба. Народъ много страдаетъ, ему тяжела жизнь, онъ многое ненавидитъ и страстно догадывается, что скоро будетъ перемѣна, но онъ ждетъ не пріуготовленныхъ трудовъ, а откровенія того что закрыто бродитъ въ его душѣ, онъ ждетъ не книгъ, а апостоловъ, людей у которыхъ вѣра, воля, убѣжденіе и сила совпадаютъ воедино, людей никогда не разрывавшихся съ нимъ, людей не выходящихъ изъ него, но дѣйствующихъ въ немъ и съ нимъ, съ откровенной, непотрясаемой вѣрой и съ ничемъ не развлекаемой преданностію.

Кто чувствуетъ, что онъ такъ близокъ съ народомъ, такъ освободился отъ среды искуственной цивилизаціи и такъ переработалъ и побѣдилъ ее—кто до того окончилъ съ собою, что ему остается одно дѣйствіе, и

(*) Письмо это долею было вызвано нѣсколькими статьями помѣщенными въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ подъ заглавіемъ "Литературы паденія Untergangs literatur, въ которыхъ сильно нападали Vom Andern Ufer и на статью—Omnia mea mecum porto —помѣщенную въ томъ-же журналѣ. Нѣсколько намековъ на эти статьи кстати тогда, не годились теперь, я ихъ выпустилъ.

кто достигъ цѣлости и единства, о которой мы говоримъ, тому принадлежитъ рѣчь, тотъ пусть говоритъ народу, да онъ и будетъ непремѣнно говорить — мы склонимся передъ нимъ.

Ощущаете-ли вы что-нибудь подобное въ груди? — сомнѣваюсь. Мы вмѣстѣ трупъ, и убійцы, болѣзнь и прозекторы стараго міра — вотъ наше призваніе.

Я долго думалъ, что можно покрайней-мѣрѣ лично начать новую жизнь, отступить въ себя, удалиться отъ толкучаго рынка. Невозможно — будь хоть одинъ человѣкъ возлѣ васъ, съ которымъ вы не порвали всѣ отношенія, черезъ него воротится старый міръ, порочный и распутный, лукавый и предательскій. Мы похожи на того раба въ французскихъ колоніяхъ, котораго, разсказываетъ Шельшеръ, господинъ за наказаніе связалъ на глухо съ трупомъ имъ убитаго вола и такъ оставилъ умирать.

Смерть отжившаго міра захватитъ и насъ, спастись нельзя, наши испорченныя легкія не могутъ дышать другимъ воздухомъ кромѣ зараженнаго. Мы влечемся съ нимъ въ неминуемую гибель; она законна, необходима, мы чувствуемъ что насъ скоро будетъ не нужно; но изчезая съ нимъ, но чувствуя роковую необходимость, связавшую насъ, мы нанесемъ ему еще самые злые удары и погибая въ разгромѣ и хаосѣ, радостно будемъ привѣтствовать новый міръ — міръ не нашъ — нашимъ "Умирающіе привѣтствуютъ тебя Кесарь!"

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

—

Ницца, 31 Декабря 1851 г.

Vive la mort, Друзья! И съ новымъ годомъ! теперь будемъ послѣдовательны, не измѣнимъ собственной мысли, не испугаемся осуществленія того что мы предвидѣли, не отречемся отъ знанія до котораго дошли скорбнымъ путемъ. Теперь будемъ сильны и постоимъ за наши убѣжденія.

Мы давно видѣли приближающуюся смерть; мы можемъ печалиться, принимать участіе, но не можемъ ни удивляться, ни отчаяваться, ни понурить голову. Совсѣмъ напротивъ, намъ надобно ее поднять — мы оправданы. Насъ называли зловѣщими воронами, накликающими бѣды, насъ упрекали въ расколѣ, въ незнаніи народа, въ гордомъ удаленіи, въ дѣтскомъ негодованіи, а мы были только виноваты въ истинѣ и въ откровенномъ высказываніи ея. Рѣчь наша оставаясь таже, становиться утѣшеніемъ, ободреніемъ устрашенныхъ событіями въ Парижѣ.

Когда люди, стоявшіе во главѣ движенія, шутили

надъ своей слабостью, когда они принимали предсмертную болѣзнь за минутный сонъ, за мимолетную усталь, когда эмпирики и шарлатаны увѣряли, что болѣзнь пройдетъ и тратили лучшія силы на врачеваніе трупа, когда они ждали что больной возметъ одръ и пойдетъ по ихъ приказанію, тогда было необходимо проповѣдывать " что у воротъ ихъ стоитъ не Кателина, а смерть"—какъ это и дѣлалъ Прудонъ, изъ своего заточенія. Теперь она ихъ растворила, взошла, теперь ошибиться трудно . . . вотъ она, между нами коситъ на право, коситъ на лѣво... подрѣзанная трава такъ и валится.

Рухнулся наконецъ этотъ міръ призрачный, дряхлый, пережившій самаго себя, міръ распадающійся, двуначальный, неоткровенный, дошедшій до лжи и смѣшенія всѣхъ понятіи, какъ все выживающее изъ ума, остановившійся на невозможныхъ сочетаніяхъ, на несовмѣстныхъ перемирьяхъ, на слабодушныхъ уступкахъ. Все что онъ лѣпилъ, придумывалъ, выстроилъ изъ прошедшаго и выбѣлилъ новой краской, всѣ произведенія его старческаго ребячества — все разсыпалось какъ карточный домъ; противные сумерки пропали. Нѣтъ больше двусмысленныхъ недоговорокъ, поддерживавшихъ пустыя надежды съ обѣихъ сторонъ. Темная ночь которую ждали настала, — мы шагомъ ближе къ утру.

Все кончено — представительная республика и конституціонная монархія, свобода книгопечатанія и неотъемлемые права человѣка, публичный судъ и избранный парламентъ.. Дыханіе становится легче; воздухъ чище; все стало страшно просто, рѣзко....

Куда ни посмотришь, отовсюду вѣетъ варварствомъ, изъ Парижа и изъ Петербурга, снизу и сверху, изъ дворцовъ и мастерскихъ. Кто покончитъ, довершитъ? дряхлое-ли варварство скипетра или буйное варварство коммунизма, кровавая сабля или красное знамя....?

Варварствомъ новая цивилизація насильственно вводится во владѣніе старой почвой, или отрывается отъ нея, если она неспособна и истощена. Это безпорядокъ похоронъ, грубая опека надъ малолѣтними.

Идею грядущаго переворота нельзя подавить ни римскимъ деспотизмомъ, ни византійской республикой, ни анархическимъ варварствомъ, ни варварствомъ иноплеменныхъ ордъ. Ее никто не можетъ подавить кромѣ геологическаго переворота. Она не привязана ни къ какой странѣ, въ этомъ-то ея великая сила. Кто знаетъ гдѣ она будетъ торжествовать свою побѣду, по эту-ли сторону Океана или по ту? во Франціи или въ Россіи, въ Нью-Іоркѣ или въ томъ-же Парижѣ?

Христіанство было сильно своимъ вселенскимъ значеніемъ; это значеніе еще болѣе принадлежитъ соціализму. Пространства изчезли, пути сообщенія легче; исключительный патріотизмъ первый долженъ быть перечисленъ изъ добродѣтелей въ пороки при переходѣ въ новый міръ.

Реакція оттого и кажется намъ такой всемогущей и страшной, что мы лѣпимся на одних и тѣхъ-же мѣстахъ и упорно держимся за нихъ, какъ будто родъ человѣческій исключительно существуетъ отъ Парижа до Берлина. Пересозданіе быта, къ которому стре-

мится современный человѣкъ, его революціонная мысль не только не приросла ни къ какой странѣ, но ни къ какой общественной формѣ, основанной на старыхъ началахъ. Оттого республика можетъ пасть, Франція можетъ пасть, а революція продолжаться. Она ускользаетъ какъ ртуть отъ давленія и собирается по другую сторону.

Намъ жаль теперешное паденіе народа, который такъ славно жилъ, который мы такъ любили, можетъ больше нежели сознаемъ. Мы чувствуемъ, по выраженію Мишле, что съ паденіемъ Франціи температура земнаго шара понизилась.

Трудно было свыкаться съ мыслію, что Франція разошлась съ революціей. Второе Декабря, не смотря на то, что всѣ его ждали, поразило всѣхъ. Предвидитъ ли человѣкъ несчастіе, или нѣтъ оно все приходитъ въ расплохъ. Горесть наша искренная, она наше право, наше личное участіе въ современномъ дѣлѣ. Но сверхъ связи съ настоящемъ, мы имѣемъ связь и съ будущемъ.

Теперь, когда мы пережили первыя минуты безсильной злобы, стыда, тревожной неизвѣстности— пора изъ-за развалинъ и труповъ взглянуть вдаль. Если сердцу мало одного пониманья, то и пониманью мало одной грусти. Мысль всходитъ какъ луна на кладбищѣ и ищетъ своимъ свѣтомъ привесть въ ясность совершившееся, связываетъ порванные концы и указываетъ красную нитку революціи, идущую черезъ императорскій скипетръ, черезъ весь шаръ земной—вмѣстѣ съ телеграфической проволкой.

Мы не бѣжали ни отъ опасности, ни отъ печали,

случайно остались мы цѣлы; но теперь нечего больше дѣлать, сраженіе кончено, падшіе зарыты—не жить-же намъ у ихъ кургана, не довольствоваться-же одной скорбью объ утраченномъ. Жизнь обязываетъ!

Въ груди нашей—еще здоровой послѣ всѣхъ ударовъ—есть титаническій голосъ непокорности, даже ироніи надъ побѣдителемъ. Они побѣдили насъ — покажемъ, что они намъ побѣдили. У насъ отняли настоящее — отнимимъ у нихъ будущее, отравимъ нашимъ пророчествомъ ихъ ликующую радость.

Конечно потери станутъ яснѣе отъ разбора, несомнѣннѣе — кто боится знанія, тотъ пропалъ, тотъ консерваторъ.

"Оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ" говорилъ Христосъ. Дѣйствительно, весь вопросъ при такихъ переворотахъ въ томъ только и состоитъ, мертвецы-ли мы, принадлежащіе прошедшему и повторящіе съ воплемъ "совершилось", или люди будущаго, которые, съ умиленіемъ задергивая царскій покровъ, говорятъ le roi est mort—vive le roi!

Горе тому, кто теперь съ насмѣшливой улыбкой броситъ холодное слово Франціи—пора укора и упрековъ прошла, для нея настаетъ прошедшее. Парижъ останется въ памяти вѣковъ — Іерусалимомъ революціи. Религія будущаго родилась середь потоковъ французской крови, въ груди французскихъ мыслителей, среди страданія французскаго пролетаріата.

Да не посмѣетъ ни одинъ народъ радоваться ея паденію. Съ опущеннымъ взоромъ пусть они преклонятся передъ ея несчастіемъ. Они такъ не падутъ; пусть будутъ довольны этимъ. Посредственность

имѣетъ великія льготы, но она обязываетъ къ скромности. Если Франція во многомъ виновата — она много наказана.....

..... То, что не удалось революціонерамъ 15 Мая, бѣлымъ днемъ, во имя свободы, то удалось Людовику Наполеону и полицейскимъ сыщикамъ темной ночью, во имя насилія. Республика пала зарѣзанная по корсикански, по разбойничьи, обманомъ, изъ-за угла.

Бланки оправданъ Бонапартомъ.

Собранье разогнали — какъ хотѣлъ его разогнать Гюберъ.

Вмѣсто диктатуры революціонной водворилась диктатура управы благочинія — и все пало передъ ней; потому-что все было шатко, неглубоко, неистинно; потому-что въ каждомъ новомъ учрежденіи былъ оставленъ старый, отравлявшій его, элементъ.

Чего-же намъ-то удивляться, что нашлись добровольные палачи для того, чтобъ казнить осужденное нами. Второе Декабря лишенное всякой творческой силы, всякаго живаго начала, подъ предлогомъ спасенія, разрушаетъ государство, противъ котораго борется соціализмъ.

Франція традиціонная, историческая, монархическая, была казнена во время террора. Съ тѣхъ поръ является рядъ неустоявшихся формъ правленія, рядъ переложеній и сочетаній незрѣлыхъ мыслей съ отжившими формами. Дикой деспотизмъ Наполеона также мало могъ удержаться, какъ царства двухъ хартій. Представительная система была цѣла во Франціи, пока исполнительная власть и револю-

ціонеры ее терпѣли. Не только Людовикъ Филиппъ, но и Людовикъ XVIII и Карлъ X были настолько люди прошлаго вѣка, что боялись открыто изорвать хартію, они вѣрили въ нее.

Республиканское изданіе хартіи, сдѣланное въ 1848 году, отличалось отъ прежнихъ тѣмъ, что въ него никто не вѣрилъ, а всѣ употребляли какъ маску или какъ щитъ. Прудонъ не хотѣлъ его вотировать, соціалисты презирали его, роялисты ненавидили, республиканцы находили недостаточнымъ и нелѣпымъ. Одинъ Людовикъ Наполеонъ присягалъ ему и былъ обязанъ вѣрностью; онъ-то ему и измѣнилъ, но онъ не измѣнилъ своему избранію.

Его избраніе совершенно свободное въ 1848 было плебисцитомъ, которымъ Франція отрѣкалась отъ свободы.

Онъ исполнилъ волю народную. Интригантъ по семейному преданію, онъ исполнилъ ее изъ-подтишка, въ то время какъ могъ то-же сдѣлать открыто. Человѣка этого ничто не связывало. Иностранецъ, выросшій внѣ Франціи, онъ не дѣлилъ ни хорошихъ, ни дурныхъ качествъ Французовъ, онъ ихъ подсматривалъ и хладнокровно помѣчалъ. Постоянно изучая жизнь своего дяди, онъ въ ней не могъ найти ничего кромѣ безпредѣльнаго презрѣнія къ Французамъ и къ людямъ вообще. Терять этому человѣку было нечего, ожидать всего. Три года присматривался онъ и рискнулъ на-вѣрное.

Ему удалось, потому-что его coup d'état отвѣчалъ необходимой потребности выйти куда бы то ни было, хоть въ полную гибель, но не оставаться въ ложномъ

положенiи. Второе Декабря лишено всякаго другаго нравственнаго смысла. Это былъ выходъ. Парижскiй народъ, хорошо понимая это, не защищалъ баррикадъ, потому что онъ былъ радъ перемѣнѣ; но скоро увидѣлъ, что онъ ничего не выигралъ. Умные консерваторы съ своей стороны поняли также, что побѣда не ихъ.

Но кто-же побѣдилъ?

Переворотъ втораго Декабря, какъ iюньскiе дни, не имѣетъ знамени, онъ имѣетъ только собственное имя, бунтующую полицiю, пьяныхъ солдатъ, подкупленныхъ генераловъ. Смерть явилась, какъ всегда въ острыхъ болѣзняхъ, безсмысленно, съ видомъ случайности, безъ разумнаго слова.

Говорятъ, что побѣдилъ порядокъ. — Нѣтъ идеи бѣднѣе, жалче, слабѣе, какъ идея порядка quand même, порядка въ смыслѣ полицейской тишины.

Полицiя идетъ впередъ и на первомъ мѣстѣ только тогда, когда ведутъ кого-нибудь на казнь.

Цезарь полицiи, исполнитель ея власти, представитель порядка называется—Палачемъ.

И дѣйствительно Людовикъ Наполеонъ долженъ все переказнить для того, чтобъ остаться на мѣстѣ, онъ не можетъ иначе удержаться. Что вы думаете, онъ оставитъ въ покоѣ орлеанистовъ, синихъ и красныхъ республиканцевъ?... Литература, поэзiя, журналистика —все будетъ убито, словоохотная Францiя замолчитъ . . . . .Далѣе ему необходима война; война, это казнь гуртомъ, это коренное разрушенiе. На войну надобно много денегъ—гдѣ ихъ взять пока контрибуцiи не раззорили цѣлыхъ племенъ?.. Гдѣ?

У капиталистовъ! И тутъ начнется цезарской коммунизмъ!

А! господа, вы продали ваши человѣческія права за блюдо чечевицы — и воображаете, что вамъ его оставятъ. Нѣтъ! Куда вы пойдете жаловаться? Развѣ есть гласность, судъ, защита?—Нѣтъ! Порядокъ слишкомъ хорошо торжествуетъ; за крамолу въ тюрьму, за возраженіе въ Нука-Иву, въ Каену.

На этой стремнинѣ, при войнѣ, будетъ труднѣе удержать Францію, нежели взять корону изъ рукъ префекта полиціи. Но какое дѣло, спасается она или нѣтъ—побѣдитъ она или нѣтъ. Кто бы ни побѣдилъ, отъ монархическо-христіанской Европы, отъ старыхъ формъ не уцѣлѣетъ и половины.

Вся Европа выйдетъ изъ фугъ своихъ, будетъ втянута въ общій разгромъ; предѣлы странъ измѣнятся, народы соединятся другими группами, національности будутъ сломлены и оскорблены. Города, взятые приступомъ, ограбленные, обѣднѣютъ, образованіе падетъ, фабрики остановятся, въ деревняхъ будетъ пусто, земля останется безъ рукъ, какъ послѣ тридцатилѣтней войны; усталые, заморенные народы покорятся всему, военный деспотизмъ замѣнитъ всякую законность и всякое управленіе. Тогда побѣдители начнутъ драку за добычу. Испуганная цивилизація, индустрія побѣгутъ въ Англію, въ Америку, унося съ собой отъ гибели кто деньги, кто науку, кто начатой трудъ. Изъ Европы сдѣлается нѣчто въ родѣ Богеміи послѣ Гусситовъ.

И тутъ—на краю гибели и бѣдствій — начнется другая война—домашняя, своя расправа неимущихъ съ имущими!

Напрасно жать плечами, негодовать и клясть. Развѣ вамъ этого не предсказалъ Ромье? "Или безвыходный цезаризмъ или красный призракъ". Онъ только не договорилъ одного, что цезаризмъ приведетъ къ комунизму; если-же нѣтъ, то въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ не только правительства и общественныя формы умерли, но и народы.

И чѣмъ эта война несправѣдливѣе войны мѣщанъ противъ дворянъ, либерализма противъ феодальной и монастырской собственности?

Мѣщане заработали свое достояніе трудомъ, дворяне кровью, оба насиліемъ, потому-что тѣмъ и другимъ помогало правительство. Революціонное правительстввo поможетъ третьимъ.

Да и какая тутъ справедливость! Мы видимъ куда несется потокъ; доказывать юридически водопаду чтобъ онъ не разливался, не топилъ бы чужихъ береговъ, ни къ чему не ведетъ.

...Вооруженный комунизмъ приподнялъ слегка, полушутя, свою голову въ южныхъ департаментахъ, онъ едва взялъ нѣсколько аккордовъ, но характеръ своей музыки заявилъ. Пролетарій будетъ мѣрить въ ту-же мѣру, въ которую ему мѣрили. Комунизмъ пронесется бурно, страшно, кроваво, несправѣдливо, быстро. Середь грома и молній, при заревѣ горящихъ дворцовъ, на развалинахъ фабрикъ и присутственныхъ мѣстъ—явятся новые Заповѣди, крупно набросанныя черты новаго символа вѣры.

Онѣ сочетуются на тысячу ладовъ съ историческимъ бытомъ; но какъ бы ни сочетались онѣ, основной тонъ будетъ принадлежать соціализму;

современный государственный бытъ съ своей цивилизаціей погибнуть — будутъ, какъ учтиво выражается Прудонъ,—ликкидированы.

Вамъ жаль цивилизаціи?

Жаль ея и мнѣ.

Но ея не жаль массамъ, которымъ она ничего не дала кромѣ слезъ, нужды, невѣжества и униженія.

Смиреніе передъ неотвратимыми судьбами! И твердымъ шагомъ взойдемъ въ новый годъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМО

къ Ш. Риберолю, издателю журнала "*L'Homme*"

Гражданинъ издатель,

Три года тому назадъ вышли въ Германіи мои "письма изъ Италіи и Франціи." Книга шла успѣшно; событія 1848 г., обсуживаемыя Русскимъ, имѣли особенный интересъ.

Въ послѣдствіи я написалъ еще нѣсколько писемъ —которыя не были напечатаны. Хотите ихъ для вашего журнала?

Мысль предложить ихъ вамъ пришла мнѣ въ голову, когда я увидѣлъ какъ широко вы растворяете двери всѣмъ революціоннымъ мнѣніямъ, стало и нашему.

...Будто есть русское революціонное мнѣніе? Чѣмъ оно можетъ отличаться отъ французскаго, нѣмецкаго? Родина русскаго образованія не въ Россіи, а въ Европѣ.—Дѣйствительно революціонная идея одна и таже; но положенія наши розны.

Никто еще не думалъ о странномъ, эксцентричес-

комъ положенiи Русскаго на Западѣ, особенно когда онъ перестаетъ быть праздношатающимся.

Намъ дома скверно. Глаза постоянно обращены на дверь запертую царемъ и которая открывается понемногу и изрѣдка. Ѣхать за границу мечта каждаго порядочнаго человѣка. Мы стремимся видѣть, осязать мiръ, знакомый намъ изученiемъ, котораго великолѣпный и величавый фасадъ, сложившiйся вѣками съ малолѣтства поражалъ насъ. Мы стрѣмимся еще сильнѣе не видать ни зимняго дворца, ни голубой и зеленой полицiи, ни утѣшительнаго зрѣлища торжествующаго порядка.

Русской вырывается за границу въ какомъ-то опьянѣнiи — сердце настежъ, языкъ развязанъ — прусскiй жандармъ въ Лауцагенѣ намъ кажется человѣкомъ, Кенигсбергъ свободнымъ городомъ. Мы любили и уважали этотъ мiръ заочно, мы входимъ въ него съ нѣкоторымъ смущенiемъ, мы съ уваженiемъ попираемъ почву, на которой совершалась великая борьба независимости и человѣческихъ правъ.

Сначала все кажется хорошо и притомъ какъ мы ожидали, потомъ мало - по - малу мы начинаемъ что-то не узнавать, на что-то сердиться—намъ не достаетъ пространства, шири воздуха, намъ просто неловко; со стыдомъ прячемъ мы это открытiе, ломаемъ прямое и откровенное чувство и прикидываемся закоснѣлыми Европейцами—это не удается.

Напрасно стараемся мы придать старческiя черты молодому лицу, напрасно надѣваемъ выношеный узкой кафтанъ, кафтанъ рано или поздно порется и варваръ является съ обнаженной грудью, краснѣя своего неумѣнiя носить чужое платье.

Знаменитое grattez un Russe et vous trouverez un barbare — совершенно справедливо. Кто въ выигрышѣ, я не знаю. Но знаю то, что варваръ этотъ самый непріятный свидѣтель для Европы. Въ глазахъ Русскаго она читаетъ горькій упрекъ; обидное удивленіе, которымъ смѣняется у него удивленіе совсѣмъ иное — дѣйствуетъ непріятно, будитъ совѣсть.....

Дѣло въ томъ, что мы являемся въ Европу съ ея собственнымъ идеаломъ и съ вѣрой въ него. Мы знаемъ Европу книжно, литературно, по ея праздничной одеждѣ, по очищеннымъ, перегнаннымъ отвлеченностямъ, по всплывшимъ и отстоявшимся мыслямъ, по вопросамъ занимающимъ верхній слой жизни, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя.

Все это вмѣстѣ составляетъ свѣтлую четверть европейской жизни. Жизнь темныхъ трехъ-четвертей не видна издали, вблизи, она постоянно передъ глазами.

Между дѣйствительностью, которая возносится къ идеалу, и той, которая теряется въ грязи улицъ, между цѣлью политическихъ и литературныхъ стремленій и цѣлью рыночной и домашней дѣятельности столько же различія, сколько вообще между жизнію христіанскихъ народовъ и евангельскимъ ученіемъ. Одно слово—другое дѣло; одно стремленіе—другое бытъ; одно безпрестанно говоритъ о себѣ — другое рѣдко оглашается и остается въ тѣни; у одной на умѣ созерцаніе — у другой нажива.

Разумѣется, бытъ этотъ непроизволенъ. Онъ сложился посильно, какъ могъ, изъ историческихъ данныхъ, накипѣлъ вѣками, захватилъ въ себя всякую

грязь, всякія наслѣдственныя болѣзни, въ немъ остались наносы всѣхъ націй. Ряды народовъ жили, истощились и погибли въ этомъ потокѣ западной исторіи, который влечетъ съ собою ихъ кости и трупы, ихъ мысли и мечтанія. Онѣ носятся надъ этимъ глубокимъ моремъ, освѣщая его поверхность — какъ нѣкогда носился духъ божій надъ водами.

По воды не раздѣляются.

Новый міръ можно только творить изъ хаоса. А старый міръ еще крѣпокъ, инымъ нравится, другіе привыкли къ нему.

Тягость этого состоянія западный человѣкъ, привыкнувшій къ противорѣчіямъ своей жизни, не такъ сильно чувствуетъ, какъ Русскій.

И это нетолько потому, что Русскій посторонній, но именно потому, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свой. Посторонній смотритъ на особенности страны съ любопытствомъ, отмѣчаетъ ихъ съ равнодушіемъ чужаго; такъ смотрѣлъ Бу-Маза на Парижъ изъ своего дома на елисейскихъ поляхъ; такъ смотритъ Европеецъ на Китай.

Русскій напротивъ, страстный зритель, онъ оскорбленъ въ своей любви, въ своемъ упованіи, онъ чувствуетъ что обманулся, онъ ненавидитъ такъ какъ ненавидятъ ревнивые отъ избытка любви и довѣрія.

У Бедуина есть своя почва, своя палатка, у него есть свой бытъ, онъ воротится къ нему, онъ отдохнетъ въ немъ. У Еврея — у этого первозданнаго изгнанника, у этого допотопнаго эмигранта — есть кивотъ, на которомъ почіетъ его вѣра, во имя котораго онъ примиряется съ своимъ бытомъ.

Русской бѣднѣе Бедуина, бѣднѣе Еврея — у него ничего нѣтъ на чемъ бы онъ могъ примириться, что бы его утѣшило. — Можетъ въ этомъ-то и лежитъ зародышъ его революціоннаго призванія.

Оторванный отъ народнаго быта во имя Европеизма, оторванный отъ Европы душнымъ самовластіемъ, онъ слишкомъ слабъ, чтобъ сбросить его и слишкомъ развитъ, чтобъ примириться съ нимъ. Ему остается удаленіе.

Но куда удалиться?—Не всѣ способны день и ночь играть въ карты, пить мертвую чашу, отдаваться всевозможнымъ страстямъ, чтобъ заглушить тоску и умертвить душу. Есть люди, которые удаляются въ книгу, въ изученіе западной исторіи, науки. Они вживаются въ великія преданія XVIII вѣка, поклоненіе французской революціи—ихъ первая религія; свободное германское мышленіе — ихъ катехизисъ, и для нихъ не нужно было чтобъ Фейербахъ разболталъ тайну Гегелева ученія чтобъ понять ее.

Изъ этого міра исторіи, міра чистаго разума, онъ идетъ въ Европу, т. е. идетъ домой, возвращается...и находитъ то, что нашелъ бы въ IV, V столѣтіи какой-нибудь Остроготъ, начитавшійся св. Августина и пришедшій въ Римъ искать весь господню.

Средневѣковые пилигримы находили по-крайней-мѣрѣ въ Іерусалимѣ пустой гробъ — воскресеніе господне было снова подтверждено; Русской въ Европѣ находитъ пустую колыбель и женщину истощенную мучительными родами.

Будетъ-ли она жива?

Будетъ-ли живъ ребенокъ?

Да — Нѣтъ?....спросить не у кого, философы суевѣрны, революціонеры консервативны, они ничего не могутъ сказать. Наивный дикарь всю декораціонную часть, всю mise en scène, всю часть гиперболическую бралъ за чистыя деньги. Теперь разглядѣвши, онъ знать ничего не хочетъ, онъ представляетъ къ учёту какъ вексель писанныя теоріи, которымъ онъ вѣрилъ на слово—надъ нимъ смѣются, и онъ съ ужасомъ догадывается о несостоятельности должниковъ. "Гдѣ-же наконецъ тѣ сильные, тѣ пророки, которые насъ вели, манили?" — Они-то первые и обанкрутились. Ихъ мнимыя богатства были просто акціи на будущій капиталъ, это было приложеніе системы Лау къ нравственному міру.

Непослѣдовательность революціонныхъ людей, ихъ двойство, глубоко оскорбляетъ насъ. Они поддерживаютъ одной рукой то, что ломаютъ другой; имъ жаль дряхлаго міра, и пока они мирволятъ ему, плачутъ объ немъ, міръ будущаго проходитъ у нихъ сквозь пальцы. Одни боятся логическаго вывода, другіе не могутъ его понять и почти всѣ стоятъ еще на томъ берегу гдѣ дворцы, церкви, суды.

Печальное знаменіе остановки, предѣла, смерти бросается въ глаза и мы его равно читаемъ на челѣ мучениковъ гибнущихъ на галерахъ и на челѣ каторжниковъ пирующихъ въ Тьюльри.

—"И это рабы царя, Богъ вѣсть зачѣмъ являющіеся изъ подъ своего снѣга, осмѣливаются видѣть?"

Не ихъ вина, если они видятъ. Варвары съ поконъ вѣка отличались тонкимъ зрѣніемъ; намъ Геродотъ дѣлаетъ особую честь, говоря что у насъ глаза ящерицы.....

..."Русской снимая съ себя цѣпи, становится самымъ свободнымъ человѣкомъ въ Европѣ. Что можетъ его остановить? Уваженіе къ его прошедшему? —новая исторія Россіи начинается съ полнѣйшаго отрѣченія преданій. Или петербургскій періодъ? "Это пятое дѣйствіе кровавой трагедіи представленной въ публичномъ домѣ", насъ ни къ чему не обязываетъ. Оно оставило не вѣрованія, а сомнѣнія.

"Съ другой стороны ваше прошедшее служитъ намъ поученіемъ, но не больше, мы нисколько не считаемъ себя душеприкащиками вашей исторіи. Ваши сомнѣнія мы принимаемъ, но ваша вѣра насъ не трогаетъ, вы слишкомъ религіозны для насъ. Мы готовы дѣлить ваши ненависти, но не понимаемъ вашей привязанности къ наслѣдію вашихъ предковъ. Мы слишкомъ задавлены, слишкомъ несчастны чтобъ удовлетвориться половинчатыми рѣшеніями. Вы многое щадите, васъ остановливаетъ раздумье совѣсти, благочестіе къ былому; намъ нечего щадить, насъ ничего не останавливаетъ—но мы безсильны, связаны по рукамъ и ногамъ. Отсюда наша вѣчная иронія, злоба, разъѣдающая насъ и ведущая насъ въ Сибирь, на пытки, къ преждевременной смерти. Люди жертвуютъ собой безъ всякой надежды—отъ скуки, отъ тоски....Въ нашей жизни есть что-то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, ничего неподвижнаго, ничего мѣщанскаго.

"Не обвиняйте насъ въ безнравственности, потому что мы не уважаемъ то, что вы уважаете—съ какихъ поръ дѣтямъ въ воспитательныхъ домахъ ставятъ въ упрекъ, что они не почитаютъ родителей?

"Мы свободны, потому-что начинаемъ съ самыхъ себя. Преемственное въ насъ только наша организація, народная особность прирожденная намъ, лежащая въ нашей крови, въ нашемъ инстинктѣ. Мы независимы, потому что у насъ ничего нѣтъ, намъ нечего любить; горѣчь, обида въ каждомъ воспоминаніи; науку, образованіе, намъ подали на концѣ кнута.

"Что намъ за дѣло до вашихъ преемственныхъ обязанностей, намъ меньшимъ и лишеннымъ наслѣдства? И какъ намъ принять вашу поблеклую нравственность, не человѣческую и не христіанскую, существующую только въ риторическихъ упражненіяхъ, въ воскресныхъ проповѣдяхъ, въ прокурорскихъ разглагольствованіяхъ? Съ чего намъ уважать ваши судебныя палаты съ ихъ тяжелыми, давящими сводами, безъ свѣта и воздуха, перестроенными на готическій ладъ въ средніе вѣка и побѣленными вольно-отпущенными мещанами послѣ революціи?....

"Русскіе законы начинаются съ оскорбительной истины "царь приказалъ" и оканчиваются дикимъ "быть по сему". А ваши указы носятъ въ заголовкахъ двоедушную ложь, громовой республиканскій девизъ и имя французскаго народа. Сводъ законовъ точно также направленъ противъ человѣка какъ сводъ Наполеона, но мы знаемъ что нашъ сводъ скверенъ, а вы не знаете этого. Довольно носимъ мы цѣпей насильно, чтобъ прибавлять еще добровольныя путы. Въ этомъ отношеніи мы стоимъ совершенно на одной доскѣ съ нашими крестьянами. Мы повинуемся грубой власти, потому-что она сильнѣе. Мы рабы—

оттого что не можемъ освободиться, но мы ничего не примемъ изъ вражьяго стана.

"Россія никогда не будетъ протестанскою.

"Россія никогда не будетъ juste milieu.

"Она не возстанетъ только для того, чтобъ отдѣлаться отъ царя Николая и получить въ награду представителей царей, судей-императоровъ, полицію-деспотовъ"(*).

Вотъ что я писалъ въ Сентябрѣ 1851.

—Австрійскій Lloyd, говоря объ моей книгѣ Vom andern Ufer, называетъ меня русскимъ Іереміемъ, плачущимъ на развалинахъ іюньскихъ барикадъ, и прибавляетъ, что книга моя замѣчательна какъ патологическій фактъ, показывающій какой безпорядокъ вноситъ въ русскую голову нѣмецкая философія и французская революція.

Я принимаю все это.

Да я плакалъ на іюньскихъ барикадахъ, еще теплыхъ отъ крови, и теперь плачу при воспоминаніи объ этихъ проклятыхъ дняхъ, въ которыхъ канибалы порядка восторжествовали. Я буду очень счастливъ, если мои писанія могутъ служить для уясненія "патологіи" революціи и цѣль моя будетъ совершенно достигнута, если я могу указать, какъ послѣднія молніи революціи сверкнули и отразились въ русскомъ пониманіи.

Съ этой тройной точки зрѣнія, я вамъ предлагаю мои письма и братски привѣтствую васъ.

Лондонъ, 7 февраля 1854 г.

(*) Изъ письма моего къ Мишле.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT:
Zeno Swietoslawski, 178-179, High Holborn.—London.

АМЕРИКАНСКАЯ И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ АГЕНЦІЯ,

60 PATERNOSTER ROW, LONDON.

—

Н. ТРЮБНЕРЪ и К-нія извѣщають что особымъ постановленіемъ Остъ Индской Компаніи, директоры ея назначили ихъ единственными агентами для продажи всѣхъ ихъ изданій. Съ тѣмъ вмѣстѣ они просятъ обратить вниманіе на каталогъ книгъ изданныхъ по распоряженіямъ Компаніи.

Всякаго рода книги на восточныхъ языкахъ, могутъ быть выписаны черезъ Г. Трюбнера.

Сверхъ того Агенція Трюбнера и К-ніи въ постоянномъ сношеніи съ Америкой и предлагаетъ свои услуги для доставки книгъ (старыхъ и новыхъ) журналовъ, картъ, физическихъ снарядовъ. Она равномѣрно находится въ прямомъ сношеніи съ Вѣной, Берлиномъ, Амстердамомъ, Лейпцигомъ, Копенгагеномъ и пр. вслѣдствіе этого она можетъ доставлять книги, карты и пр. въ Англію, Америку и обратно по болѣе сходнымъ условіямъ нежели

обыкновенно. Заказы могутъ быть дѣлаемы черезъ каждаго книгопродавца въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи и на континентѣ.

Н. ТРЮБНЕРЪ льститъ себя надеждой что онъ уже извѣстенъ русской публикѣ — какъ издатель Сочиненій ИСКАНДЕРА и книги "14 Декабря и Императоръ Николай" онъ доводитъ до ея свѣдѣнія, что онъ готовъ печатать по русски, всякаго рода сочиненія.

Въ Книжной торговлѣ Н. ТРЮБНЕРА, поступилъ въ продажу, прилагаемый къ Письмамъ изъ Франціи и Италіи портретъ

А. ГЕРЦЕНА (Искандера).

Гравированный на стали съ Лондонской фотографіи.

Universal Printing Establishment, 178 & 179, High Holborn.

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗ